

П. В. СМІРНОВ

ПАМ'ЯТЬ СЕРДЦА

КОЛОГРИВ

П.В. СМІРНОВ

ПАМ'ЯТЬ СЕРДЦА

**Центр народного творчества и туризма
«Горница»**

Кологрив. 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ.....	3
ЧАСТЬ I. ЭТО ВСЕ МОЁ, РОДНОЕ.....	7
ГЛАВА I. ДЕРЕВНЯ ТИХАЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ.....	7
ГЛАВА II. СОСЕДНИЕ ДЕРЕВНИ.....	23
ГЛАВА III. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖИЗНЬ.....	31
ГЛАВА IV. ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН И СТРАШНЫХ ПОТряСЕНИЙ.....	45
ЧАСТЬ II. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.....	48
ЧАСТЬ III. ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ.....	69
ЧАСТЬ IV. ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ.....	130
ПРИЛОЖЕНИЕ. ВЕЩИЕ СНЫ.....	161
ПРИЛОЖЕНИЕ. ФОТО.....	168

ОБ АВТОРЕ КНИГИ

ЗРЯ говорят, что в преклонные годы слабеет память. Сами пожилые люди признаются: не помним иногда, что было вчера, неделю назад, а вот явственно восстанавливаются в памяти годы детства, юности, активной трудовой жизни.

У некоторых ветеранов возникает потребность изложить воспоминания на бумаге и таким образом оставить свой след на земле, в памяти потомков. Такие воспоминания очень ценны, ведь фиксируется ушедший образ родной деревни, уклад жизни, различные бытовые подробности.

Недавно такой большой труд, книгу «Память сердца», закончил ветеран Великой Отечественной войны из села Ильинское Кологривского района Костромской области Павел Владимирович СМИРНОВ. Он хорошо известен читателям газеты «Кологривский край», в которой опубликованы его воспоминания о детстве и юности, родной деревне Тихой, односельчанах, фронтовом пути.

Теперь к воспоминаниям Ильинского земляка-краеведа Н.Я. Звонова прибавилась и интересная книга П.В. Смирнова. Во вступлении он пишет: «Начата книга 27 марта 2005 года, село Ильинское. Я хочу описать время моей молодости, начиная с самых малых лет, с того момента, когда память недавно родившегося человека начала закреплять все, что увидела и хранила до конца жизни».

Книга эта хоть и написана на первый взгляд незатейливо, очень ценна и поучительна, как и жизнь самого автора воспоминаний. В жизни этой, как в капле воды отражается океан, отразилась вся непростая, подчас очень трагическая, судьба нашей страны в XX веке. Революция, коллективизация, репрессии, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление страны, старый крестьянский быт и уклад – все это есть на страницах предлагаемой вниманию читателя книги.

Кто же он, автор этой книги?

НА ЖИВОПИСНОМ берегу Унжи в селе Ильинское стоит красивый деревенский дом, утопающий в зелени деревьев. Покрашенный веселой голубой краской, добротный, ухоженный, он привлекает к себе внимание издалека. Живет в нем ветеран войны Смирнов Павел Владимирович. Столяр, плотник, печник, сапожник, краснодеревщик - да всего и не перечислишь – одним словом, мастеровой человек. Несмотря на солидный возраст, в 2009 году ему исполнилось 87 лет, он продолжает

заниматься любимым делом. Павел Владимирович постоянный участник районных конкурсов «Играй, гармонь!», участвует в общественной жизни района. За домом в огороде у него небольшая мастерская, построенная своими руками, в которой он проводит немало времени. Кстати, интересная деталь. По словам Павла Владимировича, чтобы узнать мастера своего дела, нужно посмотреть, как у него лежит инструмент. У мастера П.В. Смирнова все разложено по полочкам, все на своих местах и все под рукой. Сразу видно, мастер с большой буквы.

Павел Владимирович приятный собеседник, интереснейший рассказчик.

- Родом я из деревни Тихая, это в 4-х км от Большой Каменки, - рассказывает о себе ветеран. - В семье был старшим. Когда мне было только 7 лет, родители, уходя на работу, оставляли дом на меня. Нужно было хлеб вынуть из печи, смазать верх сладкой водой, поставить молоко топиться и проследить, чтобы оно не выкипело. Да еще маленькая сестренка в зыбке качалась, ей пеленки нужно поменять, накормить. Работать пошел с 12 лет, окончил только начальную школу. Из четверых таких же, как я, подростков в колхозе создали молодежное звено. За каждым закрепили лошадь, только какая сила у 12-13-летних пацанов? Запрягать приходилось вдвоем, одному не справиться. На лошадях пахали, боронили, сено возили с полей на ондрече, осенью перевозили снопы на ригу. А потом зерно везли в Мантурово в заготпункт. Если лошадь была посильнее, на телегу грузили пудов 20. Да и мешки были не чета нынешним, по 85-100 кг. Нам, подросткам, было не под силу его поднять, носили вдвоем. В роду у нас все мастеровые. До армии ходили вместе с отцом плотничать: настилали потолки, полы, дома околачивали. С работой плотника познакомился рано.

- На долю вашего поколения выпало суровое испытание – война. Где воевали?

- Призвали на действительную в середине июня 1941 года, еще до начала войны. Военком Одинаров нам сказал, что служить будем в артиллерии. Конечный пункт назначения - западная граница, 4-й укрепрайон. Но добрались мы только до Тернополя, там попали под бомбежку. Так для меня началась война. Вместо артиллерии попал в кавалерию, в военный городок под Шепетовкой. Жили в 4-этажных казармах, одна казарма – полк, этаж – батальон. Немцы тогда продвигались стремительно, живой силой и техникой они были в 1941 году сильны. Бомбили городок часто, и было решено отвести нас подальше от фронта. Учился, экзамены сдавал, а по окончании присвоили звание младшего сержанта.

Ранен был три раза, и все в левую ногу. Первый раз меня посчита-

ли убитым и оставили, ушли вперед. Очнулся - рядом никого. Кое-как поднялся и, опираясь на винтовку, побрел. Нужно было уйти от дороги, по которой могли пройти немецкие танки, перейти поле и укрыться в лесу. Сначала шел, потом пополз, в кровь изодрал и колени, и локти, а в лесу передвигался катом. Когда услышал собачий лай и петушиное «кукареку», обрадовался и покатился быстрее. Наткнулся на изгородь и закричал. Прибежали женщины и ребятишки, перевязали рану. Крови потерял много, в голове шумело, а перед глазами черные мошки летали. Женщины нашли телегу с лошаденкой-выбраковкой и дедом - кучером. Отвезли сначала в больницу, чтоб рану обработать по всем медицинским правилам, а потом дед погнал, на сколько это было возможно, догонять полк.

В 1942 году попал под Сталинград. Убитых не хоронили, не было возможности, каждый сантиметр простреливался. Танки шли прямо по телам погибших. Опять не повезло: очередное ранение и госпиталь. Подлечили и направили на окружные курсы младших лейтенантов. Сказали, что на 3 месяца, а оказалось на год. Обучали по программе пехотного училища.

Во время войны получил орден Красной Звезды, остальные награды вручали уже после войны. А орденом наградили за успешную операцию. Я тогда был уже лейтенантом, командовал пулеметным взводом, и нам было поручено прикрыть переправу через реку. Операция прошла без потерь. Потом попал в 130-й Латышский корпус, стоящий на освобожденной территории возле концлагеря Мажейкяй, в 43-й стрелковой гвардейской Латышской дивизии. Там и служил до демобилизации. Демобилизовался в 1946 году. Решил остаться в Риге.

- Ваше знание столярного и плотницкого дела сыграло роль в выборе профессии?

- Как-то раз шел я по улице и увидел объявление: требуются ученики на мебельную фабрику. Решил зайти, узнать, что да как. В одном из цехов увидел мебельный гарнитур, который делали на заказ. Мебель была такая красивая, что я решил: буду делать такую же. Учеником приняли без проблем. Начинать с оконных рам и дверей. Первый заказ - сделать 8 оконных блоков. Выполнил, и мне присвоили 5-й разряд. Потом перешел в цех краснодеревщиков. Окончил вечерний политехнический техникум по специальности «технолог мебельного производства». Своей квартиры не было, снимал комнату. Попросил у мастера цеха сделать мебель для себя: если что-то и не так получится, думаю, то пострадаю только я сам. Работал мастером механического, сборочного цехов, техноруком завода, исполняющим обязанности директора завода, а в 1949-

50 г.г. назначили директором деревообрабатывающего завода. Потом были вагоностроительный завод, знаменитый завод ВЭФ в Риге.

В 1979 году переехал из Риги в Ильинское к матери, в дом, где сейчас и живу.

Вот краткий рассказ о жизни ветерана, а подробнее об интересной биографии Павла Владимировича Смирнова можно узнать из этой книги.

Сыну Станиславу,
внучке Оле и внуку Диме
посвящаю

ЧАСТЬ I. ЭТО ВСЕ МОЁ, РОДНОЕ (О РОДНОЙ ДЕРЕВНЕ, ЗЕМЛЯКАХ, ДОВОЕННОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ)

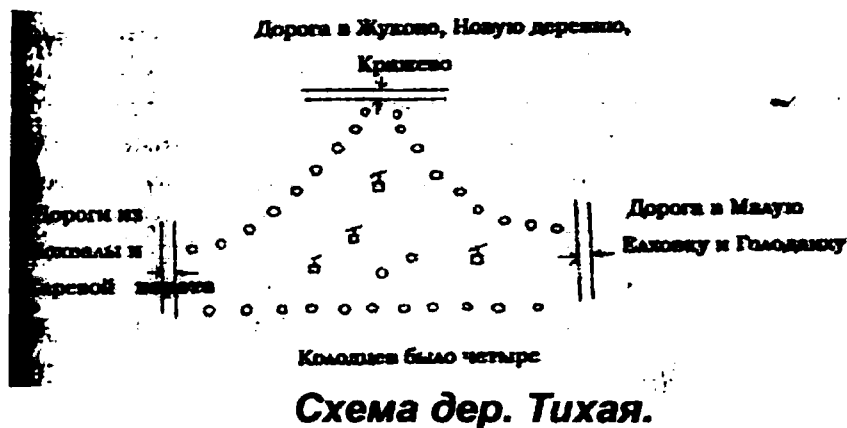
ГЛАВА 1. ДЕРЕВНЯ ТИХАЯ И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

МОЯ родина - деревня Тихая (ударение на «а») - когда-то находилась на территории Ильинского сельсовета Кологривского района Костромской области. Она считалась в наших краях сравнительно молодой. Я еще помню, как в полях догнивали пни от выкорчеванных первыми поселенцами деревьев. Помню и некоторых основателей деревни – Пашу Крота, Игнатия, Маркела.

Первыми ее жителями были выходцы из разных деревень. Например, мой род происходит из деревни Большая Горка. Другие - из деревень Бессоново, Яковлево, Каменка. Место первопоселенцы выбрали очень удачно. С трех сторон протекают речки, а это значит, что в каждом поле есть свой водопой. К 1930 году старожилов было 17 хозяйств, а к началу 40-го в деревне насчитывалось уже 31 хозяйство. Дети старожилов вырастали, строили свои дома. Например, у Игнатия отстроились три сына. Фамилии они взяли себе разные: Семен – Румянцев, Николай – Лебедев, Павел – Шипов (ударение на «о»), потом Павел был председателем нашего колхоза «Новая жизнь». У Маркела было три сына и фамилии они тоже взяли разные: Николай – Редькин, Петр – Чистов, Алексей оставил фамилию отца - Смирнов. А вот у Павла Смирнова, которого в деревне звали Паша Крот, отстроились четыре сына и все остались на отцовской фамилии.

Схематично Тихая выглядела так:

Мне хотелось бы помянуть добрым словом всех жителей моей родной деревни, которых я помню.

Дом №1

Дом моего деда **Смирнова Макара Васильевича**, первый по правую сторону дороги из Похвалы и Гаревой, был большой, обшитый, с мезонином, тесовой крышей, с красивой резьбой по карнизу. Под окнами росли две яблони и в огороде четыре, плоды на них были крупные и сладкие.

Внизу огорода были овин и гумно, где сушили и молотили зерно. Привезенные с поля снопы складывали по обе стороны гумна. Обмолот велся вручную, молотили бригадой из 4-х человек цепями. Я очень любил смотреть, как складывают сухие, снятые с овина снопы. Их укладывали рядами на гумно и обязательно колосьями друг к другу. Очень интересно было слышать, как молотят. Это лучше любой музыки.

Молотить начинали рано утром. После ручного обмолота солома оставалась прямой и не смятой. Такой соломой, если обмолачивали рожь, крыли крыши. А вот после обмолота овса оставалось много мякины. Для нее строилась мякинница, где мякина запаривалась и скармливалась скоту. Таким образом, у крестьянина все шло в дело, ничего не пропадало. Обмолоченное сухое зерно засыпалось в житницы, каждая культура в свои сусеки.

Мой дед **Макар Васильевич** был необыкновенно трудолюбив. Бабка моя **Фекла Захаровна** родилась за 50 км вниз по Унже, в деревне **Обабково**. Она прожила более 90 лет и почти до самой смерти сама вдевала нитку в иголку. В семье у них было десять детей, восемь сыновей и две дочери.

Дед **Макар** работал один и обеспечивал всю семью. Летом работал дома на полевой ниве, а по завершению полевых работ трудился у барина за рекой, который щедро платил ему за честность и высокое мастерство. Даже дарил каждую осень коня или корову.

Все его дети были рослые и сильные. Дядей моих звали «Макарята-кулашники» за их силу и крепкие кулаки. Приведу такой пример. **Василий** и **Максим** как поедут в лес за дровами (валили в те годы только сухостой), лошадь выпрягают, т.к. снег глубокий, берут сани и тащат их в лес. Напилят воз, нагрузят сани и сами вывозят на дорогу к лошади. Они говорили: «Да где уж лошади вывезти, сами еле справились». Мне рассказывал **Николай Ефимович** про заготовку леса. Когда работали **Василий** с **Максимом**, вся артель прекращала работу: все смотрели, как работают «Макарята». Они не накатывали бревна на сани кольями, как все, а брали бревно на руки и клали на сани. Еще рассказывал, как разгружал пароход вместе с **Василием**. Когда тот шел с тюком, весившим 18 пудов, по трапу, он под ним сильно выгибался. Люди сбегались посмотреть на это зрелище.

Один из моих дядей, **Василий Макарович**, служил солдатом при дворе Его Императорского Величества. Причем в охране и прислуге императрицы. Когда к ней приходили гости, она говорила: «Васенька, сходи в подвал, принеси вина». Он шел с графином в подвал. Она заставляла его первым выпить рюмку и затем отпускала погулять по своим делам. Детей у Василия было двое: сын Александр погиб на фронте, а дочь Женя была замужем за генералом. Во время блокады дядя работал сторожем на хлебозаводе до самого конца войны.

А еще он был алкоголик. Пил запоями, даже вещи из дома продавал. После запоя ровно сутки лежал. Жена Татьяна (он называл ее ласково Танюша, Танечка и никогда не обижал) придет домой и бьет его по лицу со всей силы. Бьет, пока руки не заболят и пока ему не надоест. А как надоест, Василий говорил: «Комарик, когда кусать перестанешь?». Когда возвращался домой пьяным, нередко встречал милицию. В те годы забирали в вытрезвитель, и дядя, видя, что его хотят забрать, прислонялся к стенке, защищая спину. Так его было не взять, и милиция, зная его, проезжала мимо. Вот такой был богатырь.

Максим Макарович взял фамилию **Белозеров**. Всю жизнь он прожил в деревне Похвала. В свободное от полевых работ время столярничал, делал обеденные столы на точеных ножках, рамы, двери. От первой жены у него было пять детей, вторая жена Юлия подарила сына и дочку.

Третий дядя, **Семен Макарович** писался по фамилии **Кудрявцев**. Он был живописец. Служил на флоте в Кронштадте, жил в Москве, а к нам приезжал в гости. Однажды был он с теткой Марьей Маркеловной в церкви. Все молятся, кланяются, а он нет. Она его спрашивает: «Сеня, что ты стоишь как столб?» - «А кому молиться-то?» - Она показала на икону. - «Так это я его нарисовал». А когда батюшка обходил молящихся, все целовали ему руку, Семен же ему свою протянул. Все замерли от такой наглой выходки. У моей бабушки хранилось несколько икон, написанных Семеном.

Дядя **Иван** жил в деревне Пустосилово. Он рано умер от простуды, и детей после него не осталось.

Дядя **Александр Макарович Смирнов** прожил всю жизнь в родной деревне. Как и Максим, тоже столярничал. Делал рамы, коляски, выделывал новые избы, настилал полы, потолки, пилил тес, делал жернова. Он жил в доме с высоким подвалом, где даже можно было жить. И внутри дом был аккуратно обделан. Причем потолок был так прифужован, что летом в щели виднелось небо, а зимой ни воздух, ни вода не проникали. Дядя тоже столярничал. Работал в конце жизни мельником

на Жарихинской мельнице, где при остановке сплаваемого плота его так ударило пахарем (приспособление для остановки), что сутки лежал без сознания. После этого он недолго пожил. У него было четверо детей: старший сын Николай пришел с войны инвалидом, средний Александр погиб под Сталинградом, младший Иван жил в Нижнем Новгороде. Дочь Дуся попала в колонию с умственными отклонениями.

Мой отец, **Владимир Макарович**, объехал пол-России. Долго жил в Москве у брата Семена. После возвращения домой женился на домработнице бабушки Прасковье Абрамовне, моей матери. Дед говорил сыну, что другой такой жены ему не найти, и вопрос был решен.

Отец работал маляром, кровельщиком, сапожником, шорником, жестянщиком, столяром, плотником, бондарем, печником. Последние годы жизни работал только печником. У него было четверо детей: я, Павел, старший, Леонид, Сергей и дочь Валентина, она живет в Риге. Воевал, ранен был в германскую войну в ноги и голову, два раза был в газовой атаке.

Дядя **Анатолий** был в продотряде. После тифа его парализовало на правую сторону, но он левой рукой делал кадочки, деревянные ведра и сундуки. Тем и жила его семья. Он до самой смерти прожил в Тихой. Вырастил двух дочерей.

Дядя **Павел Макарович** тоже был взят на службу в продотряд, тоже заболел тифом, отчего и умер. Его единственный сын Александр получил техническое образование в Ленинграде. Жил и умер в Красноярске. Там же живут два его сына.

Моя тетя **Елизавета** была выдана замуж в Кинешму, никакой связи с ней не было. Вторая тетя, **Александра Макаровна**, была выдана замуж в деревню Половинново, где прожила всю жизнь. У нее было 8 детей.

Дом №2

Рядом с домом деда, по правой стороне, был дом желтого цвета - **Ефима Петровича Смирнова**. Никаким ремеслом он не занимался. Жил тем, что земля уродит, потому что его полоса была самая широкая, и в его житнице никогда не видели дна.

Детей у Ефима было пять дочерей и один сын. Старшая жила в Петербурге, одна в деревне Малая Каменка, две вышли замуж в родной деревне Тихая, а младшая Катя была выдана замуж в деревню Жуково на Меже. Сын Николай взял фамилию Чесноков и женился на дочери богача Клемеша из Большой Горки.

Дом №3

За ним был дом **Паши Крота Смирнова**, невзрачный, под соломен-

ной крышей. Сам Павел умер рано, а жена его Татьяна жила долго. Было у них 6 детей: пять сыновей и дочка. Один из братьев уехал в Ярославль и больше на родину не возвращался. Остальные четверо построились в родной деревне.

Сын его Никита построил дом рядом с отцовским, в деревне его звали Никита Павлов. В молодости жил он в Нижнем Новгороде, снимал койко-место у одной старушки. Однажды он сильно пнул хозяйскую собачку. И хозяйка сказала, что ногой этой больше пинать он не будет. Нога вскоре заболела, и ее ампутировали. В деревне он делал колеса для телег. Делал и другие вещи на заказ – столы, табуретки, рамы и прочее. Детей у него было пятеро: четыре девочки и сын Николай, живущий сейчас на Ужуге.

Дом №4

В отцовском старом доме жил Александр Соколов по прозвищу Чилик. Он рано овдовел, оставшись с двумя дочками и сыном. Вторая жена, Павлина из Гаревой, подарила ему трех дочек и двух сыновей. Жил Чилик зажиточно, у него всегда было две коровы и две лошади, широкая полоса, а житница всегда полна зерна. Но вторая жена быстро опустошила его сусеки. Чилик сравнился с беднотой. Старший сын его Михаил на войне был летчиком, остался жив. После войны жил в Ленинграде. Другой сын, Алексей погиб на фронте. Старшая дочь от второго брака Александра пожила в Москве в домработницах, а приехав на родину, забрала всю семью в деревню Заводское на Межу.

Дом №5

Напротив Чилика жил дядя Митяй. Умер он рано, а сын его Мишка Митяев запомнился тем, что копал хрен в огороде кавалерийской шашкой. Он не стал работать в колхозе и уехал в Ленинград. Там работал дворником и умер во время блокады. Вторым сыном, Николаем, был больной, у него постоянно двигалась нижняя губа. Умер он рано от заражения крови.

Дом №6

Дом Якова Матвеевича Смирнова, родственника моей матери, построил его отец Матвей Васильевич. Избушка была старенькая, крыша соломенная. Яков был крупного телосложения, очень сильный, но никогда этим не хвастал. Однажды у Пашки Игонина загорелся овин. Дядя Яша снял с угорода (изгороди) толстую жердь, уперся под угол крыши и спихнул ее. Как-то собрался он в Мантурово пешком. Жена собрала ему харчи на целый день, сорок пирожков. Вдруг в обед видит, муж уже обратно идет. «Что ты так рано?» – «А что, я голодный должен

ходить?». Оказывается, дошел он до д. Осиево (это меньше половины пути), съел пирожки и повернул домой. Хорошо Яков играл на гармонитальянке. Умер он после операции, у него была язва желудка. Детей у них с женой Ольей Леонтьевной не было, все умирали в раннем детстве. После смерти жены домик и двор распилили на дрова, и ничего не осталось от них на белом свете.

Дом №7

У Федора Яковлевича Смирнова были летний и зимний дома под тесовыми крышами. Летний домик был очень уютный, стояли венские стулья. Был у него один сын Алексей. При создании колхоза выбрали его бригадиром. А перед самой войной взяли Алексея на военные сборы, да так он и пропал. Жил Федор зажиточно, поскольку полоса земли была большая, она обеспечивала зерном его на целый год. Из трех его дочерей две попали в нашу родню, вышли замуж за моего дядю Павла Макаровича и племянника отца Николая Александровича Смирновых.

Дом №8

Это дом родного брата Федора Яковлевича - Тита Смирнова. Дом был старенький, большой, крыша тесовая. Затем он построил новый дом под одну крышу с двором, но не успел доделать его до конца. Жена его, Силониха, была родом из деревни Слеповское. Она была очень скупая, такой же выросла и ее дочь Пелагея. Про нее говорили, что она вся в мать. Принятый в семью зять Василий Климович Зарубин и Пелагея Титовна вырастили в этом доме трех сыновей и дочь. А дедушка Тит Яковлевич умер еще до создания колхоза.

Дом №9

Хозяина этого дома Алексея Маркеловича звали в деревне Лелька Маркелов. Детей в его семье не было. При создании колхозов они с женой уехали в Ленинград, где он работал дворником. Там оба умерли в блокаду. В их доме жила мать Алексея - Марья. Я ей помогал пилить хозпостройки на дрова. В первый день работы в доме на столе увидел клеенку со всадником на коне. «Кто это?» – спросил я ее. «Это Петр Великий, хотел реку перескочить, но не перескочил: надо было сказать – все Богово и мое, а не наоборот».

Муж ее Маркел был очень сильный. В разговоре вставлял слово «тупечи». Была у него кобыла с норомом. Встанет и все. Однажды хотел сено на сарай завезти, но она на середине въезда заноровилась, не идет и все. «Ну, тупечи, сейчас получишь!» Ударил ей кулаком по лбу и убил насмерть. Вот такой был сильный.

Дом №10

Дом Николая Ефимовича Чеснокова. Дом этот был большой, высокий, под одну крышу с сараем, крыша покрыта дранкой. Жил Николай не зная нужды, наверное, потому, что взял в жены дочь Клемеша - самого богатого человека в округе. Ее всю жизнь звали в округе Анна Клемешиха. Держали они ульи, а зимой Николай Ефимович тесал клепку, ее в те годы заготавливали много. Детей у них было трое. Старший Николай жил в Ленинграде, где и умер от воспаления легких, Павел был стрелком и радистом, погиб на войне. Мария после войны тоже жила в Ленинграде.

Дом №11

Дом у Александра Павловича Смирнова, купленный в деревне Голодаиха, был срублен из осины. Звали его в деревне Санька Татьянин. Всех братьев называли по отцу, а его почему-то по матери. На праздниках, подвыпив, он хвастался: «Живу хорошо, чего у меня нет? Все есть: корова, овцы, куры, одежда, сапоги новые, рубаха, брюки тоже хорошие». А люди потом говорили: «Вот как мало бедному человеку надо!».

После коллективизации, когда государство стало забирать из колхозов весь урожай, люди начали голодать. Народ хлынул в леспромхозы. Подался и Санька Татьянин на лесозаготовки в поселок Широкие Луга на реке Княжой. Потом писал братьям в Тихую: «Не могу нарадоваться. Приеду с работы домой, а на столе буханка хлеба лежит». Вот так жили в те годы люди, работали за буханку хлеба. На войне он служил в хозройте ездowym, вернулся живой и здоровый.

Дом №12

По правой стороне нашей улицы последним стоял дом Смирнова Николая Александровича, моего двоюродного брата. У него с женой Марией (дочь Федора Яковлевича Смирнова) было двое детей. Старший Борис был хороший тракторист и неисправимый алкоголик, умер он по-глупому. Николай Александрович вернулся с войны инвалидом, разрывная пуля раздробила ему кости левой стопы. В тяжелое послевоенное время надо было как-то жить. И он работал сначала кузнецом. Потом сапожничал, а зимой подшивал валенки. Летом насаживал и клепал косы, делал даже бураки, еще их называют туесками. Умер Николай Александрович в Нижнем Новгороде у дочери Валентины, а похоронен на родине, в селе Ильинское.

Дом №13

Возвращаемся теперь назад и считаем дома с другой стороны. В начале стоял маленький дом **Алексея Павловича Смирнова**, сына Паши Крота. В деревне его звали Олёшка Татьянин. При создании колхоза послали его учиться к знаменитому кузнецу из Малой Каменки Зарубину Дмитрию Григорьевичу по прозвищу Митюгов. Он что ни покажет, ему Алексей в ответ: «Да я знаю». Тогда Митюгов говорит: «Олёшк, за каким лешим ты пришел ко мне, иди домой и работай». В колхозе председателю Олёшка Татьянин сказал, что кузнец его прогнал. Председатель Шипов поехал к кузнецу, объяснил ему, что «Да я знаю» это его приговорка, и упросил поучить, хотя бы две недели. После этого работал он с сыном Геннадием в кузнице, делали все, что нужно колхозу.

Жил Алексей Павлович страшно бедно. Чуть ли не каждый год ему выдавали дойную корову, так как предыдущую они съедали. Ели в семье и павшую скотину, которую увозили мимо их дома в лес, и выброшенную гнилую картошку. Что удивительно, никогда ничем не болели. Алексей Павлович и его два сына, Николай и Геннадий, не вернулись с войны. Младший сын Шурик пас овец, причем те его всегда отлично понимали. Дочь Зоя в юности забеременела от Кольки Мосина из Похвалы, который «поигрался» с ней и бросил. Позже она вышла замуж за приезжего человека и уехала в деревню Заводское на Меже. А «обидчик» ее, Березин Николай Моисеевич (Колька Мосин), умер страшной смертью на Урале. На одной из вечеринок его убил офицер, на чью жену Николай обратил внимание.

Дом №14

Дому-пятистенку **Николая Маркеловича Редькина** не повезло. Такой же дом был на его месте. Но не доделанный до конца, был подожжен кем-то и сгорел. И новый дом Николай в порядок не привел, до войны не успел. Правая часть была сделана, а левая половина стояла, как кладовая. Николай Маркелович и сын его Дмитрий пали на поле брани, дочь его Анна тоже была в армии.

Дом №15

Дом у **Смирнова Василия Павловича** (сын Паши Крота) был крыт соломой. Жена у него была наша, из Тихой, Екатерина Матвеевна. До коллективизации крестьяне делились на бедняков, середняков и богачей-кулаков. Году в 1926-м в Тихой было общее собрание, приехал председатель сельсовета из Большой Каменки Бушуев Дмитрий Иванович. Когда стали переводить крестьян из бедняков в середняки, Василий страшно не хотел оставаться в бедняках. Все доказывал: «Какой я бедняк: чего у меня нет? Скот в полном порядке: лошадь, корова, овцы, куры и теленка

в лето пускаю. Инвентарь разный: тарантас, телега, ондрец, выездные сани-кошевка, рабочие сани с подсанками. Рабочая сбруя и выездная. Так что переводите меня в середняки». А у тебя, говорили ему мужики, рабочей силы мало, только двое, а за стол шестеро садитесь, ты только в маломощные середняки годишься.

В 1934 году из колхоза Василий вышел и стал пекарем в поселке Широкие луга. Позже жил в Родино на Меже. Сын его Николай воевал, потом служил в Москве, где и остался жить.

Дом №16

Дом моего отца, **Смирнова Владимира Макаровича**, небольшой, с прирубом, крыша соломенная. Двор отец строил на моих глазах, бревно наносил на плече из леса. Я хорошо помню, как звенело бревно, сброшенное с плеча на землю.

При отделении от отца ему достались полуведерный чугунок да ухват. Вот все и начиналось с ложки. Отец был на все руки мастер. В молодости жил и работал в Москве, воевал в первую мировую войну, был ранен. Женился он на домработнице деда Прасковье Абрамовне. Первый ребенок родителей, девочка, умерла младенцем. Затем в 1922 году родился я, за мной еще одна девочка – Валя, она умерла восьми лет от дизентерии. Она была очень красивая, глаза темно-карие. Когда она умерла, я закрывал ей глаза. В это же время на смертном одре лежал средний брат Ленья. Отец в это время был в Москве и, когда получил телеграмму, что умерла Валя и на очереди сын Леонид, сразу приехал. Отец привез соленой трески, и как Леонид увидел ее, то сразу весь задрожал и со слезами стал умолять, чтобы ему дали ее поесть. Наевшись трески вволю, брат пошел на поправку, понос прекратился. Вот и пойми, что от чего помогает. Кроме Леонида, в семье было еще двое младших детей – Сергей и Валентина.

П.А. и В.М. Смирновы, мать и отец автора книги.

В первые колхозные годы отец работал от души, все время находились его имя и портрет на Красной доске (была еще и Черная для тех, кто плохо работал). Его рисовали с замахом топора-шпалотеса, который он приобрел, когда тесал шпалы на станции Брантовка. Потом он вышел из колхоза, стал снова ездить в Москву на заработки, там работал маляром, кровельщиком, а иногда стекольщиком. Позже отец ослеп. Съездил в город Ветлугу, где в больнице ему удачно сделали операцию. В последние годы жизни он занимался в основном печным делом.

Моя мать Прасковья Абрамовна Соловьева родилась в 1897 году в деревне Похвала. Ее прадед Родион был дворянин и крупный землевладелец. Он жил в Похвале в двухэтажном доме, а было у него еще пять домов, в том числе два в Малой Каменке. Ездил Родион только на тройке. Был он крупным воинским начальником, и когда вышел в отставку, получил звание дворянина и большой земельный надел. Единственный сын его Василий после смерти отца промотал все его богатство. Двухэтажный дом оказался в селе Ильинское, поставили его напротив церкви. После революции в нем размещались сапожная и портняжная мастерские. Потом из него сделали одноэтажный дом, а в конце 1990-х он по халатности сгорел.

Василий Родионович всю землю отца, все пять домов продал. Ни клочка земли детям не оставил. Четыре его сына – Яков, Степан, Прохор и Матвей всю жизнь прожили в Похвале, постепенно получили землю. А вот сыну Абраму не досталось ничего, потому что он жил в Петербурге. Там он выучился на сапожника и впоследствии был сапожник и шорник непревзойденный, первой руки. После возвращения домой высватал себе невесту в деревне Романово, звали ее Груня. Жить молодоженам было негде, и брат Груни Матвей привез из Романова сруб овина, из которого сделали жилую избу. В ней Абрам и прожил с женой всю жизнь. Было у них четыре дочери и один сын, Николай. Он построил новый дом рядом со старым. Был Абрам пьяница первой руки. Он пропивал даже с себя одежду и обувь. Все дети Абрама, включая Николая, росли у чужих людей, в няньках и работницах.

Моя мать жила у Смирновых (семья деда) в работницах, за Владими-

**Прасковья Абрамовна
Смирнова, мать
П.В. Смирнова.**

ра и замуж вышла. Дед Макар говорил: «Как Володюшка приедет домой из Москвы, так сразу на тебе и женится, Прасковьюшка. Никуда мы тебя из своего дома не отпустим». Так и вышло. Мать была очень сильная, много работала на мужских работах. При создании колхоза она постоянно рассевала, то есть с пудовым лукошком зерна ходила по полю целый день. Пришлось ей полтора года по ложному доносу пробывать в заключении в Нерехте. Я сейчас вспоминаю свою мать и удивляюсь, сколько у нее было сил и энергии? Как она успевала одеть четверых детей? Нужно было намять льну, обработать его, протрепать, прочесать, напрясть ниток, чтобы хватило на полотна: тонкие для рубах, а потолще на штаны. Затем нужно покрасить пряжу, собрать кросна, наткать полотна и руками сшить на каждого рубашки и штанишки. Одновременно необходимо делать колхозную работу. Вечером, придя домой, садилась за кросна или за прялку. При обработке льна получалась куделя, имевшая названия изгребби и пачеси. Из пачесей прялась тонкая волокнистая нитка, а из изгребей – нитка толще. Все мы выросли в домотканой одежде и в лаптях.

Дом №17

Старый дом принадлежал **Чистову Петру Маркеловичу**. Рядом был построен и отделялся новый дом. И если на старом крыша была тесовая, то на новом уже драночная. Старый дом построил сам Маркел, один из основателей нашей деревни, а новый – сын его Петр. Он был небольшого роста, и звали его в деревне просто Петенька. Жена его Марья – Манюшка – происходила из деревни Гаревой, а отец ее Яша был вор межрайонного масштаба.

Было у Петра и Марьи четыре дочки, причем две были больные, Люба глухонемая, а Полина хромая, ходить могла только опираясь на палку в свой рост. Стала Поля портнихой, работала в Кологриве, там и умерла. Младшая дочь Лида во время войны работала бригадиром в колхозе. Потом она уехала с мужем жить в Ленинград. Петр Маркелович очень хотел, чтобы у него был сын, он говорил, что всех дочек положил бы в могилу за одного сына.

Петр держал ульи, и летом, когда качал мед, каждого мальчишку угощал ломтиком хлеба, намазанным медом, была такая деревенская традиция. Летом у него был день рождения и в этот день он всегда устраивал бал. Приходили все, кто хотел. Прораб бригады плотников Морозов, с которым Петр строил новый Дом культуры в Ильинском, на балу пел песенку:

Устюжкина мать не хотела помирать.

Рукавицы и топор, рукавицы и топор.

Жена мужа об забор, рукавицы и топор.

Топор, рукавицы, жена мужа не боится и т.д.

А сам Петенька крутился на одной ноге и пел:

Тырмана-тырмана, нос большой. . .

Сопли катятся возжжой.

Был он еще хороший плотник и столяр, учился с братом Павлом в Петрограде.

Дом №18

В больших домах летнем и зимнем жила семья **Беляева Николая Ионовича**. Оба дома были обшиты, крыши на обоих драночные. В летнем доме располагалась колхозная контора, конечно, с согласия хозяев. За аренду вместо оплаты начисляли трудодни. Жену Марию Федотовну, родом из деревни Плосково, все звали Федотиха. Было у них семь детей. Кстати, когда у них было шесть детей, они говорили, что будет и седьмой. Ведь в те годы за седьмого ребенка мать получала две тысячи рублей. Хозяин, чтобы прокормить большую семью, вил каждую зиму канаты из березовых виц. Целые скирды переделывал. Возил счалы в Широкие луга, Пустынь, Ухтубуж.

Любил очень выпить, особенно после получки. Когда приезжал с выручкой, прямо с порога начинал срамить свою Федотиху. Та брала малыша и уходила к соседям. Однажды сын его простудился, и жена посадила его в печь на солому, чтобы прогреть. В это время зашел хмельной батька и начал свою любимую «проповедь». Колька высунулся на шесток и спросил: «Пап, ты, что это шумишь?». На Николая Ионовича словно ушат холодной воды вылили: «Это ты, милый сын, а я думал, тебя дома нет». И затих. С тех пор больше не буянил.

Мать Николая Ионовича, которая жила с ними, звали **Милодора**. Она была повивальной бабкой. По лесу собирала муравьиный спирт. Однажды она пропала. Искали ее двое суток. На третьи нашли в Жуковском логу, на своем поле умершей. Сноха ее и старшие дети потом вспоминали, как потрескивал дом, веники шуршали на чердаке. Видимо, в это время она и умерла на продолговатом холмочке.

Дом №19

Дом колхозного председателя **Павла Игнатьевича Шипова** (с ударением на «о») стоял под драночной крышей. За двором росли две густые черемухи. Звали хозяина Пашка Волк. Мать его родила под суслоном, когда жала рожь. Из поля принесла его в подоле. Встречным говорила: «Несу волка, поймала на своей полосе». Так и привилось к нему это прозвище на всю жизнь. Как самого сообразительного, в 1930

году избрали его председателем колхоза. А потом, в 1936-м перевели в Кологрив, начальником отдела МТС. Хорошо Павел плясал «барыню» да с приговорками, играл на гармошке. А погиб он на Ленинградском фронте.

Дом №20

Эти два дома под одной крышей принадлежали **Ивану Петровичу Шипову** (ударение тоже на «о»). Я хорошо помню его отца Петра. Он был настолько худ, что его называли Тоццаков.

Жена у Ивана Клава была из Тихой, дочкой Ефима Петровича. По прозвищу дедушки их троих детей звали в деревне Колька Тоццаков, Манька и Валька Тоццаковы.

В летней избе у Шиповых размещалась «изба-читальня», в которой молодежь и подростки устраивали разные развлекательные мероприятия, даже ставили спектакли.

Дом №21

Лебедева Николая Игнатьевича, хозяина этого дома, звали в деревне только по фамилии. После женитьбы он построил маленький дом, затем стал строить большой. Потом его продали в Ильинское. Было у него пять детей: дочь Александра и четверо сыновей. Алексей погиб на фронте. Павел, работавший в Горьком на железной дороге, получил срок – 10 лет заключения. После войны он приехал домой, женился, жил в поселке Воймас. Однажды Павел зажег свой дом в Воймасы, хотел убить жену и сам застрелился. Вообще в их роду были странные поступки. Дед Игнатий, например, зарезался косой в конюшне. Так всех родных и звали потом: «Игони резаного». И Николая Игнатьевича жена звала «благим», у него были, что называется, заскоки. Во время войны его было избрали председателем, но скоро освободили за непригодностью. Оставив первую жену, ушел к вдове в Гаревую, тоже ее обижал. Когда приехали в отпуск ее сыновья, привязали его и лупили как лошадь. После этого он недолго пожил.

Крайний дом по дороге в Жуково и последний с описываемой мною стороны был новый, большой, на 10 окон. Но был он не доделан и так и загнил незаконченным, поэтому я не даю ему номера. Принадлежал он Чилику (дом №4).

Дом №22

В крайнем доме по дороге в Кряжево и Новую деревню жил Мишка Митяев – **Михаил Митяевич Веселов**. Жил только за счет земли, никаким промыслом не занимался. В конце своего огорода он сделал колодец глубиной около метра. Он его называл «дупелко». Возле него построили

ферму, к воде поближе. Потом Михаил уехал в Ленинград, и там они с женой погибли в блокаду. В маленьком домике на огороде жила его мать Авдотья. Она знала много молитв, и если кому-то становилось плохо, шли за ней. Она наговаривала на «урошные камни». Несколько раз и меня sprыскивали наговоренной водой, и с меня что-то стряхивалось мурашками и становилось легче.

Дом №23

Следующий дом - Семена Игнатьевича Румянцева, одного из сыновей Игони-резаного. Про жену его Дарью в юности говорили, что чибуриста и модна. Так и звали – Чибура. Старшая дочь Румянцевых Клава вышла замуж в Большую Каменку, была звеньевой по выращиванию льна в Большекаменском колхозе. В 1934 или 35 году отличившихся льноводов собрали со всех районов Горьковской области для лыжного похода. На второй день похода Клава сошла с ума. Потом все бегала, даже раздетая, к родителям в Тихую, разрывала завалинку и искала какой-то корень. Отец повез ее на Межу к какому-то знахарю Корню, который лечил людей и животных. Только подъехали к деревне, она вдруг стала нормальной. Корень сказал, что ждал их, дал девушке крестик с корешком и велел носить 10 лет. После этого Клава стала снова работать звеньевой и даже попала на Доску почета. Но свекровь Шмотиха возненавидела ее и однажды крестик изрезала вместе с ремешком и выкинула на улицу. Клава в это время грелась в печке и вновь сошла с ума. Корня уже тогда не было в живых, и ничто ей не помогло. Клаву куда-то увезли, и там она умерла.

Вторая дочь Семена Игнатьевича Нина уехала в Москву, где работала домработницей. Младшая Тоня жила с родителями, а сын Николай уехал в Красноярск. Он погиб на фронте. Семен с Дашей-Чибурой и Тоней тоже уехали в Красноярск на постоянное место жительства, но не прижились там. Приехав назад, угощали односельчан диковинными кедровыми орехами.

Дом №24

У дома Угарова Федора Степановича росла единственная в деревне калина. И кому надо было чистить самовар, все ходили к Угаровым за ягодами. Калина хорошо отъедала грязь и копоть на меди самоваров. Жена у Федора Степановича – Павлина, дочь Алаха, была родом из дер. Б. Каменка. Детей у них в семье было много, и всех звали Алаховы. Левая рука у нее была повреждена, и муж, когда злился, обзывал ее «пахорукая». А его называли в деревне только по фамилии. Был он большой матершинник, вставлял мат к каждому слову. Злопамятным не был. Од-

нижды в поездке в Мантурово мы с приятелем подсыпали ему в пироги шохательного табака. Он жевал и плевался, ругая «пахорукую» жену. Потом, сообразив в чем дело, смеялся над этой шуткой вместе с нами. А еще он хорошо говорил по-немецки, потому что был в немецком плену.

Дом №25

У Абрама Абрамовича Кудрявцева, носившего окладистую бороду, дом был старый, а впритык построен новый. Было в его семье семь детей. Бывало, жена Марья посылает: «Аньк, сходи, дай сена корове и лошади». Та отвечает: вон Володька. А тот: вон Шурка. И так далее - вон Пашка, Настька, Валька, Колька... А Кольке всего три года, но он четко отвечает: «Посли на...» Вот так и ели сено корова и лошадь. Лошадь у Абрама долго могла стоять у колодца, пока кто-нибудь бадью воды в колоду плеснет. Вот такая была безалаберная семейка. Сам хозяин подсобным промыслом не занимался, только плел лапти да вил березовые канаты. Два его сына, Владимир и Павел, погибли на фронте.

Дом №26

Николая Петровича Смирнова звали Питерщик, потому что в молодости жил он в тогдашней столице. Свой век он доживал один, дети его, уехавшие в Горький, ни разу не побывали на родине. За домом под тесовой крышей росла большая береза, рядом две черемухи. Их и из соседних деревень можно было увидеть. Деревня Тихая с этими исполинами издалека выглядела очень величаво. Во время кампании по ликвидации малых неперспективных деревень бульдозером их свалили в овраг, и деревня окончательно исчезла с лица земли.

Дом №27

Соседний очень старый дом принадлежал старшему брату Питерщика Владимиру Петровичу Смирнову. Он рано овдовел, остался с сыном и двумя дочерьми. По какой-то причине потерял глаз и ходил с повязкой. Сын Владимира Петровича в период революции погиб где-то в партизанском отряде за Советскую власть. Когда местная власть на него «наезжала», он бил себя в грудь: «Я отец красного партизана», и его оставляли в покое. Летом он заготавливал лыко, а зимой плел из него так называемые «каленые лапти», коричневого цвета. А из свежих - белого. Это и был его основной заработок.

Дом №28

Дом Василия Тихомирова строил его отец Емельян. Дом был изнутри оштукатурен. Все гладко, нет пазов, нет щелей. Всегда меня это удивляло. Жена у него была родом с Межи, с хутора Кулакова, что километрах в 2-х от Барановицы, на тракте Кологрив – Никола - Георгиевское. Между прочим, это был тракт с телефонной связью. Василий Еме-

льянович погиб на фронте. А жена занималась пасекой в Тихой, потом купила дом в Шарье и уехала туда с младшей дочерью.

Дом №29

В небольшом домике жил **Афоня** (больше о нем ничего не знаю). Жена его, сестра Федора Угарова, хорошо играла на гармошке. Единственную дочь Анну Афанасьевну звали Нюнька Марькина. Она была моей крестной. Вышла замуж за Алексея Румянцева из дер. Гаревая, который работал трактористом всю жизнь. У тракторов тогда не было кабин, и он заболел от пыли и грязи легкими, но построил для своей семьи новый добротный дом. Сын их Леня окончил Кологривский зоотехникум, затем работал в Костроме на племферме.

Дом №30

Дом **Смирнова Александра Макаровича**, родного брата моего отца. О дяде я писал выше. У него было четверо детей. Старший Николай пришел с фронта инвалидом, средний Александр погиб под Сталинградом, младший Иван всю жизнь проработал на Горьковском автозаводе. Дочь Дуся помешалась и жила в Буйской колонии для слабоумных.

Дом №31

Во дворе дома **Соколова Алексея Федоровича** при создании колхоза была устроена конюшня. Из жердей соорудили стойла и на дощечках написали клички лошадей. Все это было так в диковинку, что люди ходили сюда, как на экскурсию. Алексея выбрали бригадиром при создании колхоза, а незадолго до войны взяли на военные сборы, как оказалось, навсегда – он погиб на фронте. Оба сына его выросли в детдоме, сейчас живут в Нижнем Новгороде.

Таким образом, к концу 1930-х в деревне Тихой насчитывалось 31 хозяйство.

*Однодеревенцы,
Жители дер.
Тихая. Отец,
В.М. Смирнов,
с гармонью.*

ГЛАВА 2. СОСЕДНИЕ ДЕРЕВНИ

Похвала

ЭТА деревня была очень маленькая, в 1930-е в ней было всего 11 хозяйств.

Когда-то в Похвале жил мой прапрадед помещик Родион. Из его наследников в деревне жили правнуки Николай Абрамович Соловьев, четыре брата – Василий, Алексей, Владимир, Федор Степановичи Березины.

Если идти из Тихой, дома располагались так:

Дом №1

Дом Хробостова Василия Ивановича. У него и жены Матрены было двое детей, сын Николай, мой одноклассник, ходил со мной в школу. Василий Иванович отличался большой силой, мог сломать подкову. Еще сильнее был его отец. Когда-то, при сплаве плотов, он подвыпил в Макарьеве и начал громить местных мужиков. Те видят, что просто так им его не взять, схватились за колья и жерди и убили Ивана.

Дом №2

Дом обшитый, с наличниками, принадлежал Гуляеву Василию. В свободное от полевых работ время он делал очень хорошие прялки. Когда создали колхоз, работал в нем счетоводом. Василий был сердечник. Как-то зимой ходил в Кологрив и на обратном пути скончался между Большой и Малой Каменкой.

Дом №3

Дом Кирилла Гуляева, брата Василия. Хозяин дома был чем-то болен, у него не закрывался рот. Он был всегда открытый, Кирилл закрывал его концом полотенца, которое лежало у него на плече. Вырастил он четырех дочерей.

Дом №4

Этот новый дом принадлежал Алексею Зиновьевичу Лебедеву. Жил он в достатке, занимался охотой, правда, собака его была настолько худа, что жалко было смотреть на нее, я таких худых в жизни не видел. Это все от скупости его жены Натальи. Детей у них было четверо. Со старшим Василием, погибшим на фронте, произошла интересная история. В юности он был очень симпатичный, имел на этот счет всеобщее признание. С детства он дружил с очень красивой девушкой Катей из деревни Тихая. Все считали, что растет пара, которую Бог создал друг для друга. Была назначена свадьба, началась подготовка к ней. Когда все было испечено, к несчастью, зашла в дом цыганка. Увидев, что так много всего наготовлено, она подумала, что ее хорошо сейчас угостят.

Но мать Василия Наталья поскупилась, дала мало. Цыганка обиделась и сказала: «Напрасно готовились, не будут молодые жить». Свадьба прошла на высшем уровне, но молодые, переночевав, сказали, что взаимно ненавидят друг друга, после чего разошлись по своим домам. Позднее Василий женился на Ваганихе из Большой Горки, а Катя вышла замуж за Ивана Сизова в деревню Жуково на Межу.

Вот и не верь после этого цыганкам!

Дом №5

Этот дом стоял немного в стороне и принадлежал **Иванову Ивану Ивановичу**, брату Василия Хробостова. Он рано овдовел и остался с тремя детьми. Когда Похвалу соединили с Тихой в один колхоз «Новая жизнь», он работал в нем счетоводом. Погиб на фронте.

Дом №6

Дом родного брата моей матери **Соловьева Николая Абрамовича**. У него с женой Александрой Антоновной было две дочери, Вера и Мария. Старшая погибла в Ленинграде во время блокады, а Мария после окончания ПТУ жила и работала в г. Электросталь. В этом городе, кстати, умерла от голода ее мать Александра Антоновна. Она потеряла свои карточки, а просить милостыню не смогла, совесть не позволила. Николай Абрамович умер в 1938 году от туберкулеза.

Дом №7

Дом **Березина Ивана Моисеевича**. Детей у него было четверо, Люба и Катя уехали жить в Иваново, Мария жила и умерла в Белоглазово. Сын Николай работал на межколхозной ГЭС на реке Княжой, а погиб трагически где-то на Урале.

Дом №8

Дом **Березина Алексея Степановича**. Он и жена его Ефросинья приходились моей матери двоюродными братом и сестрой. Было у них две дочери, старшая Александра была на фронте, после жила в поселке Воймас. Младшая уехала в Москву.

Дом №9

Дом **Березина Василия Степановича**. Первая жена его умерла рано, оставив двух детей. Вторая жена Анна поставила цель убрать этих детей и добилась своего, она их отравила. От второй жены было трое детей. С Василием жил и брат Владимир, инвалид. Одна нога у него была вывернута в сторону.

Дом №10

Дом еще одного брата **Березина – Владимира Степановича**. Он не стал работать в колхозе, уехал в Мантурово, где работал в сплавной конторе. Погиб на фронте.

Дом №11

Дом Белозерова Максима Макаровича, родного брата моего отца. Усадьба состояла из двухэтажного и обыкновенного домов. Двухэтажный Максим продал, из него в Ильинском сделали маслопром. Дядя держал несколько ульев, а еще у него была единственная в Похвале яблоня. Первая жена Марья родила пятерых детей, вторая жена Юлия еще двоих. Про нее в праздничных компаниях Максим Макарович говорил: «Посмотрите-ка, какая у меня жена красавица, ведь она дороже Мантуровского моста».

О деревне Жуково

ЭТА ильинская деревня небольшая, подобно соседней Похвале. Я помню ее с 1930 года.

От деревни на север пролегал Межевской тракт, который в народе называли просто Барановской дорогой. За ним на полкилометра была очень большая делянка, заросшая малинником. Ягод там всегда было очень много. Куда ни глянь, краснели крупные ягоды. А где их особенно много, там рычали медведи. Прямо на людей не выходили, но к своим ягодам не подпускали.

Как-то нас собралась большая компания ягодников из Тихой и Похвалы. Когда зашли в малинник, глаза разбежались от изобилия. Такого моря малины раньше никогда не видывали. Большинство из нас, в том числе и я, набросились их есть целыми горстями. Вскоре обжор стало тошнить, головы закружились, будто с перепоя. А кто воздержался, набрали полные лукошки малины.

Когда вернулись в Жуково, у колодца, что у домов Осипа Праводелова и Груни Цветуньи, начали все умываться до пояса, чтобы и рубашка была мокрая. Того, кто сильно наелся ягод, шатало, а моей тетке Александре Антоновне из Похвалы стало плохо. Когда малиновый дурман прошел, все стали смеяться друг над другом, как в кино.

Самый большой дом в этой деревне был у Осипа Праводелова, обшитый досками, с большими окнами. Была у него лошадь-тяжеловоз, звали ее Бурко. Таких в округе не было. Такая справная, что по ложбине на крупе хоть яйца катать.

Был у него еще меринок обыкновенный. Так вот, он, когда в летнее время лошади паслись в поле и волков было много, охранял табун. Лошади становились в круг, а он, вставая на передние ноги и махая задними, так и ходил, отгоняя волков. Ни один не решался попасть под удар копыт. Все сельские жители дивились такой смелости и находчивости мерина.

Последний дом, если идти из Жукова на Межу, с правой стороны, принадлежал Сергею (фамилию уже позабыл). Был он в годах и жил с матерью в старом доме, хотя рядом стоял хороший большой, но не отделанный: без пола, потолка и окон. Когда Сергея спрашивали, почему он не женится, отвечал: «Да вот, связался с лешими-то вицами, так пока нет времени. Как с ними развяжусь, так и женюсь». На следующий год снова интересуются. А он отвечает: «Да вишь, леший связал меня со счалами (для сплава делал вицы, счалы и канаты), нет времени. Вот уж развяжусь, тогда...». А вица – это молодая елочка, очищенная от сучков и расщепленная пополам. Их требовалось для сплава много, и сплавная контора заключала договоры на их поставку. А годы шли. И когда довольно старенькой матери Сергея уже стало не под силу исполнять домашние работы, он женился. Взял жену с Межи, и ему с ней повезло.

В Жукове еще жила многодетная семья Матвеевых. Два их дома – старый и новый – были в центре деревни. Среди девчонок в семье был один сын Александр. Потом он жил в Большой Каменке.

Еще одна Жуковская обитательница – Груня Цветунья. Жила она одна, домишко был маленький и старенький. Все лицо Груни было украшено какими-то красными розами: в народе говорили, что это муж принес заразу из немецкого плена.

Вообще-то до слияния деревень в крупные колхозы Жуково славилось. Здесь хорошо росла озимая пшеница. Крестьяне помногу получали ее на трудодни. После этого времени я не слышал, чтобы жили где-то так же зажиточно.

Новая деревня

ЭТА деревня больше Жукова наполовину.

В ней жил мастер, который очень хорошо выделывал овчины для полушубков. Делал он их цветом под красный дуб. В народе его звали Миша Диран. Я его помню, как человека симпатичного. У него была дочь Валентина, немного старше меня, красавица, каких мало рождается.

Овчины Диран мыл в речушке, которая впадала в речку Воймас, почти рядом с деревней. По этой причине в верховьях её не было никакой живности, и рыба, случайно заплывшая туда, погибала.

Жил в Новой деревне и сапожник первой руки Емельян Иванович, который учился ремеслу у моего деда Абрама Васильевича, а он был сапожником самой высокой квалификации. Впоследствии он свой дом перевез в село Ильинское, где сейчас живет Н.Г. Смирнов.

Между Новой деревней и Тихой, на правом берегу речки Воймас,

стоял хутор Красный из шести домов. Где-то в 2000-м году я побывал здесь, хотел взглянуть, что от него осталось. Место хутора определил по запомнившимся приметам. Там, где стояла березовая роща, березы вымахали до огромных размеров. И только по сохранившимся бороздам можно определить, что здесь жили люди и родился хлеб.

Как Александровка стала Голодаихой

ДЕРЕВНЯ была небольшая, примерно как соседняя Похвала, десятка полтора домов.

В метрах трехстах течет речка Чапыга. Она не замерзает в любой мороз. Почему-то в ней было много водяных крыс, чуть ли не больше, чем рыбы.

Когда здесь создали колхоз, председателем избрали Дмитрия Бойцова. Была у него лошадь, кобылица Сивушка. Зимой и летом в этой деревне все лошади сами бегали к Чапыге на водопой. Когда Сивушка долго пьет, а Дмитрию холодно стоять на морозе и ждать, он кричит: «Сивух! Ты что долго пьешь?». Она поднимет голову и заржет: дескать, не напилась, и сейчас прибежит. Бегала она настолько быстро и красиво, что даже орловскому рысаку не догнать.

Однажды Дмитрий Бойцов в чайной села Ильинское поспорил с Павлом Матвеевичем Тюльневым, который работал шофером на полуторке, что Сивушка не уступит в скорости машине. Расстояние определили от чайной до речки Межницы. Поехали. Тюльнев как ни газовал, но от Сивушки не смог оторваться. Лошадь не отставала. Тюльнев признал поражение. Да и в кузове сидели люди для соблюдения справедливости.

Сивушка по всей округе не имела себе равных в беге. Зимой сани летели за ней словно по воздуху. Полозья касались только бугорков, а в низинки опускаться не успевали.

У Дмитрия Бойцова первенцем родилась дочь. Жила семья в достатке и дочь чтили, как дар Божий молодым родителям. Они в ней души не чаяли, и она всегда находилась за столом, сначала у родителей на коленях, а затем наравне со всеми. И когда хмельная чашка ходила по кругу, не обходила она и доченьку. Таким образом приучили ее к спиртному. Я учился с ней в одном классе. Поначалу нам было дивно и непонятно видеть, как у нее вздрагивали голова и руки, ей даже писать было трудно. Оказалось, что у нее нарушена нервная система из-за раннего пристрастия к спиртному.

Отец Дмитрия Бойцова был непревзойденный пимокат, ему не было равных по качеству скатанных валенок. В деревне его почему-то звали Зайчик.

Жил в этой деревне Григорий Скородумов, он занимался изготовлением граблей, которые развозил возами по деревням. Когда их деревню стали соединять в колхоз с Гаревой, то он купил в этой деревне дом. И здесь продолжал делать грабли.

Учился со мной из Александровки Паша Соколов. Их дом был лучший в этой деревне - большой, обшитый тесом, окна с наличниками. Паша не знал, что его родная бабушка – настоящая ведьма. И чем занималась? Летом, когда поспевала рожь, в определенный день она входила в ржаное поле на руках вверх ногами и вырывала из него спорынью. Растет она, как рожь, высокая, зерно длиннее и толще, чем в ржаном колосе, примерно в два раза, коричневое снаружи, а внутри белое, как рожь.

Деревня строилась под названием Александровка. И всем было удивительно, что хлеба растут хорошие, много намолотят, по всем расчетам должно хватить на весь год, а хватало только до весны. С весны до нового урожая жили впроголодь. Вот и прозвали деревню Голодаиха.

Почему так, в чем же дело?! Люди стали задумываться. Головы ломали несколько лет. Некоторые говорили, что это Бог послал наказание за какой-то грех. Потом кто-то увидел, что во ржи спорыньи нет. Словно кто-то ее выдирает. Заметили, в какой день это происходит, устроили засаду у ржаного поля. И вот однажды видят, как по деревне катится обыкновенное колесо от дома Соколовых. Подкатилось к воротам ржаного поля. Один мужик изловчился и бросил в него топор. Попал в спицы, колесо остановилось, упало, потом снова покатило к дому Соколовых. Пришли в дом, а там бабка лежит на кровати с завязанной рукой, порезаны два пальца.

Подумали на нее, что она спорынью выдирает. Но не пойман, не вор. Решили уличить на следующий год, снова устроили засаду. Видят, идет бабка к воротам, зашла в поле. Тут ее мужики и взяли. Хотели убить, но она побожилась, что больше так не будет делать.

А название деревни так и укоренилось в народе. Сейчас уже почти никто не знает, что есть в хлебе спорынья. Считалось, что она дана людям Богом, а дьявол ее выдирает, обедняет хлеб, делая зло народу.

Деревня эта исчезла с лица земли, когда решили слить ее с Гаревой, и народ разъехался, кто куда.

Деревня Гаревая

ЭТО была большая деревня, в ней было три улицы, на которых находились около 90 дворов-хозяйств.

Схематично деревня выглядела так:

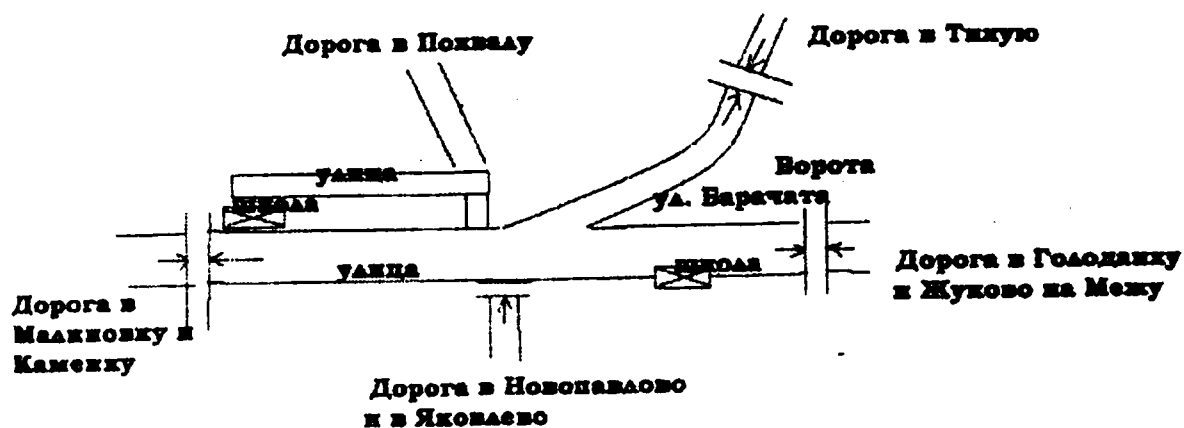

Схема деревни Гаревая.

Постройки в Гаревой в основном были новые, старых домов почти не было. В деревне находились две школы, в которых учились дети из окрестных деревень. Обе размещались в частных домах. Одна была у дороги на Малиновку в большой избе **Тюльнева Матвея Евстигнеевича**. У него было два дома. В маленьком жила семья, а большой сдавался под школу. Вторая школа располагалась в доме Няньки Васенки, которая один из своих домов сдавала под учебное заведение.

В 1930-х раскулачили Ивана Никифоровича, за то что имел булочную, сам выпекал булочки, хлеб, баранки и всякую мелочь. Его раскулачили, но никуда не сослали и умер он дома. Дом у него был большой, пятистенок под железной крышей, самый лучший в деревне. Когда его реквизировали, то сделали в нем школу. Пятую, внутреннюю стенку выпилили, и в итоге все 4 класса вмещались в одно помещение. Двор у школы был большой, внутри находились стойла для лошадей.

Деревня Гаревая активно входила в колхозную жизнь. В 1930-х годах жители построили в первую очередь коровник. Мы, ребяташки, ходили туда на экскурсию. Очень было интересно, что коровы привязаны на цепи и стоят каждая в своем стойле. Потом колхозники построили большую ригу, покрыли ее листами фанеры, что нам тоже было интересно. Под крышу риги свозили и укладывали снопы всего урожая зерновых. Обмолачивали снопы сложной молотилкой, которую приводил в движение трактор «Фордзон». Трактористами на нем работали Колька Морев и Володька Смирнов, которого в деревне звали «круподер».

Гаревая впервые в нашей местности стала заготавливать силос. Для этого засевалось целое поле подсолнухом. Мы, ребяташки, ходили по этому полю, выбирая самые большие шляпы. Но семечки в них были какие-то клейкие, поэтому их никто не трогал. Для резки стеблей

подсолнуха был куплен станок, на котором резали растения вместе со шляпками. Ножи на нем были фигурные, а приводился в движение он вручную.

Еще здесь купили металлическую ручную льномялку. Но вскоре прекратили на ней работать, так как в Яковлево начал работать пункт механической обработки льна. В Гаревой была своя мельница на реке Воймас. Мельником работал Яша, его так и звали Яша Мельник, он не просыхал от пьянки, от чего и умер.

Запомнилась первая работа трактора на корчевке пней в поле по дороге на Голодаиху. За трактором шло все население деревни: и стар, и мал, и ученики обеих школ. Удивлению нашему не было конца. Во время корчевки мы стояли подальше от трактора, опасаясь, что пенек или его осколок прилетят в нас. Но толстые пни были трактору не под силу.

Вообще, все новое было тогда в диковинку. Как-то обе наши школы ходили на экскурсию в деревню Яковлево, посмотреть на электрическую «лампочку Ильича». В этой деревне работал движок, было проведено в дома электричество. Восхищению нашему не было конца. Потом в Яковлеве был открыт пункт обработки льна, льномялка и льнотрепалка работали от трактора.

ГЛАВА 3. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЖИЗНЬ

Земля-кормилица

ЗВАНИЕ крестьянина всегда было возвышенное.

Всю свою жизнь крестьянин обеспечивал сам себя всем необходимым для нормальной человеческой жизни, создавая жизненные блага для своей семьи через свой труд на земле.

Каждый крестьянин имел земельный надел, без которого немислима его жизнь. У нас в деревне Тихой землю мерили палками длиной в один аршин. На каждой палке были вырезаны зарубки и забиты колышки с определенными метками. Например, у нас была метка: одна зарубка прямая и одна косая. Земля перемеривалась не каждый год, а один раз в десять лет. Если в семье родился ребенок, то землю прибавляли на него только в день назначенного перемеривания. Земля выделялась на каждого едока. Поэтому полосы были разной ширины. В семье, где едков уменьшилось (женились или вышли замуж), земля не убавлялась, а такой и оставалась. Вот почему у некоторых стариков полоса оставалась широкой, в период перемеривания не отрезалась.

Тем, у кого семья прибавилась вновь родившимися детьми-едоками, земля прирезалась, и если не хватало пахотной земли, то на этих людей земля выделялась из госфонда. Например, нам выделили землю из лесного госфонда. Отец разработал ее по весне, деловую древесину вывез, а мелочь и различный кустарник в конце лета сжег, пни выкорчевал, а сильно крепкие оставил, чтобы подгнили, тогда их легче взять. На таком новом участке всегда сеяли рожь. Я помню, урожай был очень хороший, колос большой, а зерно крупное. Солома была толстая и высокая, такой крыли крыши на домах и на всех других постройках. В доме, в котором я родился, крыша тоже была соломенная. Соломенные крыши были у бедных людей.

В те годы крестьянство делилось на три группы: бедняки, середняки и кулаки. Кулаки или зажиточные, у которых земли хватало, и она кормила людей и животных этого хозяйства целый год. Средняки – хозяйства не богатые, но и не бедные. У них полоса земли была не широкая, но обеспечивала, хотя и с натяжкой, всем необходимым на весь год. Бедняки – это, как правило, вновь созданная семья, только что поженившихся людей. У них было мало земли, т.е. полоса узкая, и она не обеспечивала полную потребность жизни как людей, так и животных.

Как же крестьяне обрабатывали землю-матушку? В дореволюционный период земля пахалась только сохой. Она была вся деревянная и лишь конец был металлический, назывался он сошник и ковался из

листа толщиной 3-4 мм. Одна оглобля сохи была прямая, другая выгнута или подбиралась такой кривизны деревяшка для упряжки, чтобы лошадь в ней чувствовала себя свободно, т.е. нигде не стесняло.

Плуги в то время выпускал Исаакиевский завод в Петрограде, поэтому их в народе называли исааковскими. После революции в Вятской губернии стали выпускать плуги, немного отличающиеся от исааковских, назывались они белохолунинские, отец мой купил такой плуг. С появлением плуга стала повышаться культура земледелия и соха ушла в историю.

Наравне с сохой была ее подруга борона. Борона была тоже вся деревянная, основание ее делалось из березовых реек размером 4х6 см. Зубья бороны тоже были березовые, крепились они в ячейках основания при помощи свитых деревянных колец. У нас соха и борона долго хранились, как экспонаты на память. Наряду с плугом стала делать крестьянину и железную борону, называвшуюся зиг-заг. Конструкция ее не менялась до сих пор.

С увеличением жителей возникала проблема с пахотной землей. Ее, как правило, не хватало, и в таком случае прирезался участок из гослесфонда. После этого на отведенной территории все вырубалось на бревна, жерди и колья, а мелколесье и кустарники вырубали, сваливали в кучи и после высыхания сжигали. Эти участки назывались новины, и на них очень хорошо росла рожь – колосья большие, зерно крупное, а солома толстая и высокая.

У старожилов деревни прямо в глухом лесу были новины. И сеяли там только рожь или ячмень. Овес сеять было бесполезно, весь урожай сомнут медведи. Самая большая новина была у дедушки Тита, который много ондрцов ржи возил оттуда. При колхозной жизни все новины были заброшены, и мы ходили туда за земляникой.

Скотный двор

НАСТОЯЩИЙ крестьянин должен был иметь полный набор животных: лошадь, коров, овец, поросят, кур, у некоторых были гуси и очень редко индюшки. Уток в нашей местности не держали.

Лошадь была основной тягловой силой. Она и пахала, и боронила, и навоз на поля возила, и сено к двору, и дрова к дому, и снопы к овину, и зерно на мельницу, и хозяев на базар... Каждый крестьянин старался содержать лошадь в хорошем состоянии. Имея красивую лошадь, нужно было, чтобы и сбруя ей соответствовала. Она была рабочая и выездная, правда, не все имели возможность иметь обе.

В деревне Большое Рамешко на Масленицу обычно проходила съез-

дки, то есть крестьяне, имеющие хороших лошадей, выездную сбрую и красивые сани-кошевку, приезжали сюда, чтобы себя показать и других посмотреть. Устраивались бега. Все это устраивалось не властями, а энтузиазмом народа. Это был настоящий, очень красивый праздник.

Корова - кормилица семьи крестьянина, она давала хозяину молоко, масло, мясо, обувь. Родившегося теленка держали две, три или четыре недели, после чего забивали, мясо шло в пищу. А вот шкуру выделывали на кожу. И эта кожа называлась опойковая. Она нетолстая, но довольно прочная. Сапоги из нее не только с пришивными головками, но и из крючьев - из кожи вырезают делянки, из которых получается цельный сапог, т.е. голенище с головкой. Натягивают эту делянку на правило и на нем выглаживают - вытягивают форму сапога. Вытяжка производится вручную с применением жиров. Подметки, подошвы и задники тоже делались из шкур годовалых или лучше двухгодовалых бычков, у них шкура толще. Кожи выделывали в большинстве сами, почти в каждой деревне имелся человек, который профессионально это делал. Он выделывал не только кожи, но и овчины, да и вообще любую шкуру и шкурку. В нашей местности такой человек жил в Новой деревне, звали его Миша Диран. Когда он работал, в речке Воймас на два километра была безжизненная вода, погибало все после промывки кож.

Овец держали по одной матке обязательно, даже у самого бедного они были, а иногда и по две или три матки. Жить крестьянину без овцы никак нельзя, ведь она его одевает и кормит. Из шерсти ее вяжут чулки, носки, рукавицы, свитера и прочее, катают валенки, ткут сукно и полотно для онуч. Из овчины шьют полушубки и тулупы, шапки и рукавицы. В зимний период крестьянин одевался тепло благодаря овце.

Овца давала мясо, шерсть и овчину. В каждой семье в зимнее время обувью служили валенки. Из шерсти также вязали носки, пряли пряжу, из которой ткали шерстяное полотно (сукно) и шили из него зимнюю одежду: пальто, полупальто, жилеты и куртки. Ткали специальное узкое полотно для онуч. Они делались не только шерстяные, но и портяные, т.е. когда пряли нитки, толще обычных, чтобы полотно онуч было толще. Онучи были нужны для лаптей. Конечно, обувались в портяные онучи бедные люди, у которых было мало овец. В нашей местности в зимнее время все крестьяне-мужчины работали на заготовке леса. Кто непосредственно на заготовке, кто на вывозке от места заготовки на реку к месту сплава. Обувались эти люди только в лапти, здесь валенки не годятся, они намокают, и ногам в них неудобно, они становятся тяжелые и жесткие - замерзают.

Свинья давала крестьянину только мясо и больше ничего. Даже шкуру не снимали, а съедали вместе с салом.

Курицы давали яйца, пух и мясо. С появлением ситца, которого было очень мало, государство меняло ситец на яйца. Хочешь иметь ситцевую рубашку – носи яйца. Подушки были в основном из куриного пуха, а вот одеяла пуховые были, видимо, только у очень богатых людей. Конечно, каждый крестьянин в начале лета старался посадить клыку, чтобы получить стадо цыплят и поддерживать необходимое поголовье кур. Гуси играли такую же роль, что и куры, только их держали немногие.

Крестьянские заработки

В НАШЕЙ местности мужчины в зимний период уходили на работы.

Прежде всего, на заготовку леса и выработку клепки, так они сводили концы с концами.

Мой отец Владимир Макарович по несколько зим ходил на станцию Брантовка тесать шпалы, для этого у него был специальный тяжелый топор-шпалотес. Я однажды этим топором порубил ногу, делая пенал для школьных занятий, купить его в магазине не было денег, вот я и решил сделать сам.

Некоторые мужчины в деревне занимались выделыванием клепки. Сначала нужно было наколоть ее из хорошей, не гнилой осины, которую отбирают и клеймят лесники. Клепка имела два размера – боковины и донник и шла на изготовление бочек. В нашей местности клепки делалось очень много. Делали ее зимой, а в конце зимы возили на пристань в Ильинское. Как только река Унжа войдет в свои берега, клепку загружали в поставленную свободную баржу и водным путем увозили к месту изготовления бочек.

Кстати, баржи делали здесь же, в устье реки Княжой, на месте, которое затопляется весенним паводком. Второе место постройки барки между Ильинским и речкой Межницей, непосредственно на берегу Унжи.

Интересно было наблюдать за строительством. Сначала возили лес, и сразу же начинали его распиловку на доски. Обычно пилили вертикальной пилой вручную, один внизу, другой сверху. Баржа и барка это одно и то же, считалось, что баржа длиннее, а барка короче.

Когда начиналась распиловка леса, то в первую очередь пилили доски на дно, а в это время бригада мастеров укладывала клетку, на которых будет стоять баржа. Сразу же подвозились копани. Копань – это костяк барки, ее основание. Привозили их только по снегу, таском – волоком по одной штуке. Эта операция очень нелегкая и кропотливая, требующая внимательности. Делали барку всю зиму, в любую погоду, и к полово-

дью она должна быть готова. Последняя операция - просмоление.

Самый интересный момент – когда барку спускали на воду. Она стоит уже не на клетках, а на столбиках. Когда подшибают крайние к воде столбики, тогда барка начинает делать крен, а другие столбики подшибают следующие ряды, после чего она вся опускается на воду.

Такие барки строил житель деревни Новинское, звали его Николай Иванович. В Новинском он построил больницу на шесть коек. В селе Ильинское у него было два дома. Один маленький возле овражка для домработницы, а второй большой, где жил он сам во время строительства барки. Он был подрядчик, заключал договоры на строительство, набирал артель и строил. Моя мать рассказывала: «Раз я пришла в Ильинское и встретила подругу, которая была в домработницах у Николая Ивановича. Она мне говорит: «Прасковья, ты видала много денег?». А откуда мне видеть, когда мой батько был пьяница первой руки, он даже пропивал с себя одежду и обувь, которую сам шил, а мы, все его дети, жили по чужим людям, кто в няньках, кто в домработницах. Потом подруга показала свой сундук, а я так и ахнула. Я действительно никогда не видала столько денег, было их полный сундук».

Еще мужчины в зимнее время как единолично, так и первое время в колхозе, занимались перевозкой различных грузов, чтобы зарабатывать хоть какие-то деньги. Например, возили кладь из Мантурова в Кологрив в райпотребсоюз – пищевые продукты и промышленные товары, в т.ч. ящики с водкой. Лошадям в мороз тоже плохо, дышать тяжело – не хватает воздуха. Да еще образовывается снежный намордник, который приходилось обрывать. Так крестьяне зарабатывали деньги, чтобы уплатить налоги, в первую очередь, страховку. Основные источники заработка – заготовка и вывозка леса, выделывание клепки, витье канатов, перевозка кладя.

Кладь возили не только в райпотребсоюз, но и в сплавную контору. Туда возили такелаж: бухты тросов, цепи и лоты. Тросы требовались для связывания клеток, из которых образуется сойма. Цепи - чтобы подсоединять лот к сойме. Лот весил 25 пудов, таких лотов подвязывали два, и они тащились по дну реки, для того чтобы сойму не корёжило и не рвало, чтобы она шла все время с натяжкой. Соймы от нас шли по Унже и Волге во все крупные города до самой Астрахани.

Цепи были очень тяжелые, кольцо в цепи соединялось на половине, т.е. круг кольца имел форму овала и он внутри перегораживался как бы пополам, это для того, чтобы оно было прочней и не рвалось, потому что сойма тяжела, в ней несколько тысяч кубометров леса и толщина прута была диаметром 40-45 мм.

Сойма была длиной до 100 метров, на середине - жилой домик, на крыше которого устроен мостик для лоцмана. Он видел центр реки и сойму должен вести по середине, а иначе изорвет ее всю. В голове соймы по краям устанавливали рей, они были как направляющие. Лоцман, находясь на мостике, в мегафон командовал: то правую, то левую рею подтяни. Опытный лоцман проводил сойму до самого конца без аварий, а у разины соймы рвало и не по одному разу. У таких лоцманов артель была с плохим заработком.

У нас клетки для соймы складывали на реке Княжой на Широких лугах, по большой воде их пригоняли на устье и формировали сойму. Как вода встанет в берега, с Широких лугов начинают гнать плоты и полуплоты, это тоже был разовый заработок.

Для работы на сплаве нужны бахилы, но у бедных людей бахил не было, они ходили в лаптях и в портяных онучах. А кто побогаче, ходили в бахилах и берестяных лаптях. Берестяные лапти не намокают, в отличие от липовых. Подошвы берестяных лаптей обматывались проволокой и поэтому их хватало на всю весновку, то есть сезон. Онучи в большинстве своем делали полушерстяные, т.е. основа была льняная, а уток был шерстяной.

В прошлые времена по реке Унже шло много плотов и сойм. Отдельные плоты были из бревен специального назначения, в такие бревна категорически нельзя было втыкать топор, иначе забракует весь плот.

Плоты сплачивались только еловыми вицами и счалами, свитыми из березовых виц. Вица – это молодая береза толщиной с палец. Сначала делают свиток из трех виц, а канат свивают из трех счал. Если счала служит для счаливания звеньев плота, то канат для останавливания - причаливания к берегу. Свободный конец каната привязывали к крепкому колу, который назывался пахарь. Плотогон, чтобы остановить плот, должен держать пахарь впереди себя – по ходу плота, а иначе пахарь может так ударить, что можешь Богу душу отдать. Такой случай был с моим дядей, Александром Макаровичем. Слава Богу, он остался жив, но вскорости умер.

Поскольку плотов формировалось много, то виц, счал и канатов тоже требовалось много. В деревнях, возле которых росло много молодых березок – виц, каждый мужчина вил счалы и канаты. Почти в каждом доме было установлено вертило, на котором вертели-скручивали вицу, чтобы она была мягкая, пригодная для витья. В течение зимы готовые счалы и канаты возили к местам сплотки. Из нашей деревни Тихой возили на Широкие луга и в Ухтубуж, за деревню Елизарово.

На витье счал и канатов и на заготовке еловых виц был неплохой

заработок. Повертеть вертило брали ребяташек и подростков, платили им по пять копеек в день.

Ремесла

НЕ все мужчины были заняты лесным заработком. Были и такие, кто занимались ремеслом дома.

Одни всю зиму плели лапти из каленых лык. Это лыко заготавливали весной, летом оно высыхало и делалось красноватым. Лапти из таких лык носятся дольше.

Никита Павлов всю зиму делал колеса и весной их продавал. А вот в Похвале Гуляев Василий делал очень хорошие самопрялки. У него раскупали их в начале осени, потому что нитки пряли только зимой, зимой же и ткали.

В той же Похвале мой дядя Максим Макарович столярничал. Зимой он делал по заказам: кому рамы, кому двери, столы и табуретки. Столы он делал на точеных ножках, а крышки столов делал березовые, склеивая из сухих реек, потому они не коробились. Ножки он точил на токарном станке, который сделал сам. Столы его пользовались успехом и большим спросом.

А вот в деревне Жуково, что на Меже, Паша Сизов делал глиняную посуду: кринки, горшки, плошки, корчаги. Он сам развозил их по деревням, заезжая в каждую деревню. Особенно пользовалась большим спросом его обливная посуда, внутри покрытая не размокающим составом, похожим на стекло с примесью свинца.

В деревне Голодаихе Григорий Скородумов, по прозвищу Гриша Мокиевский, всю зиму делал грабли, и ранней весной большими возами возил по деревням, продавая их.

Были люди, которые делали ткацкие станы в комплекте: сам стан, навой, набивки и подножки, ниченки и берда. Эти изделия также возили по деревням, потому что ниченку и берда не каждый сделает, а только специалисты.

Телеги и ондреды делали крестьяне в большинстве своем сами. Ось у них делалась березовая, главным образом из комельной части, что покрепче. Брался определенной длины и толщины березовый комельной кряж, размерялся на три части. Средняя часть служит, как подушка, она посредством шкворня соединена с передком телеги или ондреды и крутится влево и вправо, выполняя роль поворотного механизма. Концы оси обтесываются под диаметр 8-10 см и подгоняются под отверстие ступицы колеса. А чтобы ось не перетиралась, во внутрь ступицы по концам вставляются железные кольца, которые на концах оси вставля-

ются в колесо, внизу врезается металлическая полоска шириной 3 см или 2,5 см., т.е. дюйм, и толщиной 3-4 мм. Вот так делали крестьяне свой подвижной состав. Конечно, надо признать, что такая ось тяжелого груза не выдерживала. А чтобы подольше служила, смазывалась густой колесной мазью.

В нашей местности в деревне Малая Каменка у Зарубина Сергея была налажена дегтекурня. Деготь гнался из чистого береста. Бересты Зарубин Сергей покупал столько, сколько ему приносили, поэтому в лесах, где росли березы, они почти все были раздеты от низа на 2-3 метра. Были сделаны специальные пики для разреза бересты на стволе березы, и дралось бересто только тогда, когда идет сок.

Из крестьян в колхозники

ЖИТЕЛИ деревни перестали называться крестьянами при колхозах.

Наряду с созданием колхозов в нашей местности стали создаваться с 1929 года коммуны. Крестьянам всем выдали вместо паспортов удостоверения колхозников где-то в 1932 или в 1933 годах. Вот с того времени не стало крестьян, появилось новое название - колхозник.

Как же создавались колхозы? В деревнях собирались собрания. И не сразу договаривались, а проходило несколько собраний, пока окончательно решали, с какого числа будет оформлен колхоз. Председателем сельсовета был житель деревни Большая Каменка Бушуев Дмитрий Иванович, страстный охотник. Контора находилась в деревне Большая Каменка в старом доме учителя Веселова Петра Ивановича.

На учредительном собрании нужно было определить название, и назвали колхоз «Сколь проживем». Но это название не утвердили в райисполкоме. Тогда опять собрали собрание и дали название колхозу «Новая жизнь». Стали решать - с чего начинать? Решили подобрать 2 больших двора, устроить в них стойла и свести туда лошадей. На каждом стойле табличка с именем лошади. На оба двора назначили конюхов. Каждый хозяин был обязан привезти все сено, которое было предназначено его лошади. А на период весенне-полевых работ – овес.

А вот создавать молочно-товарную ферму (МТФ) оказалось сложнее. Судили, рядили и порешили срочно приступить к строительству двора-коровника. Для этого решили использовать сеновалы. Посчитали сколько их нужно, назначили бригаду строителей и определили место, где должен стоять двор, чтобы была вода поблизости. Самое удобное место у Дупелка, здесь воду черпали ведром, и ее не убывало, впоследствии здесь были построены конеферма и овцеферма, на водопой животные

ходили сами, конюх ведром черпал воду и выливал в колоду, из которой пили животные, подходя к ней с обеих сторон.

Ферму-то построили, а как ее заполнять коровами и овцами? Решали долго и, наконец, решили: у кого две или три коровы, одну привести в колхоз. Так же решили и с овцами. Определили, кто будет пасти. Им был постоянно житель из деревни Ярославцево Евгений, в народе его звали просто Евденька-кривой, глаз он потерял по своей неосторожности, во время жатвы в глаз попала от колоса ость. Но пастух он был хороший, коровы его слушались.

А вот пасти овец надо было отдельно, до этого овцы паслись в коровьем стаде, а последние годы стало много волков, и они резали много овец. В деревне Жуково на Мёже один раз зарезали сразу тридцать штук.

Пастуха за выпас коровьего стада кормили жители деревни по очереди по неделе, а за колхозных коров начисляли трудодни.

О праздниках и не только

ПРАЗДНИКОВ у крестьян было очень много.

Конечно, такие праздники, как Новый год, Рождество, Крещение и Пасху праздновали повсеместно. Но были в каждой деревне и свои праздники. В каждой деревне собиралось собрание, народ решал, какие праздники будут праздновать. Например, у нас в деревне Тихой выбрали Ильин день, в Большой Каменке – Преображенскую, в Большом Рамешке – Дмитриевскую, в Новой деревне – Нерукотворенскую, в Гаревой – Троицу, а в Запоженье – Казанскую.

К праздникам готовились основательно. Обязательно в каждом доме гнали самогонку, резали какую-нибудь животину. У кого нечего было резать, обходились только курочкой или петушком. В каждом доме принимали гостей из других деревень. Во время праздников люди одевались тоже по-праздничному. В каждой семье старались, чтобы у каждого члена семьи было выходное одеяние. В обычные дни люди ходили и работали во всем домотканом, а очень бедные люди и в праздники ходили в домотканом, не на что было купить. Женщины и девушки старались, чтобы в праздники кофточки, юбки и платья были ситцевые, а у мужчин и молодых ребят была рубашка ситцевая, а брюки-штаны были казинетовые (казинет – очень крепкая ткань черной окраски, сотканная в рубчик, из этой ткани шили брюки, пиджаки и даже целые костюмы).

Выходную праздничную обувь и одежду люди очень берегли. К примеру, из деревни Тихой до села Ильинского семь километров. Когда надо сходить в село, в церковь помолиться, то до села идут босиком, а обувь несут на плече. Так ходило большинство.

Александр Павлович Смирнов во время праздничного гуляния говорил: «Что я, плохо живу? Нет, я живу хорошо! Чего у меня нет? У меня все есть! Сапоги новые, крючья, брюки хорошие шерстяные, рубашка хорошая, ластиковая. А что мне еще надо? Больше ничего!». У него всего одна рубашка и одни брюки для праздника, но он доволен. Конечно, у богатых людей было не по одной рубахе и не одни брюки, и обувь была всякая, а вот гости к ним не ходили совсем или ходили редко, и понемногу, по одному. Видимо, работал принцип – чем богаче, тем скупее. Больше всего гостей было у середняков, а за ними тянулись и бедняки, они выкладывались полностью. Шума было много в каждом доме. Слышались песни и пляски, гармошки были только тальянки, и они хорошо создавали праздничное настроение. Люди гуляли от души. Скандалов и драк в нашей деревне не было, я их ни разу не видел.

Помню, однажды приближался праздник Покров, и отец стал к нему готовиться, завел восьмиведерную кадку браги и поставил ее за сараем возле въезда на сарай. Когда барда созрела, стал готовиться к главному процессу: понес раскаленные докрасна камни, опуская их в барду. Первый камень опустил, барда зашептала, а как принес второй и опустил его в кадку с бардой, будто огромной силы фонтан полетел из кадочки выше крыши. Кадочку так вычистило, что будто в ней никогда ничего и не бывало, нарочно так не вымоешь.

Праздник без самогонки – не праздник, и пришлось заводить барду снова. Тут главный секрет в подборе величины камней.

В селе Ильинском 2 августа, то есть в Ильин день, проходил базар. Все село было забито народом. Сюда ехали на подводах и шли пешком крестьяне со всей округи – из Запоженья, Паломы, Гармизья, Межи и других мест. Везли целыми телегами огурцы и прочие съестные припасы. Были разные развлекательные аттракционы типа карусели, собирались компании поплясать под гармошку. Одним словом, веселья было много.

Еще один большой праздник в Ильинском – Покров, 14 октября. Это был уже не просто базар, а ярмарка, если так можно выразиться, настоящий праздник урожая. К этому времени заканчивались все полевые работы, и на ярмарку везли все излишки, чтобы, продав их, набрать денег для уплаты налогов и покупки необходимого в хозяйстве. Везли лошадей, коров, телят, свиней, овец, кур и гусей, везли зерно, муку, молочные продукты, несли обувь, кожи и овчины, домотканую одежду и лапти. Пекари привозили много баранок и булочек, продавались сладости – пестушки на палочке и длинные, красиво завернутые конфеты.

Бывали на ярмарках и очень смешные случаи. Однажды колесных

дел мастер привез для продажи несколько скатов колес (скат - набор колес для телеги – два передних и два задних). Телега с колесами стояла рядом с магазином. Собралась толпа мужиков, завязался веселый разговор. Хозяин колес в шутку предложил: «Мужики, кто громко пукнет на каждой ступеньке лестницы, тому отдам скат колес». Ступенек у магазинной лестницы было 14. И вот выходит мужик с густой бородой из нашей деревни, Абрам Абрамович Кудрявцев. Ударили с колесным мастером по рукам, и Абрам стал подниматься. Все затихли, слушают. Бородач не спеша «озвучил» каждую ступеньку, после чего получил новый скат. После этого в деревне не один год смеялись когда видели, что Абрам едет на телеге с новыми колесами.

А еще была такая традиция. Весной, в Егорьев день, как только сойдет снег, «вопили Егория». У нас в Тихой «вопили» большие ребята и подростки. Обычно большая ватага с барабаном подходила под какое-нибудь окно и начинала «вопить»:

Хозяин с хозяйюшкой!

Встань, пробудися,

Встань, пробудися,

Умойся, утрися,

Николе поклонися.

Уж как мы, добры-молодчики,

Порану вставали, белы лица умывали.

Полотенцем вытирали,

Да Николу приплетали.

Батюшка Егорий!

Никола преподобный!

Спаси нашу скотинку

И всю животинку!

Наша-то скотинка

Наестся, напьется,

С быком обойдется.

Домой приплетется,

Во хлев заберется.

Лесному-то зверю -

Пень да колода,

По за морю дорога.

*Нам по яичку
Да Богу на свечку.
Преподобному Егорью-
Восемь гривен серебром.*

Все это произносилось под барабанку, иногда позванивалось коровьим колокольцем. И обязательно нужно проходить по полю, где будет пастись скот. Мы, пройдя всю деревню, заходили на хутор к Тюльневу, он давал нам десяток яиц и рубль. Ходили и в Похвалу. Иногда собирали целое лукошко яиц. Если в каком доме жадничали, мы им тоже под барабанку пели:

*Овечка не ягнись.
Коровка не телись.
Хозяин от хозяйюшки
Подальше ложись.*

Удивительное совпадение случилось у Николая Ионова. Его семья не дала нам ни яичек, ни монет, и у них и овца, и корова оказались яловые. В деревне тогда говорили: «Вот, видите, не дали ничего ребятам в Егорьев день, вот Бог и наказал!».

После создания колхозов крестьяне-колхозники, соблюдая свои праздничные традиции, праздновали, как говорится, «на широкую ногу». Праздновали одинаково, как религиозные, так и государственные – и все по три дня. На собрании решали – как будем праздновать. Решили, три дня. Как дело с выпивкой и закуской? Как будем организовывать само гуляние? Решили: само гуляние по бригадам, для чего определяли дома, которые побольше, чтобы свободно можно было плясать. Как с выпивкой? Что будем делать, гнать самогону или покупать магазинную? Решили: раз живем по-новому, то и гуляем по-новому. Покупаем водку, по бутылке на взрослого и на двоих бутылку подросткам. Покупать будет завхоз.

Ну, конечно, не ограничилось одной бутылкой. Люди гнали самогону с расчетом на три дня гуляния, а бутылка была только для начала. С закуской определили так – сколько надо мяса, чтобы хватило на все три дня? Выбирали, определяли, какую животину пустить под нож. Кто будет варить студень, кто будет печь пироги, а кто будет готовить другие блюда, все эти вопросы решались на общем собрании, и никаких трений не возникало. Энтузиазм у людей был огромный, каждый человек старался внести свою лепту в организацию праздника. Гуляние проходило весело, гуляли от души. Гармошки не умолкали, если один гармонист устал, его сменял другой. Песни пели не только старинные, но и новые, современные, ведь жить-то стали по-новому.

В середине тридцатых годов в народе пошли разговоры, что люди стали праздновать все праздники по три дня и пили до потери сознания, подолгу, как будто перед гибелью, словно последний день живут. Праздничный размах не уменьшался до самого начала войны. Пришла война - пришла гибель! У народа было как будто какое-то предчувствие.

* * *

Нужно сказать, что до коллективизации народ в деревнях жил дружно. Вот пример. Для увеличения пахотной земли на больших площадях выкорчевывали пни, после чего вся земля делилась по жителям. Или, например, речки. Каждая речка обязательно зарастает кустарниками ивы и ольхой, у нас ее называют евшиной. Мужики деревни собирались и вырубали всю растительность по берегам речек. Из-за этого вода прогревалась, водилось много рыбы. Срубленная весной поросль к осени подсыхала и сжигалась. Таким образом поддерживались необходимые порядок и чистота.

Большой значок «Сельский исполнитель» передавался по очереди из дома в дом. Обязанность «сельского исполнителя» заключалась в сборе всех на общее собрание, которое проходило в доме исполнителя. Все важные вопросы решались на общих сходках. Он также оповещал людей, с которыми хочет встретиться представитель власти.

В каждой деревне были устроены вышки, верхняя площадка их обязательно должна была быть выше крыш домов. Висела железяка, по которой били, если видели возгорание. По ночам на вышке дежурили. В каждой деревне был пожарный сарай, в котором находилась пожарная машина – ручной насос, который качали 4 человека. Здесь же хранились топоры, багры, ломы, крюки и лопаты, покрашенные в красный цвет.

Однажды в Тихой загорелся торф. Сторож посчитал, что горит скотный двор и забил тревогу. На пожар побежала вся деревня. Оказалось, горит торф, который тлел потом все лето.

В деревне Тихая была своя мельница, стоявшая вниз по речке Воймас от дороги Тихая – Похвала. Ниже нашей была Гаревская мельница, на которой только мололи. Наша же мельница пользовалась особым вниманием крестьян, потому что там была толчея. Двенадцать пестов толкли зерно на муку, и получалась мука не молотая, а толченая. Толкли, главным образом, овес. Мука овсяная шла на кисель, блины, пироги и многое другое. Превосходная мука-запарница получалась из овса, пироги из нее имели особый вкус.

Вообще, в каждой крестьянской семье на зиму мололи толокно, кру-

пу овсяную и ячневую, кто сеял пшеницу – имели и пшеничную. Хранили много гороха и гороховой муки для киселя. На магазин в те годы никто не надеялся.

Мельниц в наших краях было немало. Например, на речке Юрас было их пять, самая нижняя называлась Белавинская или Шаевская. На речке Чёрга была мельница моего дедушки по матери Абрама Васильевича. В народе говорили: «У Абрама мельница без помола вертится». Самые производительные находились на реке Княжой, из них самая мощная была Топоровская, менее мощные – Жарихинская и Бессоновская. Одна только Топоровская мельница могла обеспечить мукой весь район. Бывало, высыплешь мешок зерна и пока идешь вниз, все зерно уже пролетело через жернова. Тогда приходится выгребать муку совком, хотя удобнее подставлять мешок к лотку, мука сама сыплется, только успевай подставлять мешки.

Мельницы нарушили, когда государство стало вывозить из колхозов все зерно подчистую, до последнего зернышка. Молоть стало нечего, и мельницы исчезли. Нашу Тиховскую перевезли в деревню и сделали из нее склад под зерно.

Речка Воймас, кстати, была в те годы намного глубже. Когда переезжали переезд на телеге, вода заливалась в нее. Даже на перекатах глубина была по колено, а в остальных местах – по пояс, в бочагах и того больше. Рыбы было много еще и потому, что две мельничные гати были хорошими питомниками.

ГЛАВА 4. ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН И СТРАШНЫХ ПОТряСЕНИЙ

ДЛЯ людей моего поколения и старше выпало время больших перемен, страшных потрясений. Прошла социалистическая революция. Простой народ России жертвовал своей жизнью во имя справедливости, верил, что не будет безземельных и безлошадных крестьян, власть имущих будет ограничена, будет услышан голос бедного человека.

Но большевики обманули. Землю дали, но не всем. Были узурпированы все законы, и людей уничтожали беспощадно, чтобы удержать власть, держа народ в страхе. Механизм этот сегодня хорошо известен. Например, человек на селе был прикреплен к своему колхозу. Если председатель не даст справку-разрешение, то не получишь для переезда никаких документов. Органам НКВД спускались планы устрашения населения по политическим мотивам. Аресты проводились и во время Великой Отечественной войны и после нее.

Примеров даже в нашем районе предостаточно. Моя родственница Прасковья Михайловна Цветкова из д. Романово жила в Москве. Работала мастером обувной фабрики, была членом партии. И приглянулась она начальнику цеха, проходу не давал. А когда получил отпор, пригрозил: «Будешь долго помнить!». Через несколько дней ее пригласили к начальнику цеха. Там сидели двое в серых плащах. «Пройдемте с нами». – «Куда?» – «Узнаете».

И оказалась Прасковья Михайловна в Ярославской области в колонии. Просидела 3 с лишним года. Ни вопросов, ни допросов, ничего не знает, почему сидит. Закончилась война. Вызвали в штаб колонии: «Вы освобождаетесь досрочно. И не задавайте лишних вопросов, а то можете получить настоящий срок».

Приехала в Москву, приступила к работе на той же фабрике. Вдруг ее приглашают к директору, где секретарь райкома вручает ей партбилет. Но женщина оказалась гордой и смелой. Ответила: «Сходите с ним в одно место».

А вот еще один случай. Перед войной мой двоюродный брат Александр Яковлевич Хробостов из деревни Половинново работал председателем исполкома Высоковского сельсовета. Однажды к нему приехали 3 сотрудника НКВД с заданием посадить 5 человек и назвали их поименно. Он опешил, потому что это были самые лучшие работники в деревне. Стал их отстаивать. А ему и говорят: «Тогда сам пойдешь вместе с ними». Одного все же удалось отстоять, а остальных увезли навсегда.

Спасенный им человек закончил войну полковником, а Хробостов капитаном. После войны полковник даже работал в комендатуре Кремля. Тогда они оба жили в Москве, и когда встречались, то земляк со слезами говорил, что ему обязан жизнью.

Поскольку я начал службу в армии еще до войны и служил на Украине, то в начале военных действий оказался на старой границе. При отступлении наших войск прошел пешком всю Украину с запада на восток. Там был произведен в младшие командиры.

В отделении было до 80 человек и все украинцы в почтенном возрасте. Они мне в отцы годились и, не стесняясь, заявляли, что большевистскую власть защищать не станут.

-Почему?

-А ты послушай, сынок.

Один рассказал, что была у него пасека в сто ульев. Он не захотел вступать в колхоз. Тогда заявилися сотрудники НКВД, облили все ульи керосином и сожгли. «У меня чуть сердце не разорвалось, думал, с ума сойду».

Другой украинец тоже не хотел идти в колхоз. Тогда взяли у него любимого вороного жеребца, привязали на кладбище к кресту и стали расстреливать. После первого же выстрела конь вырвал крест и прибежал с ним домой. Но другой стрелок его добил. «Плакала не только моя семья, все соседи».

-Теперь понимаешь нас, сынок?

Много я тогда слышал подобных рассказов, пока шли по Украине. Я не мог ничего возразить, у меня «горели уши» от стыда. Ничего удивительного, что много тогда мобилизованных мужиков при удобном случае разбегались, уходили по домам. Сегодня их тоже можно понять.

В 1942 году в составе 365 запасного стрелкового полка я был в селе Татарская Карчала Сакмарского района Оренбургской области (тогда Чкаловской). Здесь жили татары, чьи предки были сосланы сюда еще при Иване Грозном, многие женщины даже по-русски не говорили. В этом большом селе были две мечети.

Однажды мы там беседовали с одним солдатом по фамилии Скрипник, призванным в Караганде. А родился он в Саратовской области. Семья большая, отец портной первого класса. И сыновей учил этому ремеслу. Работали очень много, старались заработать деньги на строительство нового дома.

И заработали. Начали строить двухэтажный кирпичный дом, чтобы с братом могли жить с семьями и родителями. Дом-то построили и даже еще не успели обустроить все. В 1938 году их признали кулаками. И

пошло-поехало. Дом конфисковали и продали. А всю семью портных в теплушки - и в Караганду.

-Когда мы вышли из вагонов, - рассказывал солдат, - нас пешком повели в бескрайнюю степь. И сказали: «Вот теперь здесь ваша родина, живите и развивайтесь». А вокруг ни речки, ни кустика - пустая земля. Стали рыть землянки, искали место, где бы вырыть колодец. Выкопали, но вода оказалась плохая. Стали люди болеть, а медпомощи ждать неоткуда, как «врагам народа». Для постройки землянок нашли не то лес, не то кустарник за 50 километров. Оттуда и таскали на себе. И только уж потом стали думать о постройке настоящих жилых домов. За что нам, труженикам, такие надругательства?!»

А вот еще один пример, как добивались власти. В деревне Гаревой жил Василий Бобров. У него был один сын Алексей. И захотел Алексей Васильевич самоутвердиться, войти в число руководителей района. Но как? Он вспомнил, как младший из братьев Кагановичей посадил в тюрьму даже родную мать, чтобы угодить Сталину и стать министром путей сообщения. Последовал Алексей его примеру – написал донос на отца. Того увез «черный ворон», а он получил место в райпотребсоюзе.

Все это результаты той политики, когда народ был разобщен. Сын пошел против отца, брат на брата. Беспощадный карательный орган творил свои несправедные дела, а загнанный народ покорно молчал.

ЧАСТЬ II. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Прощай, зыбка

Я ПОМНЮ устройство своей зыбки, в которой прошли первые дни моей жизни.

Она была деревянная, вроде большого длинного ящика, дно ее было набрано из тонких досок, без склеивания. Качалась зыбка на жерди, продетой в кольцо, а оно находилось в проушине винта с крупной резьбой, который завинчивался в потолок. Устройство было надежное.

Я хорошо помню, что сам залезал в зыбку поспать. А когда высыпался, сам же и вылезал. Со временем зыбка стала мне коротковата, и как раз ко времени произошел курьезный случай. В престольный праздник Покров гостил у нас племянник моего отца Николай. Когда он выпил, его повело на подвиги, начал очень громко говорить, размахивать руками. Отец пытался его утихомирить, но гость пришел в ярость, стал подступать к отцу. Внезапно покачнулся и упал прямо на меня. Зыбка вместе со мной полетела на пол. Отец, не говоря ни слова, схватил за шиворот Николая и вышвырнул с крыльца. Потом он, конечно, приходил извиняться, просил у нас прощения. Зыбку отец собрал, но я стал ее бояться и больше в нее не ложился, говорил: «Люленька сибися» (люленька расшиблась). Стал спать я на полу, мать связала коврик из прямой ржаной соломы. Он был такой пышный, мне очень нравилось на нем спать.

Я помню, как мать кормила меня грудью. Они у нее были большие, и молока мне хватало. Когда в доме были посторонние, я брал ее за сарафан и тянул в загородку на кухню, где усаживался ей на колени и начинал трапезу. Постепенно стали меня кормить сваренной пищей, и мать перестала кормить меня грудью.

Вскоре родилась у нас девочка. На летнее время моя семья стала нанимать няньку. Первая нянюшка – Хохлова Мария - была из-за реки из деревни Баракино. Она была подросток, и в деревне ее звали Манька Гопцева. Мне было хорошо с ней, мы много играли, пока сестренка спала. Я стал гулять на улице.

Однажды после дождя побежал на дорогу, но у калитки поскользнулся, упал и вывихнул ногу. Нога стала опухать, я не мог ходить, а мать не знала, что делать. На следующий день она запрягла нашу лошадь Маршеньку и повезла меня в деревню Большое Рамешко к гладильнице. Это была пожилая женщина, умевшая лечить болезни. Она протерла мою ногу мокрой тряпкой, слегка намылила больное место. Потом ста-

ли разглаживать его и что-то шептать. Закончив эти процедуры, завязала ногу, и мы поехали домой. Удивительное дело, но на второй день я стал потихоньку ходить по избе. Боль уходила, и через несколько дней я побежал бегом.

Смерть жеребенка

В ТО ВРЕМЯ малоземельным крестьянам (это у кого была полоска земли узкая, мне помнится, она была уже двух метров) из лесного массива гослесфонда, примыкающего к полю, выделялись участки леса под вырубку, чтобы потом этот участок превратить в пахотную землю.

Нам выделили участок по «косой» дороге, которая шла в деревню Голодаиху (Александровку). Дорога косой называлась потому, что шла через поле наискось.

Когда отец вырубал выделенный ему участок, то он деловую древесину складывал отдельно. Снимал три полосы коры, чтобы она просыхала. Кустарник и молодые поросли ели, сосны, березы и осины срубал и складывал в кучи, где они летом сохли, а под осень сжигались. И сжигался весь растительный покров участка. Когда весь мусор сгорал, тогда сеяли рожь. Я хорошо помню, как на этом участке выросла прекрасная рожь. Солома толстая и высокая, а колос – большой и крупный. Зерно смололи на каменных жерновах, и мать испекла хлеб. Хлеб из новой ржи отличался каким-то особенным вкусом, он имел привкус зелени. Все члены семьи ели этот хлеб и благодарили Бога за хороший урожай.

Когда телега с инвентарем оставалась на ночь в поле, отец, отправляясь домой, сажал меня на Маршеньку верхом, и я сиял от удовольствия, сидя на ней. Отец всегда держал меня за ногу, чтобы я не свалился.

Еще «косая дорога» запомнилась тем, что возле лесочка волки задрали – зарезали молодого двухлетнего жеребенка. Утром того дня тетка Татьяна вела его в поле и приговаривала: «Желанный мой, красавец, ведь ты не только красавец, но ты еще и умник мой дорогой. Как я хочу дождаться того дня, чтобы ты меня прокатил по деревне».

Вся деревня – стар и млад, ходили смотреть на мертвого жеребенка. Мужики с топорами пошли в ближайший лес искать волка. Оказалось, что недалеко от опушки леса находились четыре волчонка, а мать-волчица, услышав приближение людей, от них убежала, уводить малышей уже не было времени. Мужики убили этих волчат, разожгли костер и стали жечь их на костре, а женщины стали шуметь – звонить, кто в пустое ведро, кто в заслон, кто в противень, во все что звенело. Дело шло к

вечеру, погода стояла тихая, и этот смрад стал широко распространяться вокруг.

Вот такую расплату волчица понесла за зарезанного ею жеребенка. После этого случая несколько лет волки не трогали никакого скота. А в тот год волков было очень много. Я, бывало, выйду на крыльцо, а волчий, вой кажется, слышится рядом, и я пулей лечу обратно в избу.

Визит к отцу на пашню

ВЕСЕННИЙ день был солнечный и теплый. Мой отец и дядя Яков пахали на концах поля, упирающихся в речку Тихую, и мне хорошо было видно их из окна. Загорелся я желанием посмотреть, как они там пахут. Отец пахал на своей лошади Маршеньке. А дядя Яков на своей рыжей кобылице.

Я стал просить мать отпустить меня к ним. Мама одела меня в пальтишко, сшитое из отцовской шинели, и я пошел. Я и сейчас вижу себя, как иду в сером пальтишке по дороге к пахавшим отцу и дяде Якову. Мне очень нравилось ходить в этой обновке. Иду и улыбаюсь. Подошел к пахарям и вижу, что полосы наша и дяди Якова рядом, и они узенькие. Подошел я к ним как раз на перекур. Мне хотелось похвастать дяде Якову, что у меня новое пальтишко.

- Дядя Яков, погляди-ка, какое у меня пальто! И он, улыбаясь, у меня спросил: «Кто тебе купил?»

- Сшила мама. И вдруг добавил:

- Дядя Яков, а я умею ругаться!

- А ну-ка, Павлук, скажи мне, а ты хорошо умеешь ругаться? – подзадорил меня дядя.

- Да, хорошо, - смотрю на отца.

Он улыбается, но пока ничего не говорит. А дядя Яков опять спрашивает:

- А ну, как ты умеешь ругаться, ну-ка, скажи?

Тогда я и изругался самым матерным матюгом. А дядя Яков хвалит:

- Вот как хорошо, вот как здорово, а ну-ка еще разок! Только хотел еще сругаться, как отец взял меня за ухо и потрепал, слегка приговаривая:

- Ругаться нельзя, никому нельзя, а детям особенно. Смотри, больше не ругайся, а если еще услышу, то сильно натреплю за оба уха.

А дядя Яков опять мне говорит:

- А ну-ка, Павлук, еще разок!

- Нет, - говорю, - ругаться я больше не буду, тятка не разрешает, а то он нарвет меня за оба уха.

Удивительно, с тех пор я больше никогда не ругался до самой армии, т.е. до войны.

Как я был нянькой

БЫЛО мне где-то лет пять, и стала меня моя мать оставлять за няньку.

Прежней няньки у нас не стало, всего скорее, что платить было нечем. Да это и не диво. Когда отец с матерью поженились и встал вопрос об отделении его из отцовского гнезда, то при отделении ему достались две вещи – ухват и чугунок на полведра. Вот и все.

Отец сразу начал строить дом. Когда вселились в дом, стал строить двор. Крыши на избе и на дворе были соломенные. На драночную крышу нужны деньги, чтобы купить гвоздѐ. А где их взять? Помочь некому. Ведь у отца было семь братьев и две сестры, десять человек вырастил мой дед Макар Васильевич. Что он мог выделить отделявшемуся сыну? Не шуточное дело, надо было всех накормить, да обуть-одеть. Вот почему обязанности няни стали возлагаться на меня очень рано.

Когда таял снег, и мать находилась дома, вот тогда я вместе с другими ребятами по ручейкам гонял плотики. Гоняли наперегонки – чей плотик идет быстрее и не зацепится ни за что. А их делали по форме парохода. Такие плотики гоняли по весне много лет, даже тогда, когда пошел в школу. А в школу я пошел с семи лет, хотя по закону тогда брали с восьми.

Зимой-то мне было хорошо, мать была дома. А вот летом, когда мать уходила на работу, на меня возлагались следующие обязанности: вытащить из печи хлеб, смочить его водой и накрыть чистым полотенцем, вытащить кринку молока, которое топится для чая в обед. Надо было подмести пол, вымыть грязную посуду с ложками, следить, чтобы ребенок лежал в сухом, и если испачкался, сменить подгузник или пеленку, накормить, если захочет. Да еще качать зыбку, пока не уснет.

На улице ребяташки играют то в городки, то в чушку, то в скакалку, а я сижу у окна и реву, качая зыбку. Когда я стал на год старше и сестра тоже подросла, я стал посмелее: пока она спит, выбегал к ребяташкам и вступал в игру. Заигравшись, забывал свои обязанности. Мать, придя домой, строго наказывала. Красные рубцы не сходили с моей спины.

Самостоятельно я ходил на речку Воймас. Тогда в ней было очень много рыбы. Но большая рыба была не по мне, я охотился за усачами. Это была моя любимая рыбка. Она, не торопясь, передвигается и далеко

не убегает. Я столовую вилку прикрепил к небольшому шестику, воображая, что это острога. Усачи больше восьми сантиметров не растут, но мясистые. Почему-то принести их на варево или на жареху мне никогда не удавалось. А все равно я был очень доволен, принося около десятка.

В школу

В ТО время у меня была феноменальная память. Если услышал рассказ или сказку, то мог пересказать, не пропустив ни одного слова, а если и пропускал, то начинал с начала.

1 сентября 1929 года рано утром к нам пришел Колька Иёнов, он старше меня был года на три-четыре. Стал он уговаривать отца с матерью, чтобы они разрешили мне пойти с ним в школу. Мне тогда было семь лет.

Итак, очень радостный, я с Николаем Николаевичем Беляевым – Колькой Иёновым - иду в школу. Колька мне рассказывает по дороге, что, не доходя до деревни метров сто, с левой стороны кузница, и что кузнецом тут работает дядя Вася-коммунист. Фамилия его была Румянцев, а коммунистом звали потому, что он один из деревни вступил в компартию. У него были два сына и дочь. Старшего звали Николай, и я с ним скоро подружился. Идя домой, иногда заходил к ним и катался на трехколесном велосипеде. Он был весь железный, изготовленный дядей Василием.

Начальная школа была в деревне Гаревая, километра за три от нашей деревни. Дорогу пересекали две речки: поближе к нам речка Тихая, а ближе к Гаревой речка Юдина. На берегу Юдины был хутор. Жили в нем Николай Евстигнеевич Тюльнев и его зять Федор. Николай Евстигнеевич переехал на хутор из Гаревой. На хуторе было стадо гусей, я их до этого никогда не видел. Они паслись возле речки, а на речке, против дома, был устроен небольшой ставок, в нем рыбу разводили и гуси плавали. Речка Юдина текла с востока на запад и впадала в речку Воймас в гаревском поле.

Сам хутор стоял на левом берегу речки, берег был очень высокий и, как стена, крутой. Правый берег был низкий и пологий, там сразу начинался луг. Один раз, идя из школы домой, мы увидели гусей. Панька Ефимов предложил мне: «Крикни им: гусь - красная лапа». Я крикнул, и гуси повернули головы в нашу сторону. Тогда Панька закричал: «Надо убегать, а то они догонят и сдерут с нас штаны». И мы бросились наутек. После этого я больше никогда их не дразнил, а старался пройти мимо.

Хозяин хутора Николай Евстигнеевич человек был серьезный и строгий. Однажды я опоздал в школу и пришлось лететь впробеги, что-

бы догнать основную группу ребяташек. Кепка мокрая, голова мокрая, и вот в поле гаревском встречаюсь с Николаем Евстигнеевичем. На бегу не поздоровался с ним, очень спешил. Только миновал его, а он останавливает: «Сынок, ну-ка подойди ко мне». Подошел, а он спрашивает: «Ты чей?» - «Владимира Макарова». Он снял с меня фуражку и подал: «На-ко поддержи». Я взял ее, он начал меня за оба уха трепать, приговаривая: «Надо со старшими здороваться и не забывать этого никогда. Придешь домой, обязательно расскажи своему батьке, что я тебя натрепал за уши за то, что ты не поздоровался».

Вечером сели за ужин, а мне не сидится, вдруг придет дядя Николай. Нет, думаю, надо говорить: «Тять, сегодня дядя Николай Евстигнеевич меня надрал за уши за то, что я с ним не поздоровался». Отец, слегка улыбаясь, ответил: «Ну, вот он за дело надрал, надо со старшими обязательно здороваться, хоть ты и спешил, а забывать не надо. Ладно, если я его встречу, то я ему скажу, что ты рассказал». У меня сразу отлегло от сердца.

Моей первой учительницей была Александра Ивановна Карасева. У нее была дочь Галина, очень симпатичная девочка, училась она со мной в одном классе. Муж Александры Ивановны был председателем колхоза в Гаревой, их откуда-то прислали. Школа была в доме «няньки Васены», так звали хозяйку этих домов. У нее были два дома впритык под одну крышу. В одном доме они жили сами, а второй она сдавала под школу.

Вторая школа была в большом доме у Тюльнева Матвея Евстигнеевича. У него было тоже два дома. В маленьком они жили сами, а большой сдавали под школу. Там учил Петр Иванович Веселов из Большой Каменки. У него дисциплина была высокая, потому что провинившихся учеников он ставил в угол на колени на горюх. И, вообще, мог любого ученика взять за шкуру, и это было нормально. Его боялись, и не было никакого хулиганства. Учил он вторые и четвертые классы, а Карасева первые и третьи.

Первый трактор

КОЛХОЗ деревни Гаревая был в передовых.

Там сразу построили хороший коровник, большую ригу. Почти все снопы свозили под крышу и делали обмолот в любую погоду. Засевали подсолнухом целые поля для силоса коровам.

Мы слышали разговоры, что Колька Морев и Володька Смирнов где-то учатся на трактористов. Однажды зимой на санях, в разобранном виде привезли трактор. Морев и Смирнов стали его собирать в свободном сеновале няньки Васенки. И вот мы слышим звук, нам доселе неиз-

вестный. Они выехали из сарая и стали кружиться в огороде. Оказалось, что забыли, как выключается скорость. Наконец, все же им удалось остановиться. Тогда они почитали книжку и стали тренироваться: тронуться, остановятся, и так несколько раз.

На улице стал собираться народ. И тогда поехали по улице Барачата. Это дорога в деревню Голодаиху. Весь народ, стар и млад, в том числе школьники, пошли за трактором. Подъехали туда, где было много пней, и стали их корчевать. Все только ахают, как летят пни и пенечки. А вот толстые пни оказались трактору не под силу. Потом я видел, как он пахал, как сеял, как сложную молотилку приводил в действие. Это был впервые увиденный трактор «Фордзон».

Рыбный азарт

МНЕ шел уже девятый год, и я пошел во второй класс. Возвращаясь из школы домой, дойдя до речки Юдины, я ни один погожий день не проходил без остановки у нее.

В то время здесь было очень много рыбы, в основном сорьезов, потом их стали называть хариусы. Я буду и впредь их называть сорьезы, как тогда называли, в нашей местности их и сейчас так называют. И вот что удивительно: где земля серая, там и рыба серая, а где земля черноватая, там и сорьезы синие. Щуки, шурята встречались редко и то в низовьях, ближе к Воймасу, а также в больших бочагах. А вот в речке Тихой водились большие шурята и даже налим, чего не было в Юдине.

Как-то раз иду я по берегу, сорьезов много, а взять их мне нечем. И стал я думать, как их заполучить. Дома я нашел старую поперечную пилу, порубил ее на разные сегменты сантиметров по 10-12, пробил по две дырки и стал прибывать к шесту вроде грабельного цевья. Теперь я считал, что вооружен хорошо, представляя, что у меня в руках острога.

В один воскресный день я пошел на рыбалку со своей «острогой» и разочаровался. На речке Тихой, к моей радости, в одном из бочагов ходило несколько крупных сорьезов сантиметров по 18-20. Одного из них я зарубил, радости нет конца. Но радость погасла, когда достал добычу. Оказалось, что я его почти полностью перерубил. Мое изобретение не годилось.

Рыбное увлечение у меня было до самого призыва в армию. Когда я стал старше, а потому посильнее, то просил местного кузнеца Алексея Павловича, чтобы он отковал мне настоящую острогу. Теперь я стал себя представлять настоящим рыбаком. На рыбалку я стал брать с собой брата Леонида, чтобы носил рыбу. Стал ходить больше на Воймас, потому что он больше речек Юдины, Тихой и Ричушки, и рыба здесь

крупнее, щуки и налимы сантиметров по 50-70. Особенно в бывшей мельничной гати. Сорьезы были размером такие же, как и в других речках. Лишь однажды в бочаге ниже мельницы мне пришлось поймать сорьеза сантиметров тридцать.

Рыбалка заканчивалась тем, что Ленька начинал реветь, ему уже тяжело носить, тогда уходили домой. Придя домой, чистили принесенную рыбу, а мать варила селянку. Я рыбы ел мало, а вот добывать любил.

Много было рыбы в небольшой речушке по дороге в деревню Жуково. Она протекала в Жуковском логу и называлась Ричушка. Эта речушка текла в основном по черной земле, и сорьезы в ней были сильные. Зимой она ни в какой мороз не замерзала, никто не мог объяснить почему. В эту Ричушку впадал небольшой ручеек из леса. По берегам этого ручейка, да и в верховьях Ричушки росло много черной и красной смородины. Тогда красную смородину называли «каманика». По всем рыбным речкам я знал каждый ягодный кустик. И знал, в каком бочаге какая рыба и сколько ее. Все было исхожено и изучено. А сколько рыбы было взято из этих речек, а ее все не убывало.

Сейчас, когда пишу эти строки, с поры юношеской рыбалки прошло более 70 лет, и трудно узнать эту местность. Все речки заросли лесом и сорным кустарником. Деревни Тихая, Похвала, Жуково, Новая деревня, Голодаиха-Александровка исчезли с лица земли, будто их и не было на свете, просто жуть берет...

Речка Воймас

НА РЕЧКЕ Воймас была Тиховская мельница. Она находилась метров на 400-500 ниже дороги, идущей из Тихой в Похвалу. И еще на Воймase была Гаревская мельница, ниже Тиховской на 2-3 км.

На Тиховской мельнице помимо мукомольного постава были устроены шестнадцать пестов для получения толченой муки, которую делали в основном из овса. Овес засыпали в ступки, и песты по очереди поднимались и опускались, толкли зерно на муку. Мельницу потом сломали, потому что все зерно забирало государство, а у крестьян-колхозников зерна не было и молотье было нечего. Когда мельничная плотина была в исправности, тогда подпор воды затоплял дорогу Тихая - Похвала, и ездили через мельницу.

В речке Воймас было много рыбы, да и в других речках тоже, потому что работали две мельницы и для рыбы были хорошие условия. Рыба держалась еще несколько лет даже после ликвидации мельниц.

Когда мельничных плотин не стало, Воймас превратился в проточную речку, глубоких бочагов тоже не стало. Встал вопрос: «А где же

острые. А делал все это на столе, и потому он был весь изрезан и исколот.

Когда мне стало 12-13 лет, я сказал матери, что сделаю новый. Спросил у отца: «Тянь, ты мне разрешишь взять свой инструмент, когда буду делать новый стол? И сделаю его больше. Ведь у нас будут четыре свадьбы».

Отец с матерью засмеялись. Они не верили, что я сумею. Но табуретки я уже делал, даже родственники брали, потому и был уверен, что обязательно стол получится.

Решил, что надо сделать заготовку на крышку - столешницу и высушить. Готовых досок нет. Надо идти в лес. Пошел я в Жуковский лог, выбрал ровную ольху, срубил, разрубил на кряжи, расколол их и вытесал доски. Привез на саночках домой и приспособил к потолку для сушки. Потом заготовил из дровяных сухар ножики и положил на печку для подсушки. Пока материал сох, я тем временем стал думать, как связать подстолье. Наш стол шатался во все стороны. Я заверил отца: «Мой стол никогда не расшатается». Отец, улыбаясь, ответил: «Ну, посмотрим».

Я подсмотрел, как связал подстолье дядя Никита. Он делал колеса и, видимо, решил сделать новый стол. Поразмыслив, я пришел к выводу, что такая вязка прочнее и надежнее. Когда сделал стол, мне было 13 лет. Подстолье мое цело до сих пор, стоит в сенях, ему уже седьмой десяток. И еще простоит долго. Только крышку поставил другую, плиту с пластиком, которую привез из города Риги. Теперь это память моего детства.

Я видел, как ребята старше меня по возрасту катаются с гор по Воймасу на магазинных лыжах. Видел, как ломаются эти лыжи.

Мне тоже очень захотелось иметь лыжи. Но я крепко усвоил, что у отца нет денег на них, хотя и стоили они тогда пять рублей. Первые лыжи я сделал из еловой доски, а вот с загибом не получилось. Оказалось, что загнуть еловую лыжу просто невозможно, лопается. Тогда я стал просить отца, чтобы он сходил со мной в лес и вытесал мне лыжи из свежей березы. Мы пошли на Валоватки, взяв с собой санки, пилу. Отец выбрал березу мягкую, прямую, которая будет хорошо гнуться. Я очень внимательно наблюдал, как он выбирает. Мы спилили березу, разрезали ее на кряжи по длине лыж. Отец сначала расколол кряжи, потом стал тесать. Вытесал четыре пары. Когда привезли домой, то у меня радости не было конца. Делал я лыжи в избе, больше нигде было. Стружек так было много, что каждое утро мать сжигала их в печке.

Я стал думать, как их загнуть, чтобы не сломать. Пошел к дяде Никите, он делал лыжи всем, кто попросит, и он мне рассказал, как надо

загибать. Наконец-то я поехал на Воймас на своих, сделанных своими руками лыжах. Всем понравились. Они хорошо играли на неровностях и оказалось, что они лучше магазинных, потому что не пиленые, а колотые, и там нет косослоя, поэтому они гнутся, но не ломаются.

Слава о моих лыжах пошла по окрестным деревням. Ребятишки приходили ко мне с родителями, и если я говорил, что эти лыжи уже обещаны кому-то, слез было много. Спрос был очень большой, но удовлетворить всех не было возможности. Отец стал ходить со мной в лес за заготовками регулярно. Продавал я их по пять рублей за пару, как в магазине, и у меня появились заработанные своим трудом деньги...

Осек

Я ДОЛГО не мог узнать, когда слышал от взрослых людей «коровы за осеком» или «лошади за осеком», что это значит.

Как-то дядя Яков, к которому я ходил на пашню похвастать, что умею ругаться, идет по улице и громко кричит: «Коровы за осеком!». Я подошел к нему и спросил: «Дядя Яков, расскажи мне, что это такое – осек?». Он остановился и рассказал мне: «Осек - это угород (изгородь), который отгораживает хлебное поле от выгона, где пасется скот. Вот гляди в сторону Раменья, вон туда на Елховскую дорогу, видишь там стадо коров, это они смяли угород и все хлынули в ржаное поле. Вот это и есть «коровы за осеком». В том месте угород, видимо, был гнилой, вот коровы поняли, что тут можно пройти, и пошли напролом. Они очень умные животные, хорошо разбираются, где пройти можно, а где нельзя».

После того как дядя Яков (Яков Матвеевич) прошел по всей деревне, объявляя, что коровы за осеком, народ стал собираться в центре деревни у вышки. Там были устроены скамейки квадратом, в летнее время проводились собрания. Там висела железная пластина, в которую звонили, когда надо было созвать людей со всей деревни. Когда народ собрался, тогда решили выгонять скот из ржаного поля – из-за осека, в выгон, где они должны пастись.

На второй день всем народом пошли к угородам, т.е. пошли восстанавливать. Где ремонтировали, где городили вновь. Это работа коллективная. Кто рубит жерди, кто колья, кто вицы делает, только еловые - молодые елочки, высотой не более полутора метров, раздирались пополам, и ими связывались колья с закладкой жердями. Так городились угороды, где не применялись гвозди никогда и нигде.

Каждую весну перед тем, как выгнать скот в поле, всей деревней ходили к угородам для их восстановления. И также ходили с топорами

для вырубki молодой сорной поросли – ивняка, которая засоряла сенокосы. Вот так деревенские люди поддерживали сенокосные угодья в необходимом порядке.

КазакИ

В НАШЕЙ деревне Тихой колхоз был назван «Новая жизнь». Были образованы две бригады из взрослых и одна бригада подростков.

В подростковую входили я, Смирнов Николай – его звали Колька Грунин (по имени его матери Груни), Зарубин Александр (его звали Шурка Титов по имени его дедушки Тита), Соколов Алексей (его звали Лёлька Чиликов, его отца прозвали Чиликом), Беляев Александр (по прозвищу Маков, это назвал его отец – Николай Иванович, ему это нравилось; что характерно, куда бы Маков ни ехал, ни шел - всегда пел песни).

За каждым из нас была закреплена лошадь. Мужики строили новую ригу, чтобы там смогли уложить под крышу все снопы выращенного хлеба, а по окончании полевых работ начать обмолот. В первые годы обмолот вели маленькой молотилкой на конной тяге – две лошади ее крутили, потом стали привозить большую молотилку, работающую от трактора.

На строительство риги свозили все сеновалы, все подряд, в том числе увезли и наш. Но сеновалов не хватало, и тогда стали перевозить постройки хутора Тюльнева Николая Евстигнеевича. Там уже никто не жил. Бревна перевозили на передках. Один конец бревна клали на передок, а второй конец тащился по земле. А вот когда ехали порожняком, то не по дороге, а по прямой, причем летим на полном галопе. Колеса передка в ямки не попадают, а только касаются бугорков. А вот когда «летим» по новине, то колеса «летят» с пенька на пенек. Это у нас были гонки, кто кого перегонит. Иногда бригадир – Соколов Алексей Федорович - говорил нам, чтобы мы смотрели, где ехать, чтобы колеса не разбить.

В праздник Покров в селе Ильинском проходила ярмарка. Основные полевые работы закончены, и на ярмарку везли для продажи кто что сможет. Кто ехал продавать, кто покупать.

Мы всегда ездили верхом на своих лошадях. Обязательно брали с собой по снопу или по два овса, хвосты лошадей завязывали узлом и «летели», как настоящие джигиты. Не зря нас называли казаками. Мы гоняли здорово своих лошадей, но мы их и жалели, старались подкормить. Даже во время посевной обязательно украдем по кепке или по две овса и покормим. И наши лошади были исправней остальных, поэтому нам все прощалось.

Голод

С 1935 на 1936 год был в нашей местности страшный голод.

Люди опухали, а в какой-то деревне, говорили, что даже умирали. На весеннем севе, когда боронили, руки вытянешь, держась за вожжи, и лошадь таскает целый день и нас, и борону. Если приходилось есть куколь – это еще хорошо. Ели и березовые сережки, сушили и мололи багульник. Как-то привезли в колхоз отруби, это была чистая шелуха, ни одной пылинки муки. У кого сохранилась дуранда-жмых, тому повезло, потому что там есть остаток масла, значит сытно.

Отец мой тогда работал на станции Брантовка, тесал шпалы. Когда пришел домой, принес целый пуд муки. Мама напекла пирогов, и был как будто праздник – Христов день. Летом мне повезло - предложили возить молоко на маслозавод в Ильинское. Коровы у нас не было. Из каждой фляги я стал набирать по стакану, иногда по два, и это была хорошая поддержка.

В тот голодный год урожай всех культур был очень хороший. Люди говорили: «Бог вознаградил за мучения, сделал сказочную погоду». Ночью, как по расписанию, шли обильные дожди, а днем была ясная безоблачная погода. Зерна выросло столько, что люди отказывались принимать, говорили: «Везите государству, а у нас сыпать некуда, насыпали уже на целый год».

Бегство из Большой Елховки

КОГДА я почувствовал, что из подростков уже вышел и вступил в степень взрослого, то стал подбирать себе девчонку, чтобы испытать прелесть первой любви.

В то время Панька Титов ходил к своей невесте в деревню Вылетово на Меже. Это километров семь или восемь от Тихой, через Жуково, идти все лесом. Паньке скучно одному ходить, и он, агитируя меня, говорил, что там очень красивые девушки. Я на это клюнул.

Теперь и у меня появилась невеста, и мы ходим на Мёжу вдвоем. В первый вечер я вступил на перебой с Сизовым Зиновием из деревни Барановицы. Он гулял с Ниной Тихомировой уже продолжительное время, и мне понравилась тоже только она. Я сначала не смел пойти на перебой, но другая мне не нравилась. А их ребята – Алексей Тихомиров и Борис Соколович мне сказали: «Бери Нину, и твоя возьмет». И я их послушал.

И вот началось! Как Нину сводили три раза от одного к другому, то после трех раз ее ставили посредине беседки, и вот тут решилось, с кем она останется. Она хотела убежать, но Алексей с Борисом остановили.

Она закрыла лицо руками, а из кухни женщины ей шепотком подсказали: «Иди к этому, который из Княжой». И она пришла ко мне. Значит, моя взяла. Так было с моей первой невестой, так началась моя первая любовь.

Однажды мы пришли в Вылетово, и оказалось, что вся молодежь ушла в Барановицу. Мы тоже рванули туда, а когда пришли, то оказалось, что в Большой Елховке – сбитень, и мы пошли туда тоже. Когда пришли, встретились со своими невестами и сели в беседке. Народу было очень много. Вдруг елховские девчата подсели к нам и тихонько шепнули, чтобы мы быстро сматывались, потому что нас хотят побить. Мы сказали «спасибо» и по одному вышли из беседки, а как вышли со двора, то побежали самым быстрым бегом. Выбежав из деревни, остановились, чтобы дух перевести. Слышим, бегут за нами, мы сняли калоши, взяли их в руки и как припустили до самой Барановицы без передышки.

Вот так сходили на Мёжу. И такое бывает. Не страшно, что побьют, а страшно, что могут зарезать. Такие случаи были нередки, потому что в этих краях дрались только с ножами.

Увлечение охотой

КОГДА я возил молоко на маслозавод в село Ильинское, то из Борков привезли мне щеночка. Назвал я ее Роза, Розка. Цвет был темно-красный, вернее, шоколадный. В деревне Малая Каменка у Елкина Кузьмы купил ружье шомпольное 28 калибра и стал воображать, что я уже теперь охотник настоящий.

Собачка моя Розка оказалась очень толковой и умной. Она рано стала облаивать белку. А осенью пошла на зайца. Однажды я пошел с ней, а за чем, уже не помню. Иду по полю, по жуковской дороге. Там боронит Витя Питерщиков и кричит, чтобы я подошел к нему. Когда я подошел, он показал на утин (межу) и сказал, что там бегают какой-то зверек. Оказалось, что маленький зайчонок, видимо, двухнедельного возраста. Розка была с молодой кошкой, а зайчонок и того меньше. Как только она увидела зайчонок, пустилась за ним, и это был не лай, а просто рев. Зайчонок бежит зигзагами, то влево, то вправо, и поэтому его нельзя догнать. Мы с Витей чуть ли не падали от смеха, наблюдая, как два младенца проявляют свои инстинкты охоты и самосохранения. Я догнал Розку и взял ее на руки, чтобы зайчонок оставить в покое на этом утине.

В этот год было много белки, она откуда-то и куда-то мигрировала. Пошел я на Козлово, потому что там ее особенно было много. Зарядил

ружье двумя коробками ободранных головок спичек. Нарубил дробь из гвоздей. Со мной пошла стая ребятишек. Иду по лесу, воображая, что я теперь настоящий охотник. Есть и собачка, хотя и молодая. Мы, видимо, стоили друг друга, оба юные. Вдруг Розка затявкала рядом. Подбегаем, а белка сидит на сосенке, высотой около четырех метров. Вскидываю ружье, прицеливаюсь, нажимаю на крючок. Выстрелил и стою в шоке. Дробь и порубленные гвозди от белки отскочили и посыпались на землю, а она соскочила на землю и стала убежать.

Розка ей навстречу, а белка прямо мне под ноги. Не долго думая, схватил ружье за ствол и прикладом ее. Но белка ловко извернулась, и я ударил мимо, да так сильно, что приклад переломился и ударил меня по лбу так, что из глаз огоньки посыпались. Отломленный приклад привязал к стволу и пошли домой. Вот так закончилась первая охота на белку.

Беличья шкурка тогда стоила три рубля двадцать копеек, но я остался без ружья. Приклады никто не делал, и мне пришлось искать другое ружье. Купил я его в деревне Похвала у своего дяди Алексея Степановича Березина, тоже 28 калибра и тоже шомпольное, оно стоило тогда недорого. А как же быть с порохом, дробью и капсулы нужны. Все припасы можно получить только при заключении договора на сдачу пушнины, но на договор я не решился, побоялся, что не смогу его выполнить. Пороху стал мне давать понемногу, по два-три заряда, мой родной дядя Максим Макарович. И тогда я захотел купить не шомпольное, а патронное ружье. Купил берданку 24 калибра, немецкую. Радости не было конца.

Пошел я на охоту. Подошел к делянке и вижу: на другой стороне сидит стая тетеревов, тогда их называли косачами. Прикладываю ружье к дереву, хорошо прицеливаюсь и стреляю. Замечаю падение косача. Иду домой с первой добычей, тут и радость, и гордость, что вот и настала моя удача. После этого я добыл куропатку. Куропатка оказалась вкуснее косача, и мать говорила: «Носил бы куропаток, так это было бы очень хорошо».

Когда меня взяли в армию, то мою берданку продали в Большую Каменку Мите Богачеву, он был мой приятель и тоже заядлый охотник, к тому же небольшая родня.

В мыслях о новом доме

КОГДА почувствовал, что появилась силенка, стал выполнять мужскую работу наравне с мужиками. Стал говорить отцу: «Тянь, давай срубим новый дом. Этот дом очень мал, а нас четверо, и когда все станут взрослыми, то нам и повернуться будет негде!»

Отец согласился: «Ладно, Павлуха, нынче мы заготовим лесу по снегу, свезем в одно место, а осенью срубим дом, потому что летом много полевых работ».

В заготовке леса у меня был небольшой опыт. В то время на каждого мужчину налагалась трудгужповинность. Фактически это была принудительная работа, каждый мужчина должен был выполнить 40 норм по заготовке леса. Когда заготавливали эти сорок норм, никто не мог прокормить себя, все харчи привозили из дому. На отца тоже была наложена повинность, а я был еще несовершеннолетним, и на меня это не распространялось. Я помогал отцу выполнять эту принудилровку. Жили лесорубы в зимнице на Ерине. Там были бараки для людей и конюшни для лошадей. Лес вывозили на реку Княжую, на Широкие луга.

Лес мы заготовили в верховьях жуковского лога. А вот свезти до места, а тем более построить новый дом, не успели, меня взяли в армию. В 1943 году мои родители купили дом в Похвале у Владимира Степановича Березина, двоюродного брата моей матери. (В этом доме я сейчас живу в селе Ильинское). Я уже ничем не смог им помочь при покупке, в то время служил уже старшим сержантом.

Работа по найму

В ПОСЛЕДНИЕ два года перед призывом в армию я работал с отцом по плотницкому делу.

Зимой в Большой Каменке делали в скотных дворах кормушки коровам и лошадям. Кормушки, из которых ни лошадь, ни корова не могут выпихивать сено под ноги себе, считались усовершенствованными. Ну, а летом в той же Большой Каменке обшивали дома. Обшили дома у Воробьева Николая и у Березина Дмитрия (Митьки Химихина).

Мы зарабатывали хорошо, и проблем с хлебом не было. Потом ранней весной 1941 года мы работали в Новой деревне у Жукова Ивана Карповича, на втором этаже его дома настилали пол и потолок. Хозяева старались кормить нас хорошо, и я стал чувствовать физическое укрепление своего тела. Однажды, будучи в деревне Гаревая на каком-то празднике, увидел, как возмужалые ребята поднимают гирю двухпудовую. Кто поднимает свободно, а кто кожилится. Я подошел, беру эту гирю, а ребята подзадоривают: «А ну-ка, Павлуха, покажи, на что способен». Поднял ее кверху донышком шестнадцать раз, это я хорошо помню, чего не смогли сделать мои сверстники. После этого мой авторитет возрос.

От Ивана Карпова мы перешли к Веселову Василию Ивановичу подрубить большую избу на три ряда, не разбирая избы. Но до конца сделать я не успел, призвали в армию.

В Москве

КОГДА мне исполнилось 16 лет (это был 1938 год), я получил паспорт и поехал в Москву. Тогда отец был там, жил где придется, у своих друзей, земляков, которые его временно прописывали. Жил в Москве постоянно и его племянник Максим Максимович Белозеров, мне он доводится двоюродным братом.

Я смастерил себе чемоданчик, покрасить было нечем, и он был белый, посчитал, что и так неплохо. Мать испекла пирогов, сварила яичек, я сложил все в чемоданчик и поехал с мужиками, ехавшими в Мантурово.

Пришел на вокзал, нашел свободное место и сел на диван. Чемодан свой поставил под диван, а ноги вплотную к чемодану. Сажу и наблюдаю за пьяными мужчинами, одетыми в грязную рвань. Вижу, как чей-то чемодан ногой двигают на другую сторону дивана, а там сидят такие же пьяные и хотят его достать. Я, видя это, чуть не закричал, но мне пригрозили другие люди, я замолк. Потом эти люди мне сказали: «Надо молчать, а то они тебя полоснут бритвой по глазам, видишь, это блатные, зэки». Тогда это было не диво. Блатных было очень много. В Мантурове бродяжничали в основном освобожденные из Унжлага. Он был расположен за Унжей напротив деревни Вочерово. Так я впервые в жизни на вокзале станции Мантурово увидел настоящих блатных. В то время только и слышно было: там ограбили, там раздели, там порезали. Мне стало страшно. Тогда я старался находиться поближе к нормальным людям.

Изучив расписание поездов, висящее на стене, купил билет на 41-й скорый. Зашел в вагон, проводник показал мое место. Впервые в жизни еду на поезде. Сажу у окна и наблюдаю, как мелькают телефонные столбы, и всему удивляюсь, все стараюсь запомнить. Находясь в поезде, вспоминаю, как надо вести себя в Москве, на каких трамваях надо ехать и где делать пересадку. Об этом все подробно написал мне мой двоюродный брат Максим Максимович.

-По приезду на Ярославский вокзал надо выйти на улицу, сесть на трамвай с буквой «В», который идет влево. Сойдешь в Нижних котлах

**1938г. Павел Смирнов
16 лет.
Фото для паспорта.**

у завода имени Карпова. Там пересядешь на другой трамвай, идущий в Нагатино. Сойдешь у почты и пойдешь в том же направлении. Увидишь восемь барачков с номерами метровой высоты. Заходи в номер шесть и спроси Белозерову Екатерину Яковлевну. Она тебя примет как своего.

Еду в трамваях в нужном направлении, народу немного. Я со своим чемоданом в поле зрения пассажиров. Вижу, больше внимания привлекает мой чемодан. Люди видят, что паренек из деревни, глубинки. Доехал хорошо, нигде не спутался. Сошел у почты, прошел до барака №6. Катя была дома. Мне было приятно, что меня встретила жена моего двоюродного брата, как своего родного. Она пошла на общую кухню со своим трехлитровым медным чайником, чтобы гостя напоить московским чаем. Всю жизнь Екатерину Яковлевну вспоминаю добрым словом. Она была простая, очень приветливая женщина. Впоследствии я узнал всех родных Кати. Когда я приехал, то Максим делал покраску в домике брата Кати, Николая, а мой отец работал в другом месте с Костей Лысаковым.

Мы с Максимом поехали к Косте, который жил на улице Смирновской, недалеко от стекольного завода. Я у него переночевал, а утром он привез меня к отцу на трамвае. В трамвае я оказался возле сидящего мужчины, на коленях которого целая гора книг большого формата. Мужчина посмотрел на меня и спросил: «Ты, молодой человек, знаешь ноты?». Я это слово впервые услышал, никаких нот я в глаза не видел. Вместо меня Костя ответил: «Я без нот как запою трам-бам-буле, так все рты разинут, а что ты запоешь со своими нотами?». А мужчина сказал: «Ты заводишь мой патефон и слушаешь мои песни».

-А как твоя фамилия, что ты поешь в патефоне?

- Моя фамилия Лемешев.

Дальнейший разговор прервался, нам надо выходить.

Когда мы с Костей шли, то он говорил мне: «Я впервые так близко разговаривал со знаменитым певцом». Сам Костя тоже действительно пел очень хорошо. У него голос был удивительно красивый, приятный, мягкий.

Потом я стал работать подмастерьем в бригаде маляров вместе с отцом, Максимом, Костей, Семиковым. Взяли они еще одного подмастерья, соседа Кости, Смолова Владимира Ивановича. Я с этой бригадой работал в школе на Крестьянской заставе, отделявали Дом Отдыха Таганского района на станции Расторгуево по павелецкой дороге.

Школа была четырехэтажная, большая, в виде буквы «Г». Если захочу завести Костю, то достаточно что-нибудь сказать против него, как он сразу вскипает, обмакнет большую кисть в краску и за мной. Ну,

разве ему меня догнать, я убегаю в самый конец и заскакиваю в туалет, мгновенно запираюсь. В этот момент Костя стоит и ругает меня. Постоит минут десять и уходит, после чего мне минут двадцать не надо попадаться ему на глаза. Он долго не сердится, это все знали. Потом я захожу, где он работает, и он, улыбаясь, скажет: «Когда-нибудь я тебя раскрашу всеми цветами!». Значит, все - мир.

Когда я на Крестьянской заставе стоял в очереди за газетой «Вечерняя Москва», познакомился с парнем, таким же, как я. Он был учеником в Таганской АТС. Я взял у него адрес и поехал в контору, которая была на улице Покровка. Туда я поступил учеником монтера. Эта АТС обслуживала центр города, включая Кремль. Получал я ученические сто пятьдесят рублей. И так жил целый месяц. На ужин покупал сардельки, они стоили 8 рублей, а куриная колбаса 14 рублей. Конечно, дорогая колбаса, как «Краковская», была мне не по карману, она стоила 28 рублей.

Жил я в общежитии на Ново-Алексеевской улице. Очень интересно было наблюдать, когда началась Польская кампания, как грузовые машины останавливали на улице и направляли во двор, а там их красили в хаки и отправляли на погрузку под Крестовский мост рядом с Рижским, тогда Ржевским вокзалом. От нас стали брать в армию всех в связь. Я стал подумывать: «А не уехать ли домой?».

18 августа 1939 года я присутствовал на авиационном празднике в Тушино, было очень интересно. Показывали воздушный бой. На красном самолете И-16 пилотировал Чкалов, на голубом И-16 пилотировал Коккинаки. По радио объявляли, что один из-за станции Тушино, другой из-за реки Москвы идут по прямой навстречу друг другу. Народ затаил дыхание: вот сейчас они столкнутся! Но одновременно оба взмыли вверх, и нам показалось, что они самолетными брюхами прилипли друг к другу, но этого не произошло. Затем разлетелись в разные стороны и закрутили «бочку». Потом делали «штопор» над публикой, и было очень страшно, что они врежутся в народ. Люди побежали к каналу Москва-Волга, в том числе и я. В общем, что они выделывали, это описать невозможно.

Когда закончили свою программу и пошли на посадку, голубой самолет сел нормально, а у красного не раскрылись шасси. Тогда он снова взмыл в высоту и начал невиданные воздушные выкрутасы, и так несколько раз. Тогда Чкалову приказали покинуть самолет, но он написал записку: «Умру, но самолет не покину». Планшет с запиской бросил над аэродромом. Потом пошел на посадку, и шасси раскрылись, он их разработал.

Пролетели два дирижабля. А за ними, как сказали по радио, автожир

с автомобильным мотором, вместо пропеллера у него вертолетные лопасти. Он поднялся метров на 200-300 и в воздухе загорелся. Это был прообраз будущих геликоптеров и вертолетов. Было показано бомбометание, на аэродроме построили макет завода и разбомбили. Я очень удивился, как высоко летят части завода, а по самолетам стала бить зенитная артиллерия. Это было здорово, ведь народ ничего подобного не видел до этого.

В период Польской кампании, осенью 1939 года, когда из нашего общежития взяли в армию много ребят, я решил уехать домой в деревню Тихая. Умышленно прогулял день. В те годы за 5 минут опоздания наказывали, за прогул увольняли, а за систематические прогулы судили. Пришел в контору, сказал, что прогулял, попросил дать расчет. На этом моя московская жизнь закончилась.

ЧАСТЬ 3. ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ

В армию

ЗЕМЛЯ сбросила снежное покрывало, которое охраняло ее зимой от сильных морозов, и народ стал готовиться к весенне-полевым работам. Приводили в порядок в первую очередь почвообрабатывающий инвентарь и свои огороды. Подметали улицы, сжигали мусор, накопленный за зиму, одним словом, работы хватало всем - и старым, и малым. Я из детей в семье самый старший, уборка во дворе касалась меня в первую очередь, и ее надо было выполнять в самое раннее утро, до начала основной работы.

Первой в семье вставала мать, Прасковья Абрамовна. Видя, что утро погожее, будила меня: «Вставай, Павлушка, вставай, надо доделывать начатое вчера, а потом пойдем пахать, надо еще лошадь привести, на все надо время, а на потягивание времени нет». А вставать - то мне как не охота, все потому, что долго гулял и поздно лег спать, вот и не выспался. Ну что делать? Надо вставать. Когда сели за стол на завтрак, я стал рассказывать сон, уж больно интересный, как мне показалось.

«Иду будто бы я по Жуковской дороге в сторону деревни Жуково, а жили мы тогда в деревне Тихой, расстояние между деревнями километра четыре, в основном лесом. Из дома я вышел в своей обычной рабочей одежде, а подходя к лесочку в нашем поле, вижу сам себя в военной форме. Оказалось, что я не один, а с группой солдат знакомых и незнакомых и идем мы с пушкой, которая на больших, хорошо окованных деревянных колесах, и везут эту пушку четыре лошади. Дорога эта пересекает Жуковский лог в верхней, начальной части этого лога, откуда образуется небольшая речушка под названием Ричушка. Это место дороги всегда грязное, даже в сухую погоду. И как только лошади вошли на этот грязный участок дороги, пушка настолько застряла в грязи, что лошади не смогли ее вытащить. Мы, как ни старались ее вытащить, не могли. Лошади выскочили, а пушка так и осталась в этой грязи, но нам надо идти дальше, вперед. Идем дальше.

Подходим к Подомаревской – это конец тиховского выгона. По ту сторону ворот глухой лес, справа хутор Подомарева, слева густой лес, называется Валоватки, и метров двести от дороги-зимника. Я с группой солдат ходил по Валоваткам, а лес настолько густ, что солнечные лучи не пробиваются через кроны деревьев и трава там хилая, безжизненная. Мы как-то разбрелись по этому лесу, по одному, и никак не можем выйти на дорогу. Потом как-то стали выходить на дорогу по одному и группами, и оказалось, что нам нужно идти обратно. Миновав Подома-

рево, перешли грязный лог свободно, и вышли в поле, где видим своих лошадей и ту самую пушку. Мы поймали лошадей, запрягли эту пушку и поехали. Видим огромные деревни и поля, зная, что нам надо идти туда».

На этом мой сон и закончился. Этот лес действительно густой, смешанный. Он начинался в конце Тиховского выгона уже за воротами. Сам хутор был на правой стороне, лес назывался Валоватка, перед воротами была поляна, которая служила сенокосом самому Подомареву. Подомарев был купец и имел лавку (магазин), удовлетворяя потребность в товарах жителей близлежащих деревень Кологривского и Межевского районов. С левой стороны дороги в Валоватках была зимница, и когда мне было 7 – 8 лет, то со взрослыми ребятами ходили сюда как бы на экскурсию. Видели догнивающие постройки хутора Подомарева, бегали по стенам зимницы и конюшни. Зимницы и конюшни строились в лесу, где должна вестись заготовка леса и вывозка его на реку для сплава. В них жили только зимой в период заготовки леса.

Этот сон приснился мне еще до работы в Новой деревне, где мы с отцом плотничали у Жукова Ивана Карповича - на втором этаже настилали пол и потолок. Жил он зажиточно и поэтому имел двухэтажный дом. Обеды у него варили с вяленным мясом, таких я до этого не едал, было очень вкусно и приятно, это я помню до сих пор в свои годы. После окончания работы у Жукова нас пригласил Веселов Василий Иванович подрубить три ряда, не разбирая дома. У него было два дома, большой и поменьше, в котором они жили зимой, а большой дом был как бы летний. Я вспоминаю, как дедушка Иван рекомендовал мне почитать церковные книги, у него их было много и довольно интересные. Подрубили мы два ряда, а отцу, Владимиру Макаровичу, нужно было сходить в город Кологрив на прием к главному врачу. В 1914 году, во время германской войны, под Капсоцкой немцы два раза применили газ, и поэтому глаза у отца были отравлены, они не реагировали на мыло. Кроме того, он получил осколочные ранения в голову и в ноги. Да, от немцев пострадали мы с отцом, он в 1914 году, а я в 1941 – 1945 годах.

Я пошел домой, понес полпуда муки, потому что дома кончился хлеб. Там были четыре едока, мать и с ней трое, Леонид, Сергей и Валентина. Переночевав, с утра занялся неотложными делами, как вижу, идет к нам Николай Березин с Большой Каменки, в деревне его звали Колька Якунин, а работал он тогда заведующим избой - читальней в с. Ильинское. Мы по-дружески поздоровались, и он меня спрашивает: «Павлух, ты куда-то собираешься?». Я говорю, да, в Новую деревню, там мы с отцом плотничаем. А он мне и говорит: «Нет, Павлуха, ты в Новую деревню

не пойдешь, а пойдешь в город Кологрив в военкомат, вот тебе повестка для отправки в армию».

Поговорили по-дружески, он пошел домой, а я пошел к председателю колхоза Смирнову Михаилу Даниловичу с повесткой в руках. Михаил Данилович прочитал повестку и говорит: «Ладно, Павлуха, выделяю тебе сопровождающего Кудрявцева Абрама Абрамовича, а лошадь запряжете Ласточку». Пожелав мне счастливого пути и хорошей службы, пошел по своим делам, а я пошел к сопровождающему, чтобы договориться, во сколько выезжать, ведь до Кологрива двадцать два километра, а утром в 9 надо быть в райвоенкомате. Мы договорились выезжать вечером дотемна.

Подходим с матерью и сестренкой в центр деревни, где стоит вышка, на которой находится дежурный пожарный наблюдатель. Там устроены скамейки квадратом примерно 5 на 5 метров. Видим, собралось много народу, и стар, и млад, чтобы проводить меня. Женщины и матери, у которых подрастают сыновья, стоят со слезами на глазах, а моя мать Прасковья Абрамовна и сестренка Валентина, ей всего-то восемь лет, заревели голосом. Видя все это, я не выдержал и тоже прослезился, что делать, видимо, «мамино сердце». Проводили меня за ворота деревни, все желают отслужить и здоровым вернуться в свою деревню, в свой родной дом. А вот дядя Володя - Владимир Петров - лежал больной, и когда я проходил мимо его дома, попросил, чтобы я подошел и с ним попрощался.

Отца дома не было, он еще не вернулся из Кологрива и не знал, что я отправляюсь на военную службу в кадровую армию. Когда прошли деревню Похвалу, увидели, что идет отец. Остановились, объяснились, попрощались, я сел в телегу и поехал в свой путь. В большекаменском прогоне я встретился с двоюродным дядей Алексеем Степановичем Березиным, он дал мне на дорогу тридцать рублей. Дядя меня очень любил и никогда ни в чем не отказывал. Работал он тогда лесником, и им выдали ружья пятипатронки, это кавалерийские карабины, переделанные под двадцать восьмой калибр. И если я хотел походить по лесу с пятипатронкой, он мне никогда не отказывал. Походить по лесу с таким ружьем было большое удовольствие, правда с припасами было скудно, как с порохом, так и с дробью, вместо дроби рубили проволоку.

После встречи с дядей Алексеем я в телегу больше не садился, а шел за ней. На подходе к Большой Каменке ждала меня моя бывшая невеста Хитрова Мария, проводила она меня до большой дороги, и мы расстались, как видно, навсегда. Я перестал с ней дружить, потому что она позволила ухаживать за собой другому парню, а главное - при мне.

Я сел в телегу. Проехали село Ильинское, у подъезда к маракинской горе я соскочил с телеги и вновь пошел пешком. Вошли в деревню Маракино, вижу кругом веселье, играют гармошки, молодежь пляшет с припевками. Я разыскал свою невесту Вьюгину Валентину Павловну (она жила в деревне Ключевка), предложил ей пройтись со мной немножко, объяснил, что иду в армию. И тут догоняет нас ватага ребят и начинает меня колотить тычинами за то, что я посмел взять их девушку. Я закрыл голову руками и говорю: «Что же вы такой гурьбой напали сзади на одного?», объясняю, что сводить счеты с ними нет времени и что я еду в военкомат для отправки в армию. На этом их натиск и погас. Но с Валею успел договориться, что я буду писать. А писать мне пришлось только в конце 1942 года, после Сталинградского фронта, до этого не было никакой возможности. Мы обменялись несколькими письмами, в последнем она написала, что выходит замуж. На этом и закончилась наша любовь. Да, а я ее любил и много о ней думал и даже сослуживцам рассказывал, какая у меня невеста и если буду жив, то обязательно на ней женюсь. Но война все изменила по-своему.

Утром рано мы подъехали к военкомату. Каждого призывника из деревни провожали на подводе, и вокруг военкомата скопилось много подвод, со стороны казалось, будто проходит какая-то ярмарка. Где-то к середине дня офицер командирским голосом приглашает всех приехавших призывников пройти на второй этаж. Зал был заполнен до отказа. Военком, политрук Одинаров, объявляет: «Все, кого сейчас зачитают, направляетесь на действительную военную службу, в хорошую часть, в полковую школу, в артиллерию». Работник военкомата зачитывает список: «Кого зачитали, все идите к своим подводам, поедете на станцию Мантурово. А остальные могут возвращаться домой».

Поехали в Мантурово по более короткому маршруту - через Чежму, т.е. за рекой Унжей, я никогда по этой дороге еще не ездил. Ехали всю ночь и утром прибыли на станцию Мантурово, проехав около 70 километров. Деревню Вочурово проезжали уже утром и возле магазина остановились на передышку. Здесь я встретил Владимира Степановича Березина, двоюродного брата моей матери. Он тогда работал в сплавной конторе, видимо в Мантуровской. Дядя Володя мне говорит: «Ну, Павлуха, давай погладим тебе дорожку, выпьем по чарочке». А я тогда водки в рот не брал, но с дядей пришлось выпить граммов по пятьдесят.

Следующая остановка - станция Мантурово. На станции - то я бывал, даже несколько раз обедал в столовой. Межевские ребята приехали с гармонью, Смирнов из деревни Сорвино очень хорошо играл. Нас было всего сорок человек, тридцать из Кологривского района и десять

из Межевского. Подошел сопровождающий и громко говорит: «Всем тихо! Через несколько минут подойдет поезд сорок первый скорый, и мы поедем на нем, документы оформлены». Все собрались на пяточке перрона возле первого пути, ждем поезда. Начались минуты ожидания. Вот он какой, сорок первый скоростной, подошел, остановился, и старший делает посадку, в какой вагон сколько человек. Зашли в вагон, тесно, народу много. Пока был день, настроение было приподнятое, ведь мы едем в армию и не просто в армию, а в полковую школу, да еще в артиллерию.

Да, поезд идет действительно быстро, едва успеваешь считать телефонные столбы. На улице темнеет, потом становится совсем темно. Наблюдение закончилось, и дело пошло ко сну. Стали искать место поспать. Я нашел место под нижней полкой на полу, остальные тоже кто где приспособился. Слышу, говорят: «Скоро Москва». Ну, думаю, надо вставать, т.е. вылезать. И когда вылез, смотрю на себя и вижу, что я весь в пыли, но зато выспался. Поезд остановился – Москва. Прибыли на Ярославский вокзал. На перроне собралась вся группа, зашли в вокзал. Старший нам говорит о том, что надо переехать на Киевский вокзал.

Приехали на Киевский вокзал, стали знакомиться с вокзалом. Он нам показался огромным, даже поезд подходит под крышу. На вокзале расположились в уголке: кто спать лег, кто возле киосков ходит, удивляясь разнообразию товаров. Я подошел к чистильщику обуви, и мои сапоги стали блестеть ярче тех, в которых ходят офицеры. Потом сели в поезд Москва-Киев. Едем. Проехали Брянскую область, едем по Украине. Наблюдаем за украинскими постройками, настоящими украинскими хатами. Интересно, ведь мы такого никогда не видели.

Приехали в город Киев. Поднимаемся на второй этаж вокзала, там воинские залы. Видим, что у входа на одной стороне щит высотой метра два, на нем написана присяга, а на другой стороне на таком же щите нарисован в полный рост Никита Сергеевич Хрущев, он в то время был первым секретарем ЦК компартии Украины. Слушаем вокзальное радио, оно объявляет, что поезд Киев – Львов следует через Подволочинск. И через некоторое время опять объявляет, что поезд Киев – Львов следует через Шепетовку. Нас немного задержали на станции Казатин, хотели перехватить, говоря, что горьковчане самые лучшие и надежные солдаты (мы тогда входили в Горьковскую область). Но почему-то «сватовства» не состоялось. Наш старший говорит нам: «Нам надо доехать до Львова, а там недалеко и наше место назначения, станция Каменка Струмиловка, это в пограничной зоне, входящей в четвертый Укрепрайон».

Начало войны

НО не суждено было доехать нам до своего места службы. Началась война! Доехали мы до города Тернополь. В Подволочинске увидели первых убитых людей, их возили на подводах – площадках, уложенных как бревна, было очень жутко смотреть на это.

В Тернополе вышли из вагона, остановились возле вокзала, стали знакомиться с городом. На одной из улиц два танка остановились, развернулись передом к одноэтажному дому оранжевого цвета и стали по этому дому стрелять в упор. Дом был кирпичный, и танкисты сделали из него груды битого кирпича. После стрельбы танкисты вышли из танков, и мы у них стали спрашивать, почему они разбили дом, не выпустив ни одного человека. Они сказали, что из этого дома убивали наших военных и убили много, а мы сделали ответный ход.

Вся команда сошлась к назначенному часу возле вокзала. Стали обсуждать, что видели в городе. Вот вывеска «Перукарня», мы думали, что здесь пекут хлеб, а оказалось, что подстригают и бреют, значит это парикмахерская. Было и много других надписей – вывесок, неизвестных нам. Все это было очень интересно. Пришел сопровождающий и сказал, что дальше ехать нельзя. Немцы прут неудержимо, и потому мы поедем в Шепетовку в другую часть, а в какую, пока неизвестно. Время к ночи, и нам дают команду следовать к месту погрузки. Подошли и видим, что пытит паровоз с несколькими товарными вагонами. Мы зашли в один вагон и поехали. Ехали ночь без света, несколько раз останавливались по неизвестным нам причинам. У нас на душе «кошки скребут», сидим при распахнутой двери в ожидании, что вот-вот что-то может произойти, и мы готовы на ходу выпрыгнуть из вагона. Ведь идет война, и поэтому все может быть.

Ночью хорошо видны огненные языки, впивающиеся в небо, их много, то редкие, то густые. Это была тяжелая артиллерия, огонь виден, а звука не слышно. Кое-где временами видны огненные пояски, врезающиеся в небо, – это сигнальные или зажигательные пули. Иногда видим и осветительные ракеты. Но нападений на нас не было, и мы проехали благополучно.

Приехали в Шепетовку. Пришли в военный городок, где четырехэтажные казармы, расположенные в сосновом лесу, их много. Потом мы узнали, что здесь стояла целая армия. Вокруг города укрепленные полосы с дотами. В каждой казарме располагался полк, даже в столовую заходил целый полк. Нас определили, но не обмундировали. Пошли мы в столовую на обед. На каждом этаже располагался батальон. Мы пошли на третий этаж, значит мы в третьем батальоне. В столовую заходим в

колонну по четыре, только не в ногу. Зашли в зал, а там уже все разлито по посудам. Это сделали кадровые солдаты, они ушли раньше и все сделали. Зашли за столы, и старшина командует всей роте: «Садись!», все сели и заработали ложками. А я на каждую зачерпнутую ложку сначала подую – остужу малость, а потом схлебываю. Пока студил, еще и половины не съел, а старшина командует: «Встать!», и марш на улицу на построение. Вот так всегда было, пока были в Шепетовке. На мне, деревенском парне, не отражалось ежедневное недоедание, потому что я был не костлявый, а довольно крепкий. Когда надо, покупал в магазине что-либо перекусить.

Однажды мы были в казармах, когда налетели бомбардировщики и стали бомбить городок и железнодорожную станцию. Казарма закачалась, задрожала, мы хотели выбежать на улицу, но нас не выпустили. Мы были на четвертом этаже, в углу была приставлена фанера, мы спрятались, укрылись за ней. Потом мы смеялись над собой, что нашли «надежное укрытие». А что, в такой момент деревенским парням совсем не до смеху и не до хладнокровия, происходит нервно-психологический срыв мгновенного действия. Но на этот раз ни одна казарма не была разрушена. На станцию побросали бомбы замедленного действия, а несколько бомб вообще не взорвались, военные специалисты их выкопали и обезвредили. Когда вывернули взрыватели, то обнаружили записки на русском языке, где было написано: «Чем можем, тем поможем». Это была работа, видимо, немецких антифашистов.

Как-то пошли в город для ознакомления, была низкая облачность. Вдруг видим, из-за станции в сторону запада идут строем несколько бомбардировщиков, опознавательных знаков не разглядеть. По ним стали бить зенитки. Мы остановились и видим, как задний самолет загорелся с хвоста, огонь стремительно ползет вперед к моторам. Этот горящий самолет сворачивает со своего маршрута влево за город. Как только вышел за город, взорвался в воздухе. В момент взрыва выпрыгнули из самолета два человека, у одного раскрылся парашют, а второй падает камнем. Все побежали к месту падения посмотреть на немецких летчиков. Но, оказалось, что зенитчики сбили свой самолет. После этого случая зенитчикам при плохой видимости стрелять по самолетам не разрешалось, а с немецкими самолетами вели борьбу только самолеты - истребители U-16. Они были фанерные, обтянутые какой-то тонкой и прочной тканью.

При очередном налете бомбардировщиков их сопровождали три или четыре истребителя – мессеры. Мы с огромным удивлением наблюдали, как мессеры издеваются над нашими истребителями U-16, потому

что скорость у мессеров, как нам показалось, в два раза быстрее. Бывало и так: мессер догоняет нашего ишачка, стреляет, обгоняя его, потом разворачивается и идет навстречу стреляя, и так пока не собьет. А наш летчик, если он похитрее, идет к земле на минимальную высоту, при его скорости это нормально. А вот мессер вести бой на малой высоте из-за большой скорости не может и уходит от боя. Но зато наши ишачки как налетят на «юнкерсов» или «хенкелей» - прямо как воробьи облепят. И сколько их сбивали, и из каждого сбитого стервятника, падающего над лесом, выпрыгивают по три человека. Парашюты были красивые, то в шашку, то в ромб. Сбивали их много, в основном за железной дорогой над лесом. Наши пограничники в лесу их ловили, и мы видели, как их строем водили мимо нас, летчики были все ребята рослые, рукава засучены выше локтя, а подстрижены все «под ерша». Водили их группами. Впоследствии за всю войну, т.е. за то время, когда мне пришлось быть в действующей армии, я ни разу не видел, чтобы так много сбивали немецких самолетов, как в Шепетовке в начале войны.

Мы узнали, что находимся в 59 - м запасном стрелковом полку, и нас хотят распределить кого куда. А пока формируют кавалерийский эскадрон, ведь мы все ребята деревенские и верхом ездить на конях умеем. Лошадей много бессарабских, почему бы и не сформировать эскадрон? Но оказалось, что шашек много, а седел нет ни одного. Вот и формируй эскадрон. И тогда нас растасовали кого куда, кого в учебку, кого в маршевую.

Около десятка попало в учебный батальон, т.е. в полковую школу: я, Вася Козлов из деревни Карабаново, Коля Рыжов из деревни Маракино, Паша Лебедев и Коля «Чапай» из деревни Меркушино, Алексей Виноградов из деревни Новопавлово, Коля Илюшин из деревни Белоглазово, Саша Смирнов из деревни Тодино, Саша Смирнов из деревни Сорвино и кое-кто из Межевского района, имена их не запомнил.

Как-то раз пошли в город Шепетовку, видим, большая толпа народа, выступает какой-то оратор. Прислушались, оказалось, что он набирает добровольцев, чтобы сейчас идти на передовую, защищать свою Родину. Увидев нас, здоровых ребят, он подошел и говорит: «Вы не хотите отправиться на фронт, на передовую прямо сейчас?». Мы ему сказали, что мы сейчас представляем стадо баранов, т.е. пушечное мясо, нам надо хотя бы минимальную подготовку, для того, чтобы идти в бой, надо многое знать и уметь, и потому от предложения отказываемся.

Пошли дальше по городу. Видим, речка, а за ней у дороги киоск. Слышим, один мужчина, улыбаясь, спрашивает на украинском языке: «Пиво е?». Продавщица отвечает: «Е», он говорит: «Нальвай, а колхоз-

никам скидка е?». Продавщица отвечает: «Нэма». А он ей: «Тогда выливай». Тут начался смех, мы так и не видели, чем все это закончилось. Мы ходили по городу свободно, потому что еще не обмундированы. А вот кто попал в маршевую роту, того уже обмундировали, и они так свободно, как мы, не ходили.

Нас, будущих младших командиров, старались подальше отвезти по железной дороге. Посадили нас, т.е. весь учбат, в пассажирские вагоны и повезли на восток до станции Казатин, это уже хорошо. В Шепетовке в день нашего отъезда был сожжен сахарный завод и все другие предприятия. Вагоны, в которых мы ехали, показались нам очень интересными. В купейные вагоны заходят снаружи, по скамейке через весь вагон, а в плацкартных вагонах средние полки сходятся вплотную, и там можно лечь троим или даже четверым, мы так и делали.

Ночью мы выехали. Но недолго мы ехали в вагонах, нас высадили на станции Казатин. Здесь нас хорошо отбомбили четырехмоторные «Дорнье-До», тяжелые бомбардировщики. Из нашей команды никто не пострадал. Дальше опять организовали на поезд, но только в товарных вагонах. Вот на этот раз мы увидели настоящего немца – шпиона. Оказалось, что он с нами был от самой Шепетовки, одет был в солдатскую шинель, по ночам сигнальными ракетами указывал место бомбежки.

От Казатина доехали до станции Фастов. Это тоже большая станция, много путей по обе стороны вокзала. И тут опять эти «Дорнье-До» под прикрытием мессеров. Очень усердно работали по ним зенитчики из полуавтоматических пушек, только они уже слабы для таких «птиц», хотя скорострельность у них хорошая. Мы видели, как один летчик пошел на хитрость, видимо, по нему больше всех били зенитки. Он начал свой самолет бросать из стороны в сторону и пустил много дыма. Увидев это, зенитчики успокоились и перестали по нему стрелять. А он хитрец, когда снизился, выровнялся, перестал дымить и удрал. По одну сторону вокзала много путей, и одна бомба, видимо, немаленькая, попала на путь между рельсами, которые стянуло дугой, высотой метра четыре, а шпалы унесло неведомо куда. Рельсы в самой дуге были синие. Мы все удивлялись, как можно стянуть рельсы в такую огромную дугу.

Из Фастова нас отправили в Киев уже на открытых платформах. Там мы одну ночь ночевали в Ботаническом саду. А рано утром летит один двухмоторный фашист. Рядом с нами, на площадке вагона, человек уже немолодой из ручного пулемета короткими очередями начал по этому фашисту стрелять, самолет действительно загорелся и стал уходить за город. Уже днем нас погрузили на платформы, перевезли через Днепр и высадили где-то за станцией Дарница. Теперь пошли пешком. Погода

стояла жаркая, нам дали вяленого леща и сказали, что будет хотеться пить, но надо перетерпеть, и тогда не будет никакой жажды. Да, хорошо сказать, а вот как выдержать, это вопрос. Кто выдержал, тот шел хорошо, не потел, а кто не выдержал, просто беда, они настолько раскисли, что идти не в состоянии, по дороге бросают свои вещи, они им были в тягость. Я переборол жажду.

Проходим город Переяслав. Идет разговор, что вот дом РАДЫ, видимо, в нем Богдан Хмельницкий подписывал договор воссоединения Украины с Россией. А может, это дом уже другой, но на том же месте. Вышли из Киевской области, погода жаркая, дороги пыльные, мы все в пыли, только зубы одни белые. Идем по Полтавской области. Куда идем, нам не говорят. Помимо нас, новобранцев, шел другой отряд и по другой дороге, там были кадровые солдаты. На тот отряд возле болота налетели бомбардировщики. По команде «воздух» все разбежались кто куда, большинство побежало в болото, чтобы укрыться в болотной траве. А вот солдат Гайцук, атлетического телосложения, со страху добежал чуть ли не до середины болота. Середина была топкая, и пока самолеты бомбили, он стоял без движения и не чувствовал, что его засасывает. Когда бомбовая атака закончилась и надо было выходить, он не смог вырвать сапоги из топи и с трудом выполз босиком. Когда пришли в Сосиновку, то он долго ходил в строю босой, а командир роты ему говорил: «Иди в болото за сапогами». Но потом ему дали обмундирование. Это была группа кадровых солдат, зачисленных в учбат, они все были в сапогах.

Ночи проводили прямо возле дороги в поле, не изыскивая удобства, сон быстро овладевал уставшим человеком. Нам сказали, что скоро придем на место дислокации. Прошли город Пирятин без остановки. Затем еще километров восемь, видим огромное село с названием Сосиновка. Вот это наше место. В этом селе было шесть колхозов, и разместился пятьдесят девятый запасной стрелковый полк. Из Сосиновки хорошо видна узловая станция Гребенка, которую часто бомбили.

«Прощание Славянки»

В СОСИНОВКЕ мы остановились надолго, где-то на два месяца. Здесь мы прошли учебу по полной боевой подготовке, здесь нам присваивали звания младших командиров - кому-то младших сержантов, а кому-то сержантов. Отсюда группу наших ребят, как командиров отделений, отправили в партизанский отряд, а куда мы не знали.

Командиром роты у нас был младший лейтенант Гаевский, человек среднего роста, упитанный, но не ожиревший. Это был садист в полном смысле слова. Однажды бежали в противогазах пять километров, когда

прибежали в расположение, курсант Силиверстов, москвич, свернулся калачиком и скончался. А курсанту Филимонову он так ткнул стволом револьвера в лоб, что у него остался кровавый кружочек ствола. Вечером пришел к нам комиссар батальона, хороший человек, из кавказцев. Мы его очень любили и ему организованно всей ротой заявили, что завтра всей ротой расстреляем Гаевского. Комиссар спросил, чем вызвано такое решение, ему ответили дружно все, и он, попрощавшись с нами, ушел. Тем же вечером Гаевского вызвали в штаб, и мы его больше не видели.

Командир батальона, старший лейтенант, ездил верхом на сером в яблоках коне, он не рысью, а галопом, но его пешком можно было догнать, так он любил ковыляться в седле. Его денщик ездил на карей кобылице, и только рысью. Однажды комбат подошел к нам и говорит: «Вы меня знаете?», мы говорим: «Знаем». «А фамилию мою знаете?». - «Не знаем». - «Моя фамилия две буквы – Войтекунас». Как-то раз дежурный по пищеблоку офицер, всегда ходивший по полной форме с пистолетом и шашкой, подошел к комбату и доложил, что наряд по кухне украл все мясо, и в котлы класть нечего. Комбат приказал построить весь наряд в полной боевой. Курсанты наряда все мясо попрятали за пазухи бушлатов. Комбат подходит к первому и говорит: «Ну, куркуль, петушиная морда, снимай гуньку, выкладывай мясо». Курсант как расстегнул бушлат, так мясо - шлеп к ногам. Комбат взял мясо, хлесть им по морде курсанту и приговаривает: «Вопросы будут, куркуль, петушиная морда? Теперь надевай гуньку». За этот случай комбата стали больше уважать все курсанты.

Командиром 59-го запасного стрелкового полка был майор Данченко, ему было под шестьдесят, и был он весь седой. Нам нравилось слушать, как он ругает кого-то: «Ах ты, сукин сын» или «Ах вы, сукины дети», вот и вся его ругань. Мы ни разу не слышали, чтобы он когда-либо ругался матом. К нему все относились с большой симпатией и уважением. Бывало, идем ночью или днем, устали, ноги не слушаются, еле их переставляем, а командир полка поставит впереди колонны полка музыкантов. И, удивительно, услышав марш «Прощание Славянки», ноги как-то сразу оживают, и усталость становится меньше, и идти легче, а музыканты играют, пока весь полк не пройдет. Сейчас, когда пишу эти строки, мне за восемьдесят, а как услышу по телевизору или радио «Славянку», так у меня помимо моей воли текут слезы. Я под этот марш в 1941 году прошел четырнадцать областей, и этот марш остался в душе на всю жизнь.

Военную присягу принимали в июле 1941 года в Сосиновке.

Из стрелковых подразделений часто солдаты дезертировали. Один раз убежали с оружием сразу пять человек. Кого поймали, тех сразу под трибунал. А трибунал во время войны приговаривал только к высшей мере, штрафных рот тогда еще не было. Но люди все равно уходили и довольно часто. Один раз из моего отделения убежал солдат – азербайджанец. Мне командир взвода говорит: «Смирнов, иди, ищи своего солдата». Что делать, я пошел по улицам, взяв двух солдат. Заходили в каждый дом, спрашивали, не заходил ли солдат. И тут мне повезло, только начал подниматься на второй этаж дома, а он мне навстречу. Я его разоружил, и повели два солдата под ружьем. Солдаты хотели его заколоть штыками, они были очень злы на дезертира: все отдыхают, а им надо ходить по улицам и домам в поисках беглеца. Азербайджанец, насупив брови, лезет прямо на штыки, и солдаты спрашивают меня, как же мы его поведем? Я говорю беглецу: «Если не будешь слушаться и полезешь на солдат, то они тебя заколют за невыполнение моего приказа». Привели его, после чего его куда-то от нас увели.

Один раз мне пришлось быть в наряде в полевом секрете, возле какой-то дороги, ведущей в село Сосиновку. Было уже за полночь, вдруг видим, по дороге к селу идет человек. Мы его окружили, а он бежать. Но куда там, ведь мы молодые и бегать умеем, догнали его быстро, ребята мои оказались на высоте, от меня ни один не отставал, обошлось без стрельбы. Нас было пять человек, меньше было нельзя. Отвели его в штаб двое, а трое остались до утра продолжать свой «секрет». Нам сказали, что это был вражеский разведчик из местных. О бдительности нам твердили ежедневно, и все были подготовлены.

Однажды вечером двое курсантов пошли в штаб с донесением. Идя по дороге, заметили, что в канаве лежит человек, подошли и говорят ему: «Вам плохо, давайте мы вам поможем». Помогли ему встать, а в руках у него была красивая трость, которая, оказывается, служила радиоантенной в момент разговора со своим штабом. Курсанты взяли его за руки и привели в штаб полка, где увидели у него на петлицах четыре шпалы, значит «полковник». Он, лежа в канаве, разговаривал по радио со своим немецким штабом. Радиостанция у него была на груди под гимнастеркой. Это был натуральный немец.

Однажды днем старшина роты говорит, что сейчас пойдем в город Пирятин, где будем обмундированы. Пришли туда, остановились возле городской бани. В баню заходили повзводно. Перед входом санинструктор каждому смазывает лобок и под мышками мылом КА. Кажется, смазали огнем, так все смазанные места горели, что терпенья не хватает, хочется кричать. Стали быстрее смачивать горячей водой. Вот это мыло,

вот это да! Баня хорошая, заходишь с одной стороны, а, помывшись, выходишь в другую сторону, где выдают новое обмундирование с ног до головы. Здесь нам выдали яловые сапоги, которые пока были новые, очень скрипели. А в маршевых ротах давали ботинки с обмотками. В баню города Пирятина мы больше не ходили. Очередное банное мытье мы делали на канале, где проходили очередную санобработку, включая камеры вошебойки. Это был канал осушения торфяника шириной около трех метров и глубиной около двух метров. Таких каналов на Полтавщине много. На этом канале нам было очень хорошо. Как только смажут мылом КА, так ребята пулей летят в канал, и смазанные места быстро перестают гореть. В таких каналах и рыба водится, но нам было не до нее.

К концу августа нам выдали теплое белье с начесом. Мы обрадовались, потому что погода испортилась основательно. Пошли непрерывные дожди, мелкие, как из сита, а жили мы в шалашах, сделанных из бузины. Одежда на нас промокала до нитки, колом стояла, а обсушиться негде. Как-то раз я встретил Колю Илюшина и «Чапая», они тянули на себе полковой миномет 120-миллиметровый. Эта «игрушка» тяжелая, ее возят две лошади, но им тяжело, потому что грязь выше колен и холодно. Всем расчетом кто за что уцепится, потихоньку продвигаются, а бедные лошади идут стороной. А что делать! Это учение. Коля Илюшин вскоре заболел. У него были слабые легкие. Погода и грязь «помогли», и его вскоре комиссовали. Он дома пожил недолго и умер.

Село Сосиновку мы покинули в конце августа 1941 года, когда немцы подошли к Днепру. Они форсировали Днепр севернее и южнее Киева и продолжали развивать наступление. Нам надо было быстро уходить на восток. Вышли мы после обеда, и нас отбомбили при переходе через торфяное поле. Некоторые бомбы ушли так глубоко в торфяник, что земля только содрогалась, а выброса не было, у бомб не хватало силы. Ночью выставили боковое охранение: справа и слева. Боковому охранению справа пришлось отбивать немецкий головной дозор. Я находился в составе основной колонны, и мы прошли без боя. Шли только ночью. За первую ночь мы прошли – пробежали 73 км, шли по колено в грязи и мокрые до нитки. На плечах груз: винтовка, 500 патронов, 10 гранат РГД и 2 лимонки, ручной пулемет танковый. Ох, и неудобно нести его, это целое наказание, а нести-то надо. Танки оставили у границы, а пулеметы сняли и передали пехоте. Нести его одно проклятие. Муфта, которая укреплялась в бойнице танка, давит во всех положениях, и нести его очень неудобно. За первые сутки мы один раз поели, съели НЗ – три сухаря и банку рыбных консервов в томатном соусе.

На второй день пути мне дали отделение в 72 человека. Военкоматы в проходящих районах вели мобилизацию мужчин военнообязанного возраста, и потому формировались такие большие подразделения. Командир взвода, лейтенант Галушко, говорит: «Ну, Смирнов, учись командовать, развивай командирский голос, о штатных отделениях надо забывать». К сожалению, у меня командирского только одна выправка, а командирского голоса пока нет.

Заходим в Сумскую область в город Гадяч. В садах поспевают плоды. У каждой хаты хорошие сады, у кого больше, у кого меньше. Нам хозяева разрешали поесть, что хочется, ведь у нас такой благодати нет, только очень просили не ломать веток и сучьев, и потому мы рвали осторожно, а хозяева замечаний нам не делали. Удивительная ягода шелковица. Растет она на дереве высотой 5-6 метров, кужлявая. Сама ягода по структуре похожа на малину, до созревания красная, а по мере созревания чернеет, и когда созреет, делается совсем черная, очень вкусная и сладкая.

Новобранцы были мужчины уже немолодые, вплоть до пятидесяти лет. Мне было неудобно ими командовать. Да, признаться, я и командовать-то не умел. Вливались к нам мужчины и из других, более западных областей - Винницкой, Житомирской, Каменец - Подольской и других. Ведь наш полк запасной, и поэтому к нам всех подсылают. Но от нас забирают целыми ротами, не огульно, конечно, а кого надо. Часто приходилось слышать среди новобранцев такой разговор: «Мы колхоз и очереди отстаивать не будем». Они меня не стеснялись, ведь я для них сынок, а для некоторых и не первый. Мы, горьковчане, не удивлялись их разговору. При очередной бомбежке они разбежались по команде «воздух» в кукурузное, просяное или в подсолнечное поля. После отбоя обязательно не досчитаешься нескольких человек, которых нет ни в убитых, ни в раненых. Значит, ушли домой.

Прошли Сумщину и вошли в Харьковщину. Прошли город Краснокутск, здесь я впервые попробовал брынзу, ее продавали в ларьке, мне она не понравилась. Получили пополнение, пошли дальше. Взвод был равен роте, даже намного больше, рота была как батальон. Когда подходили к Чугуеву, были сумерки. Вдруг кто-то крикнул: «Смотрите-ка, смотрите, как наш истребитель сидит верхом на немецком бомбардировщике «Хенкель», это не пикирующий бомбардировщик, и вынуждает его идти на посадку». Вот это было настоящее зрелище.

Идем по Харьковщине. Шла уборка хлебов. В одном поле восемь скирд пшеницы длиной метров по пятьдесят, а мы размышляем, что же теперь будет с этой пшеницей? Кто говорит, сожгут, кто говорит, увезут, но на чем? Машин-то нет, да машины по такой грязи и не пройдут. Опять

пошла изморось, как из сита. На нас вся одежда мокрая, а обсушиться негде. Уже давно не мылись, в белье с начесом стало много вшей, да таких крупных, как пшеничное зерно. Иногда разводим костер и прутиком или винтовочным шомполом сбиваем их в костер. Они в костре только потрескивают, с одной стороны, интересно, а с другой - будет маленькое облегчение. Удивительно, что чем больше человек худеет, тем больше у него становится вшей, ведь как из-под кожи лезут, вопреки всем проводимым мероприятиям. Это мы испытали на себе.

На ночь рыли щели на двоих одну, одну шинель подстилаем, а другой укутываемся. Хотя шинели и сами были до нитки мокрые, помогало то, что осенью земля теплая, она и согревала. Утром встаем из этих щелей, а из них идет пар, подобно парящим гейзерам. Теперь мы шли – отступали только днем, а спали ночью. Когда проходили Харьковщину, у меня пошла кровь через рот. Перед этим закололо под лопатками как иголками, и бросилась кровь: рот зажмешь, идет через нос, нос зажмешь, идет через рот. Тогда весь мой груз положили на двуколку, и кровь перестала идти. После этого даже одну винтовку нести было нельзя, все повторялось. Это происходило от недоедания, от тяжести, от недосыпания и сырости, вообще от тяжелых условий жизни. Питание было от случая к случаю, от самой Сосиновки в основном были на «подножном корму». Бывало, идем целый день, привалы на десять минут через каждые десять километров. Удивительно, как только свернули с дороги по команде «Привал», как только легли на землю – сразу, мгновенно, слышен был храп, спал весь полк. Кончается время привала, и храп прекращается, все проснулись. Вот так вырабатывался инстинкт самосохранения.

Села обходили стороной, заходить в них не разрешалось, потому что из-за нас эти села бомбили. Нам говорили, что скоро придем в такое-то место, там будем обедать, обед уже варится, каждому будет по большому куску мяса, забиты большие свиньи. Мы верили сказанному. А есть-то страшно хочется. Ведь целый день во рту не было и крошки. Вот подходим к месту обеда, пахнет очень вкусно, слюнка лезет изо рта. Повар кричит: «Через восемь - десять минут начнем раздачу». Слышим где-то звук самолета. Всматриваемся в небо и видим, идет строй «юнкерсов» прямо на нас. Это они нам везут «обед». И с разных сторон врезаются в небо сигнальные ракеты, указывая место бомбежки. Команда «Воздух» подается с опозданием, потому что думали, что они идут на другое задание, а не на нас. После бомбежки приходим на место, где были котлы и откуда исходил такой вкусный запах. Да, теперь это уже в прошлом. Место так взрыто, что и признаков нет, что тут варился обед, а запах противный, с гарью. Вот и пообедали! Пошли дальше.

Однажды варили обед где-то в другом месте, к нам его привезли в походной кухне. Расположились в лесу. Ну, думаем, не найдут нас фрицы и мы пообедаем. Только стали раздавать, вдруг летят «Хенкели», и первая бомба попала в самую кухню. Люди, конечно, разбежались до разрыва бомбы, а вот от кухни и лошади ничего не осталось, единственный признак - черпак, повисший на сучках сосны. Вот и пообедали. И так происходило часто, редко удавалось нормально поесть. А все потому, что всю дорогу с нами шли немецкие шпионы.

Выручал подножный корм. Если идем по просянному полю, то едим просяные кисти, разжует, молочко глотаем, а мякину выплевываем. Если идем по полю подсолнухов, то срезаем большие шляпы, и опять такая же процедура. А вот если попадалось кукурузное поле, значит, нам повезло. Срываем початки, которые покрепче, сразу едим с жадностью и пополняем вещмешки. Сначала едим с великим аппетитом, а потом как-то приедается одно и то же изо дня в день. Эти початки при возможности варим в котелках – уже лучше, можно хорошо поесть, жарим их на кострах - тоже хорошо, вкусно и опять сыты на несколько дней. Вообще, кукуруза была, можно сказать, хорошим полевым питанием. Кто ее варил, кто жарил, кто так ел, сырую.

Немцы шли по пятам, не успевали отрываться. Однажды потребовалось быстро выставить преграду, чтобы предотвратить прорыв и быстрое немецкое продвижение, т.е. задержать на какое-то время. Наш заслон продержался один день. На второй день немцы сломали его, а на третий день нас догнал один наш кадровый сержант, он в заслоне был помощником командира взвода. Вот что он рассказал: «Немцы свезли всех раненых в коровник. Сельских женщин заставили принести свежей соломы и постелить во дворе, чтобы раненых уложить

Отступление.

на сухую солому, а не на навоз. Все увидели, что немцы хотят с ранеными обойтись по-человечески. Когда подвоз раненых закончился, неходячих положили поплотнее друг к другу, а ходячих сосредоточили в одном конце двора. Потом заперли все ворота и двери, коровник сна-

ружи облили бензином и зажгли. Напротив ворот стояли мотоциклисты с пулеметами и автомашины. Кто пытался выскочить, был тут же застрелен. Я вывалился в окно на другую сторону в бурьян. По мне стали стрелять, и кто вывалился из окна в бурьян, все лежали не шевелясь. Немцы увидели, что бурьян не шевелится, стрелять перестали. А когда коровник разгорелся, и стало вблизи него жарко, то кто жив был, стали отползать потихоньку». В живых осталось несколько человек от нашего заслона.

Мы все отступаем, все бежим собачьей рысью, тогда как немцы за нами гонятся на танках и машинах. Стали встречаться противотанковые рвы и стрелковые траншеи. Их рыло местное население, в основном женщины и подростки вручную, без какой-либо техники. Мы часто занимали такие траншеи, готовясь к отражению противника. Как-то прошли село и видим впереди речку, а за ней большая долина. Село стояло на высоком берегу, а к речке было прокопано вроде большой и глубокой траншеи, чтобы можно было нормально переехать по мосту. Перед речкой глубина этой траншеи – спуска была метров пять или шесть. Немцы с левой стороны села высадили десант с легкими танками. Мостов через речку в том месте нет, так говорили жители села. Значит, десант с танками пойдет за нами и завяжется бой.

Командир взвода, лейтенант Галушко, говорит: «Смирнов, бери десять ребят из своего отделения, которые попроворнее, и находитесь наверху этой траншеи. Как услышите шум моторов, мгновенно спускайтесь и сделайте заграждение танкам вот этими «ежами»». «Ежи» стояли внизу под откосами по обе стороны дороги. Сначала тренировались. По команде «Танки» мы сверху этих откосов пулей слетали вниз кто как: кто на заднице, кто на спине, кто на боку и за несколько секунд уже катили «ежи» на проезжую часть дороги. После установки их мы должны так же быстро подняться наверх и оттуда, сверху, забросать эти танки связками гранат, у нас у всех были по две связки. Да, задача не из легких. Ведь на танках – то обязательно будут автоматчики. Нам с горы видно, как за речкой полк наш принял боевой порядок. Пошли томительные минуты ожидания, сердце стучит, готово выскочить из груди. От сильного напряжения стало казаться, что где-то приближаются танки. Проверяем сами себя, в самом деле, идут или это нам кажется? Пришли к выводу, что это нам кажется, и нервозность стала проходить. Видим, командир взвода сигналил нам отбой. Мы все глубоко вздохнули и сказали: «Слава богу, пронесло». Оказалось, что десант ушел вверх по речке, видимо, он был малочисленный и с полком ввязываться в бой не стал, или у него была другая задача.

В Старобельске мы задержались на неделю, разместились по квартирам, потому что по ночам стало прохладно. Я и еще трое солдат попали к железнодорожнику. Дом новый, еще не обжитой и не обставлен, его только-только начали обживать. Хозяина в армию не брали, у него была бронь. Хозяева были люди очень хорошие, простые, и мы чувствовали себя очень свободно. Здесь, в Старобельске, ходили стрелять из винтовки и из ручного пулемета. Мне и еще одному солдату перед строем роты политрук пожал руки и объявил благодарности за отличную стрельбу. Лейтенант Галушко спрашивает меня, где научился так здорово стрелять, я говорю ему, что с четырнадцати лет занимался охотой.

Пошли дальше. Узнаем, что идем в направлении города и станции Валуйки. Идем проселочными дорогами. Видим, идет звено пикирующих бомбардировщиков, сделали круг над нами и со второго захода начали нырять – пикировать, бомбить роту. Лошади смертельно ржут и ревут, остатки телег с колесами летят под облака, колеса почему-то не разлетаются, а летят целиком. Здесь досталось всем, в том числе и мне, прилетел небольшой осколок от бомбы, угодил в середину бедра. Видимо, он уже потерял первоначальную скорость и потому до кости не достал, остановился в мякоти. Сгоряча я прошел до привала и там потерял сознание. Прихожу в себя и вижу, что на поле я один, больше нет никого. У меня хлынули слезы: почему они меня оставили!? Что же теперь делать?

Первая мысль, что как-то надо добираться до села, близко ли, далеко ли оно - я не знаю и не представляю. Встал и пробую шагать, нога болит, повязка сползает вниз, кровь по ноге стекает к завязке кальсон и там сгущается, как студень. Да, а идти-то надо. Отошел, может, с километр, и больше идти не могу. На ногу приступить не могу. Пошел, опираясь на винтовку, прикладом вниз. Сколько так шел не знаю, но и так стало невмоготу. Теперь стал опираться стволом в землю, но стало не по себе. А вдруг появится немецкий мотоциклист-разведчик, а у меня оборониться нечем, ведь когда ствол забит землей, то сколько забито, столько и оторвет. Страшно стало. Очистил конец ствола от земли, завязал его тряпкой, оторванной от портянки, и пополз на четвереньках. Полз долго, пока локти и колени не содрал до крови, до обнаженного тела. Чувствую, силы стали меня покидать. Вижу, недалеко лес. На душе стало немного полегче. Собираю все свое терпение и силы и доползаю до леса. Это была молодая дубрава, стал разговаривать с дубками, спрашивая, далеко ли до села, но дубки молчали.

Локти и колени в крови, и дотронуться нельзя. А теперь что? Как же до села добраться? Принимаю решение катиться катом, все же движе-

ние вперед, в лесу трава и старый лист, мягко. Винтовку берегу, думаю, что во всяком случае смогу себя защитить, ведь я стреляю без промаха. Катился я по лесу не очень долго и вдруг слышу собачий лай и пение петухов. Ну, думаю, теперь и село недалеко.

Как только добрался до изгороди, закричал. Первыми прибежали ребяташки, потом пришли женщины, взяли меня под руки и повели через огород в хату. Сняли сапоги, разрезали низ брюк с кальсонами и очистили ноги от сгустков крови, обмыли рану, завязали и собирались меня накормить. А тем временем одна женщина убежала хлопотать насчет подводы. Я не успел опомниться, как подъезжает седой дед на лошади. Сажает меня в телегу, дед говорит: «Мы их сейчас догоним, они еще не далеко ушли». Когда сажали меня в телегу, женщины принесли молока, сметаны, вареников, каравай домашнего белого хлеба и даже меду. У многих женщин текли слезы, они говорили: «Вот и наши сыночки где-нибудь так же мучаются».

В центре села больница, дед подвез меня к ней и врач, молодая женщина лет 30-ти, очень симпатичная, стала меня спрашивать, где и как это случилось? Я ей рассказал, и у нее не проходило удивление, как я мог в таком виде добраться до села. Врач сделала мне в первую очередь укол от столбняка, обработала рану, заклеила, говоря, что так будет лучше.

Мы догнали своих, когда они были на привале. Дед подвез меня к моему взводу, и я не удержался, закричал, спрашивая, почему они меня оставили. Я от всей души поблагодарил деда за его услугу, и тот поехал обратно. Командир взвода лейтенант Галушко говорит мне: «Мы все посмотрели на тебя и подумали, что ты умер, а транспорта нет никакого, вот так и оставили, вроде как покойника». Решили посадить меня на полковые машины в качестве начальника караула машин, которые везут продовольствие. Меня посадили на ЗИС – 5, где шофером был Иван Фокин. Дали мне пять солдат и сказали, что это мои караульные, а я отвечаю за сохранность машин и продовольствия на них. Помню, один солдат, уже в годах, говорит мне: «Товарищ сержант, я был большим человеком, вот посмотри мое удостоверение личности». Я читаю, что Петрашкевич является членом Киевской государственной Думы.

Питаться мы стали самостоятельно. Начальником продовольствия был жадный еврей Фридман. Он нам отпускал концентратов по норме, но мы старались сварить побольше. Иван Фокин говорил: «Надо есть посытнее, а за концентраты Фридман отчитается, вы не беспокойтесь». Мне очень нравилась каша из брикетов, на них было написано «каша гречневая с жиром». Как-то я съел сразу два круглых котелка этой каши, четыре литра. Я эту кашу вспоминаю всю жизнь.

Но недолго я ехал. Когда рана перестала кровоточить, поставили меня в строй, а на машину посадили другого доходягу. И мы идем. Стали нормально получать обеды. Шли постоянно по проселочным дорогам, в течение дня меня маршрут, потому что всю дорогу с нами шли немецкие шпионы. Много их разоблачали, а они не переводились. Проходим возле сел, перед которыми прокопаны стрелковые траншеи и противотанковые рвы. Да, бедные женщины, сколько земли перелопатили. А немцы в своих листовках писали: «Девочки и дамочки, не копайте ямки! Как приедут наши танки, закопают ваши ямки». Конечно, противотанковые рвы задерживали быстрое продвижение танков противника.

Подходим к станции Кантемировка. Оттуда хотели проехать по железной дороге, но не получилось, и опять идем пешком. Теперь курс на Богучар. Этот небольшой городок стоит на возвышенности за Доном, при подходе к нему большое ровное плато. Смотрим, из соседней роты побежал вперед солдат, а старшина роты из ППШ очередь выпустил в спину бежавшему. Солдат упал замертво. Тут сразу остановили полк, всех подвели к убитому и начали говорить, что раз он побежал в город, то, видимо, связан с немецкой разведкой. После этой «панихиды» полк ушел, а тело оставили на месте. Позднее выяснилось - этот солдат просился побежать вперед, чтобы хоть минут десять побыть со своей семьей. Он тут родился и жил, тут живет его семья. Но его не поняли и убили свои, в тылу, почти дома. Старшину возненавидели все, даже командиры полка.

Город прошли с ходу без остановки. Идем над рекой Дон. Интересно: тянутся сплошные меловые горы. Идем не по земле, а по мелу. Он на ноги липнет, как глина, и идти становится тяжело. Спрашиваем командиров, долго ли еще такое будет, они говорят, что целый день будем идти по такой местности. А шли мы не по дороге, а по целому «лугу» меловому, только травы на этом лугу нет. Подходим к станции Вёшенская. Видим, слева по ходу дом писателя Шолохова. Дом большой, крыша четырехскатная, крытая железом. Стоит на возвышенном месте и потому хорошо виден. Подошли к переправе, паромщик говорит, что Шолохов позавчера уехал в эвакуацию. Переправились через Дон на пароме.

Мы идем все дальше, но такие огромные села, как станицы Петропавловская и Березовская, больше не встречаются. Или вот было село на Харьковщине, в нем две церкви, значит, два прихода. Сказали, привал будет, когда пройдем село, а мы все идем и идем, кажется, этому селу и конца нет. Встречается дед, который едет на двух быках, запряженных в огромную арбу, видимо, для перевозки соломы. Спрашиваем деда:

«Сколько километров ваше село?», а он отвечает: «Десять с гаком». У нас уже ноги не шагают, устали, а этот гак никак не может закончиться.

А мы все идем и идем. Теперь уже по земле Сталинградской области. Вот река Хопер, идем над ней, с другой стороны - меловые горы. Пришли в населенный пункт Михайловка, станция Себряково. Здесь закончился мой пеший путь, который начался в Шепетовке. Здесь мы осели надолго, недели на две или три. Было уже прохладно, на дворе начало ноября, и потому мы были размещены по квартирам. В честь праздника 7 Ноября нам дали по 200 граммов белого хлеба. Здесь с меня сняли сапоги и дали обмотки - «сапоги» восемь раз вокруг ноги», сказали, что мне ходить некуда, еще рана не закрылась.

Однажды повели нас на поле пострелять. Оно было засеяно пшеницей, которая была уже убрана, на всем поле лежали кучки соломы, и лежало много коров. Когда подошли ближе, то ужаснулись - возле каждой кучки лежали по четыре и по пять коров, все они были мертвые, головы повернуты в стороны. Мы начали считать этих коров, не прошли и половины поля, а насчитали более восьмисот штук. У нас, особенно у сельских людей, защемило сердце. Скот гнали, не давая покормиться и отдохнуть, потому что немцы шли по пятам, из-за этого такой падеж. Если где на пути встречался хотя бы небольшой водоем, то там лежало столько вздувшихся овец, что просто ужас.

Гнали как-то большой гурт овец по Михайловке по улице, где были мы расквартированы. Солдаты из соседнего дома попросили у гуртоправа несколько штук, чтобы зарезать на мясо. Мясо в Михайловке на базаре тогда стоило 18 рублей килограмм, люди удивлялись такой дороговизне. Я продал свое одеяло и на эти деньги покупал мясо, чтобы хоть немного подкрепиться. Гуртоправ сказал: «Берите сколь вам надо». Солдаты загнали во двор пятнадцать штук и всех сразу освежевали. Об этом узнало начальство, и пошло-поехало. Командиром взвода у этих солдат был лейтенант азербайджанец, свежий выпускник пехотного училища. Его осудили военным трибуналом на пять лет, солдаты попали в дисбат, а мясо забрали на пищеблок полка. Вот так политруки блюли закон и армейский порядок. А то, что скота гибло тысячи голов, это было не в счет.

В тылу

В ДВАДЦАТЫХ числах октября до нас дошел слух, что немцы сбросили на Сталинград листовки, в которых было написано: «Пеките пироги и месите тесто, скоро прилетим, не найдете места». Да, так оно и случилось, был налет мощнейший, действительно разрушили долгорода.

Мы были от Сталинграда километрах в двухстах, это нам три дня ходу. Но мы туда не пошли, нас по железной дороге отправили на Урал.

В вагонах то и дело проводили политзанятия. Со мной постоянно беседовал Жадан, у него на зеленых петлицах был один ромб. А вообще, с ромбами было несколько человек, я так и не узнал, кто они - то ли пограничники, то ли интенданты. Жадану, видимо, я очень понравился. Он мне вбивает в голову о вероломстве Германии, а у меня в голове совсем другое: как меня оставили одного на поле, и если бы я не смог добраться до села, то не знаю, что бы со мной было. Эти люди с ромбами были вместе с нами, когда выезжали из Шепетовки, потом мы их не видели. Как погрузились в вагоны, так они опять с нами оказались.

Едем, колеса мерно постукивают на стыках рельс. Куда едем, нам не говорят. Привезли нас в райцентр Сакмара. Там для нас были сделаны землянки. Их делали в морозы, и земля на крыше тоже была мерзлая. Когда мы поселились, она начала оттаивать, и в землянке стало мокро, с потолка сильно капало. Землянки были большие в расчете на маршевую роту, то есть на 252 человека. Меня определили в роту резерва сержантского состава. Землянка такая же свежая, мерзлая. Спать ложились все на один бок вплотную, а сверху накрывались шинелями, к утру они намокали от капель с потолка. Когда земля на потолке стала подсыхать, капель стало меньше, потом они совсем прекратились. Спали мы плотно, если бок, на котором лежали, устал и надо лечь на другой бок, будят всех и тогда все поворачиваются на другой бок. Если захотел выйти, то опять лечь - целая проблема, потому что лежащий живой пласт людей, подобно резине, сдвинулся вплотную, и очень трудно втиснуться на свое место.

Потом сержантскую роту резерва перевели в какое-то большое жилое помещение. Здесь сухо и не капает, и спать свободнее. Однажды утром всю роту сержантского состава выстраивают на плацу в две шеренги. Я смотрю и глазам не верю, перед нами находится Гаевский. Тот самый, которого в Сосиновке хотели расстрелять всей ротой. Он меня признал, подошел и говорит: «О, старый знакомый, как доехали?» и т.д. Из сержантов из Сосиновки был я один, остальные были из других мест. Оказалось, что и Войтекунас тоже здесь. Также комбатом и ездит на том же коне.

Морозы с 1941 на 1942 год были жесточайшие. Чтобы утром умыться, надо было вечером набить снегом котелок, за ночь снег растает, умываться выходили без рубашек. Бывало, из кружки плеснешь вверх, а на снег падает уже ледяшка. Как-то раз пошел я за ужином, был сильный, порывистый ветер, и как такой порыв дунул, я на ногах не устоял, на-

силу встал. В дальнейшем в подобном положении я становился боком, расставив ноги, чтобы не упасть. Вот такой я был худой, только арматура и шкура. Талия равнялась голове, опоясывался ремнем и ходил целый день.

В хозроту нужен был деревенский человек, умеющий обращаться с лошадью и запрягать ее. Нашли меня, потому что я на тактические занятия ходить не могу – рана не закрылась, и будет полезней находиться мне именно в хозроте. Дали мне вороную лошадь, и я стал ездовым, перевозил мелкие грузы внутри части и ездил даже по дрова. Моя рана не заживала, потому что я все время находился в движении, ковылял, как мог. В этой должности я пробыл недолго, подобрали рядового старшего возраста. А меня обратно в роту, в строй. Дня через два – три меня отправляют во вновь формирующийся отдельный лыжный батальон для Ленинградского фронта. Комбат мне говорит: «Смирнов, иди, получай лыжи, пойдем на тактику». Я ему говорю, что не могу ходить на лыжах, потому что еще рана не закрылась. Он не верит и просит показать. Я спустил до колен брюки, отогнул повязку. Он меня отправил назад. Здесь я встретил шофера Фокина Ивана, который вез меня на ЗИС-5 после ранения. Мы поговорили, как старые друзья.

Вскоре отправили меня на должность старшины роты во вновь формирующийся запасной 365 стрелковый полк, который дислоцировался в селе Татарская Каргала в десяти километрах от Сакмары. Командир полка был уже немолодой мужчина высокого роста, руководитель какого-то предприятия по фамилии Репня. Он ходил пока без знаков различия. Заместителем командира полка по МТО был старший лейтенант Лукацкий, в основном я с ним имел дело. Рота только формировалась, и помещение под жилье занимали в каменном здании МТС, где устроили трехъярусные нары. Удивительно, что здесь все было построено из камня, даже заборы вокруг дома, потому что хвойного леса вблизи нет. Население села - одни татары, многие жители, особенно женщины, по-русски говорить не могут.

Я жил на квартире бывшего поручика царской армии, он по-русски говорил без акцента, а жена и дочь не могли по-русски и слова сказать. Морозы стояли за сорок, и чтобы в казарме было тепло, надо топить долго и много, хотя печка только одна, а дров нет. Тогда я повел роту в лес за дровами. Солдаты были еще не обмундированы, одеты были хорошо: кожаные сапоги, шерстяные носки, на них надеты мягкие катаные носки как валенки, меховой жилет и «чапан» (это вроде тулупа), штаны у многих меховые, шапки почти у всех лисьи. Они идут себе, переваливаясь, мороз нипочем, а я в ботиночках и байковых портянках все

время «танцевал», не останавливаясь ни на минуту. Кряжи рубили длинной в три топорща – они называются тройниками. Пока я показывал, кто, сколько должен взять, удивленно заметил, что ноги мои не мерзнут. А мороз за сорок. Когда все загрузились, пошли домой, а расстояние километров пять или шесть.

Когда стал на квартире разуваться, вижу, что мои байковые портянки примерзли к ногам, а ноги чуть ли не до половины ступни белые, они замерзли. Хозяин квартиры увидел мои ноги, что-то сказал по-своему дочке, та принесла полный таз снегу. Поставила возле меня, а хозяин мне говорит: «Ставь ноги в снег и сиди, пока не растает». Сижусь, снег начинает осаживаться, появляется вода. Вот теперь мои ноги начинают так тосковать, что хочется реветь, но надо терпеть. Когда снег растаял и в моих ногах стала появляться краснота, их можно из воды вынуть и дать обсохнуть. Страшное было зрелище, в течение минуты мои ноги были всех цветов радуги: то красные, как кровь, то желтые, то синие, то зеленые, то черные, жуть. Потом замороженные места стали на глазах опухать, стали толще, снизу появились трещины до костей вдоль пальцев, и из трещин пошла сукровица. Утром меня увезли в лазарет, где хирург сказал: «Скажи спасибо деду, а иначе я бы у тебя ноги отрезал». Вот так для меня закончилась зима 1941 – 1942 года. Всю жизнь мои ноги начинают зябнуть с августа, а теплыми они бывают уже под утро, когда согреются в постели, засыпаю с холодными ногами постоянно.

Весной 1942 года мы выехали в летние лагеря на реку Урал пониже Оренбурга. Рота в запасном полку была большая, 252 человека вместе с командиром. Это маршевая рота. Такая же рота проходит обучение и получает обмундирование. Как только маршевую роту отправляют, рота, проходившая обучение, принимает статус маршевой. И снова приходит пополнение, формируется новая рота, и так бесконечно.

Я занимался только комплектованием роты, то отправлял, то получал людей. Людей было много. И имущества тоже было много. Сталин издал приказ, по которому за целостность и сохранность имущества в роте отвечал только старшина. В лагере каптерок нет, все имущество лежит за ротной линейкой открыто. У меня было два помощника, один по хозяйственной части, другой по строевой.

Я оставляю дневальных с задачей охранять имущество, а комбат всех гонит на занятия. Гора имущества лежит без охраны, подходи и бери, что хочешь, никто не остановит. Мне стало страшно, ведь чуть не каждый день зачитывают решения трибунала на старшин за недостачу имущества. Судили строго. За 4-5 простыней и 8-10 наволочек старшина получал пять лет, а если недостача больше, то вышка обеспечена.

Недостача образовывалась потому, что солдаты ужасно воровали и продавали вещи за хлеб, молоко, табак. стакан табака-самосада стоил сто пятнадцать рублей. Однажды я иду по селу Каргала, вижу, как наши солдаты доят корову. Вечером проверяем имущество и обнаруживаем пропажу. Докладываю командиру роты, а он докладывает комбату, да и я сам лично тоже часто докладывал комбату и комиссару о пропажах, но они только пожимают плечами. Я им говорю: «Не надо прогонять дневальных», но это до них не доходит, ведь они ни за что материально не отвечают. Они отвечают только за подготовку и отправку маршевых рот, конечно, это самое главное.

Вот девятая рота ждет отправки на фронт, все ждут комбрига. Комбриг, пожилой полковник, вышел из машины и идет к роте. Я в это время становлюсь в строй на место первого помкомвзвода. Мой командир роты спрашивает меня: «Ты куда, старшина?» Я говорю: «На фронт». Командир роты пишет записку комбату, чтобы заменить меня, потому что не сдал ротное имущество. Командир, прочитав записку, посмотрел на меня, порвал бумажку сразу же, потому что я очень просил комбата и комиссара, чтобы они отправили меня на фронт. Я им говорил, как много всего разворовано, и погибать мне по решению трибунала за чужие грехи ужасно не хочется, а на передовой как Бог рассудит, так и будет.

Комбат и комиссар свое слово сдержали. Комбриг обходит строй и спрашивает: «Котелки, ложки, кружки у всех есть?». Солдаты отвечают, что есть. - «Иголки с нитками тоже у всех есть?» - «Да, есть». - «Тогда желаю вам доброго пути и после войны всем живыми и здоровыми вернуться домой». Оркестр заиграл марш, и мы пошли. Видим, состав порожняка стоит и ждет нас, а я оглядываюсь, не едут ли за мной, потому что старшину минроты вернули с пути, у него не хватало четырех простыней и шести наволочек. А у меня тоже недостача, и если бы меня вернули, то «вышка» была бы обеспечена, это знали комбат и комиссар, потому и просьба ротного осталась без ответа.

Едем воинским составом, колеса вагона мерно постукивают, кто дремлет под такой монотонный звук, кто лежит на нарах и думает свою думу, кто мурлычет себе под нос песню. Я сижу и осмысливаю то, как хорошо мне удалось избежать лап трибунала. За это я благодарю комбата и комиссара батальона, они знали, что я служу честно, и потому поддерживали. Едем по Мордовии.

Наконец - то прибыли на «место жительства», на станцию Мстера, километрах в десяти или двадцати от города Вязники Владимирской области. Здесь нашу роту развернули в батальон. Он стал называться третьим стрелковым батальоном 1075 стрелкового полка 316-ой стрел-

ковой дивизии. Эта дивизия первоначально была сформирована в Алма-Ате из казахов и узбеков, командиром дивизии был генерал И.В. Панфилов. Эта знаменитая дивизия сражалась на подступах к Москве и стояла насмерть на разъезде Дубосеково. От дивизии осталось в живых восемнадцать человек, но своих позиций немцам не сдали. Сейчас на месте их боев установлены железобетонные скульптуры солдат, каждая высотой 10 – 17 метров, их хорошо видно из вагонов поездов Москва – Рига, Москва – Ржев.

Наш 1075-й стрелковый полк стоял непосредственно на станции Мстера. Другие полки дивизии стояли в лесу неподалеку от станции. Каждый взвод нашей девятой роты стал основой для формирования других боевых рот, и девятой роты больше не существует, она ушла в историю войны. Здесь я пошел во взвод ПТР (противотанковых ружей). Старшиной у нас назначили старшего сержанта Якова Черного, украинца, здоровенного парня лет 35-40. Он был не из нашей девятой роты. Во взводе были русские, узбеки, казахи и украинцы. Я был первым номером расчета, обслуга ружья составляла два человека. Первые номера были обязательно сержанты. Потом получили мы эти противотанковые ружья, однозарядные – Дегтярева, и пятизарядные – Симонова, длина ружья два метра, а весят 16 килограммов Дегтярева и 22 килограмма - Симонова, носили их двое. Бывало, идем на полковые или дивизионные занятия, командир полка майор Завьялов дает команду: «Бронебойщики, в голову колонны!», и там мы были всегда.

Однажды, незадолго до отправки, были контрольные дивизионные учения, на которые приехал генерал К. К. Рокоссовский. Он инспектировал дивизию: готова ли она к боевым действиям. Один полк занял оборону на левом высоком берегу реки Клязьмы, а два полка наступали. Когда наш полк подходил на исходную позицию для наступления, с правой стороны, в небольшом лесочке, увидели легковую машину бежевого цвета, возле нее стоят командиры полков и батальонов, а выше всех, в каракулевой бурке, в фуражке бежевого цвета стоял сам Рокоссовский. Он спрашивает нашего комбата, младшего лейтенанта Петрова: «Карта у вас есть?», комбат отвечает: «Нет, товарищ генерал». Генерал его матом: «Какой же ты ... командир, вслепую ведешь людей!». Тут вступает в разговор наш командир полка майор Завьялов, объясняет Рокоссовскому, что карты получили не на всех. Дальнейшего разговора мы уже не слышали, потому что уже были на марше.

После этих учений прошло несколько дней, приехал из Москвы генерал небольшого роста, а также ткачи из Иванова, которые привезли изготовленное ими бархатное знамя дивизии. Вручение знамени было

торжественным. Генерал объявил, что впредь дивизия будет называться не Триста шестнадцатой, а Восьмой гвардейской имени генерала И.В. Панфилова. Наш комбат, младший лейтенант Петров был призван из гражданки с какой-то руководящей должности и потому через неделю ему присвоили лейтенанта. Командир полка майор Завьялов был фронтовик, имел два ранения – тяжелое и легкое и поэтому носил две нашивки, желтую и красную. Желтая означала тяжелое, а красная – легкое ранение.

Стали готовиться к отправке на фронт. Ходили на стрельбище для пристрелки ружей. Да, ружья бьют как снайперские винтовки. У нас был солдат Хорохорин, такой увалень, а стрелял безукоризненно, за 200 метров мог попасть в копейку, лишь бы было видно. Стреляли – пристреливали первые номера. Когда приходим в расположение части, первым делом надо почистить оружие. У меня в отделении был солдат – узбек Хамракулов, он курил чилим. Я ему говорю: «Хамракулов, почистите ружье», а он мне: «Моя стреляй нет, а моя чистить есть». Я ему говорю, что как приедем на фронт, то первый выстрел будет его. Ну, он успокоился. Свой чилим он оставлял под елью. Я однажды подшутил над ним, спрятал его чилим в другое место. Вот у него уж горя-то было. Я, видя, как он переживает, сказал ему, где его чилим. Сколько было радости!

Противотанковые рвы даже здесь, во Владимирской области, были вырыты, и когда надо было идти в баню в поселок, переходили эти рвы. Вокруг нас в лесу было много грибов лисичек. У нас эти грибы не признавали и звали собачьими. В нашем взводе был москвич Белов – конструктор, вот он доказал мне, что эти грибы съедобные. Он их варил и съедал каждый вечер по котелку. Тогда и я стал их пробовать. Как-то раз большой группой ходили мы в город Ковров, долго шли лесом, встречались тетерева, мне, как охотнику, это было очень приятно. Я с большим удовольствием и радостью любовался на них.

Сталинград

НАЧАЛАСЬ подготовка к отъезду. Помылись в бане, а на следующий день - на погрузку. Полк поехал тремя эшелонами. Каждый эшелон занимали один батальон и какие-то приданные ему средства. Я был в третьем батальоне, мы и поехали третьим эшелоном. Первый батальон прошел без бомбежек до самого Камышина. Второй батальон на станции Поворино в Воронежской области страшно потрепали, несколько вагонов разнесло от прямого попадания. Солдаты выскакивали из остальных вагонов, ничего не захватив с собой, да и не до этого было, когда смерть висит над головой. Из вагонов разбомбленных хоронить

было некого, а в каждом вагоне было по шестьдесят человек. Остальные вагоны начали гореть. В эшелоне было восемьдесят лошадей, и только один жеребец спасся, он вышиб заградительную доску и выскочил из уже горящего вагона, все остальные 79 лошадей сгорели. В этой бомбежке были убиты командир и комиссар батальона, погорело все оружие батальона.

Когда мы подъехали, картина была жуткая. Всех живых солдат разместили в нашем эшелоне. Убитых захоронили до нашего приезда. В общем, батальон стал как после боя. На станции рядом стояли еще три эшелона с боеприпасами. Начальник станции, видя такое положение, наш состав вывел за пределы станции. И только мы отъехали, как видим, идет строй «Хенкелей» прямо на станцию, и началось светопреобразование. Для страховки вагоны в нашем эшелоне опустели мгновенно, и никто не заходил, пока не улетели самолеты. Когда все утряслось, мы двинулись в путь и ехали при открытых дверях, не отрывая глаз от неба.

Приехали в город Камышин, стали высаживаться из вагонов. Мы увидели, что впереди нас не железная дорога, а сплошная нитка вагонов, которая тянется до самого Сталинграда на всех 180 километрах, потому что эшелоны только пришли, а обратно уйти не было возможности, фронт требовал каждую минуту людей, патронов, снарядов, продовольствия и т.д. Пошли пешком на место сосредоточения дивизии, за два дня протопали 160 километров и один раз поели, съели паек НЗ (неприкосновенный запас) - три сухаря и банку 200 гр. рыбных консервов в томатном соусе.

Первый день прошли более-менее сходно. На второй день стали растягиваться, появились отстающие, я тоже не выдержал такого темпа и стал отставать. Наш замкомбат говорит мне: «Смирнов, ты собирай всех отстающих с нашего батальона, и идите, только сзади себя уже никого не оставляйте, а я постараюсь добыть машину и за вами подскочу». Меня подводила раненая нога. Мы делаем привалы, и вот на одном привале видим, едет на коне верхом наш комиссар полка и спрашивает: «С какого батальона, кто старший?». Я отвечаю, что я старший, сержант Смирнов. Он расстегивает кобуру, вынимает парабеллум и говорит: «Я тебя сейчас застрелю, как собаку, тогда все остальные пойдут быстрее и догонят часть». Вижу, этот дурак может так и сделать, говорю: «Мне приказал наш замкомбат, чтобы я собирал всех отстающих, а он пришлет машину за нами». Смотрю, наш бронебойщик Гусев закладывает патрон в патронник ружья. Комиссар это тоже видит, свой парабеллум кладет в кобуру и говорит: «Больше не растягивайтесь», чмокнул на коня

и поехал. Гусев говорит: «Я бы его из ПТРа размазал раньше, чем бы он поднял руку с пистолетом». Видимо, комиссар это понял и остыл.

В первый день пути было жарко, и, переходя по мосту через речку, я говорю командиру взвода лейтенанту Воробьеву, что быстро сбегая на речку и напьюсь. Выбрал место, где можно лечь, только нагнулся к воде, вижу: сверху по течению плывет черная змея, я пропустил ее и потом стал пить. Живую змею я видел впервые в жизни и внимательно старался ее разглядеть. Прибежал в строй и рассказал увиденное. Мне говорят, что это плохой знак, что-нибудь будет ужасно нехорошее.

Замкомбата перехватил где-то машину и прокатил нас до основной колонны. Справа были хорошо слышны автоматные очереди, там шли бои. К вечеру пришли в балку на место сосредоточения дивизии. Первым делом надо окопаться, стали рыть окопы «стоячие». Над нами стала кружиться «рама», она корректировала огонь дальнбойной артиллерии. Снаряды стали ложиться в нашем расположении. Комбат кричит: «Смирнов, сбейте этого стервятника!». Я вспомнил об обещании Хамракулову. Подошел к окопу и говорю: «А ну, дай жару этой «раме». Он берет ружье и ставит сошки на бруствер окопа, который был вырыт в полный рост. Я ему говорю, что надо сделать, чтобы стрелять, он прицеливается и выстреливает. Гляжу, мой Хамракулов лежит на дне окопа и плюется. Оказалось, при выстреле ружье на сошках подпрыгнуло, и песок от сошек прилетел ему в лицо, засыпал весь рот и глаза. Я кричу: «Хамракулов, смотри, она уже накренилась, давай еще один патрон!». А он не может проплеваться и протереть глаза. По «раме» стреляли и другие ружья, и все видели, как на ее бронированном брюхе мелькали огоньки. Но она улетела и больше не появлялась.

Поздно вечером привезли ужин в походной кухне. Повар проворно работает своим черпаком и кладет в котелки какую-то массу. Смотрим, а это ржаная мамалыга из непросеянной муки, заправленная комбижиром. Запах из котелка отвратительный. Но, как говорят, «голод не тетка», кто съел половину, кто все. На второй день привезли мамалыгу из пшеничной муки, это уже совсем другое дело. Утром нужно выходить на позицию, и на завтрак привезли чечевицу. Ну это уже как праздник. На исходную пришли вечером и с ходу нужно окопаться в щели. Земля – окаменевший песчаник, лопата не берет, нужно сначала или ломиком, или мотыгой, а уж потом лопатой, когда рубишь то искры летят, вот это земля называется! Смотришь, поле зеленое, а лошади поесть нечего, травы нет, одна полынь, да какой - то резак колючий, осотник что ли.

За десять километров до исходной позиции начинается трупный запах, а когда пришли на исходную, то совсем дышать трудно, такой насы-

щенный трупный запах в воздухе. Это остро ощущается в первый день, а потом уже к нему привыкаешь, вроде его и нет. Нам, бронбойщикам, была поставлена задача оседлать дорогу и не пропускать танки. Естественно, мы окопались возле дороги. Я раньше удивлялся, когда кто-то говорил: «Я из тебя блин сделаю», как это из человека можно сделать блин? Утром на дороге я увидел человеческие блины, только по одежде можно было определить, наш или немец. У наших одежда цвета «хаки», а у немцев - цвет «мышиный». Да, вижу, лежит человек толщиной в палец – настоящий блин, значит, на войне поговорка правильная, потому что такие блины делают только танки.

Сталинград

Наша артиллерия стала гореть, как кучи соломы. Десант, кто успел, соскочил с брони, а кто замешкался и не успел, тот свалился, как жареный воробей, потому что у немцев крупнокалиберные зенитки находились на прямой наводке: идут танки – бьют по танкам, летят самолеты – бьют по самолетам.

Немецкие истребители летают на брюющем полете, на высоте три-

Передают по цепи, что в шесть часов утра в наступление. Осматриваем впереди местность, куда пойдем днем. Справа железная дорога, над ней кустарниковые посадки, если поперек идти - небольшая низина. Командир полка со своим штабом и комбатом вышли на рекогносцировку местности. Немцы открыли упреждающий артиллерийский и минометный огонь. Командиру полка минометный осколок распорол ягодицу, комиссару полка осколком мины срезало череп по уши, другие легкими ранениями отделались.

Началась наша артподготовка, в шесть ноль-ноль идут двадцать два танка с десантом, и мы пошли за танками. Как только танки пришли на первую линию немцев, картина измени-

четыре метра, даже страшно идти, того гляди, что голову сорвет. Когда наши дали приказ по немецким самолетам стрелять из всех видов оружия и один старшина сбил самолет противотанковой гранатой, тогда фрицы бросили свою наглость и стали летать выше. Первые дни наступления успеха не было. Немцы занимали доминирующую возвышенность и открывали шквальный огонь по нашим наступающим цепям. Наши части несли огромные потери, а успеха - ноль.

Как-то в середине дня видим, идут к нам пять наших танков, остановились на наших позициях и одновременно у всех открылись башенные люки. Из башен показались головы, потом эти танки закрыли люки, развернулись и уехали назад. Узнаем, что это приезжал Г.К. Жуков посмотреть на местность, узнать, почему потерь много, а успеха нет.

Вечером того же дня едут машины, груженные какими-то ящиками, в одном конце дыра диаметром сантиметров сорок, с другого конца дыра поменьше. В этих ящиках лежат головастики длиной один метр восемьдесят сантиметров - металлический шар со стержнем, сходящим к концу на конус со стабилизатором. Мы спрашиваем шоферов: «Что это такое?». Они говорят: «Завтра утром узнаете». Смотрим, эти ящики устанавливают под углом в сторону противника и подпирают их двумя рейками. Их расставляли на наших позициях в два ряда - шеренги, метров десять друг от друга, и эти ряды были длинные, не сосчитать. Когда все машины уехали, смотрим, только у нас целых 36 «катюш», стоящих рядами между этих чудо - ящиков. Эти чудо-ящики называли кто «Ванюша», кто «Андрюша», ночью крутилось столько машин и нельзя было разглядеть, что за машины или что привезли. Когда стало рассветать, нам сказали, что в шесть часов утра пойдем в наступление, нас поддерживать будут 24 танка с танковым десантом. Немцы, увидев на рассвете такую армаду, часов в пять утра открыли артиллерийский огонь, когда артогонь прекратился, повисли в воздухе самолеты. Одна небольшая бомба попала в «катюшу», но направляющие рельсы только немного выгнуло, а снаряды были уже выстрелены, и машина ушла в тыл своим ходом.

Вот и шесть часов. Первыми открыли огонь «катюши», и пошли огненные снаряды на позиции фашистов. Мы говорили, это подарки от «Катюш». Когда «Катюши» уехали, стали подниматься «Андрюши». Снаряд далеко и долго видно, он медленно набирает скорость и высоту. Мы представляем, что творилось у фрицев. «Катюши» били только термитными, а «Андрюши» с определенной высоты падали отвесно, разбивая блиндажи и другие сооружения. День начинался ясный, солнечный, а к полудню стало темно, как ночью, неба не было видно.

Когда канонада затихла, видим, идут приданные нам 24 танка, и мы пошли в наступление. Пришли на переднюю линию противника, видим, все обгорело, и немцы лежат обгорелые. Но дальше второй линии немцы нас не пустили, открыли очень плотный огонь, пришлось залечь. Над нашими войсками кружили сотни самолетов. В перерывах авианалетов били немецкие «Ванюши», так немцы называли свои шестиствольные минометы, мне пришлось побыть под огнем этих минометов, тоже штука противная. Немцы в своих листовках писали, что их «Ванюша» е... нашу «Катюшу». Но наша «Катюша» превосходила их «Ванюшу» по всем параметрам, и немцы зря хвастали, это знал каждый наш солдат.

В этом месте боевых действий практически не было квадратного метра земли, где бы не разорвались мина, бомба и снаряд. Земля горела, а человек выживал. На участке полтора километра по фронту, где шел прорыв с немецкой стороны, совершалось полторы тысячи самолетовылетов за день. Сидишь в окопе и ждешь прямого попадания. Людей было набито столько, что станковый пулемет «Максим» нельзя было катить, не откатив трупы. Танки шли по трупам, потому что не было просветов на ширину танка. Когда шли в наступление, я увидел, как фугасная небольшая бомба пришила к земле солдата, из спины торчал стабилизатор, а солдат распростертыми руками вцепился в землю.

На поле боя множество раненых, кто ревет, кто кричит. Но такого жалобного рева, какой издавала молодая пегая кобылица, я там не слышал. На этой пеганке подвезли боеприпасы, а немцы открыли сильный минометный огонь, и кобылице перерубило обе передние ноги в коленях. Она хочет встать, а ног нет, хлестнется и так жалобно заревет, что находящиеся поблизости раненые солдаты кричат: «Добейте ее, невозможно умереть, чтобы не зареветь». Они и сами в тяжелом положении, но ни один солдат не был равнодушным. Потом подошел офицер и из пистолета пристрелил ее. Мне до самой смерти не забыть эту пегую кобылицу...

При переходе дороги пуля ударила мне в край чашечки левого колена так здорово, что нога подскочила вверх, а я крикнул: «Ранило!». Стал осматривать колено - ничего нет, кричу: «Не ранило, пуля только задела касательно!». Только сделал два шага, как нога подломилась под меня. Вот теперь меня ранило. Вижу, кровь с напором льется ручьем в обе стороны, постепенно напор ослабевает, и пошла белая густая жидкость, как сметана. У меня стало темнеть в глазах. Пуля прошла через голеностопный сустав, пробив артерию, от того и напор крови был сильный, а белая жидкость - это жидкость сустава. У меня в глазах все темнее и темнее.

Смотрю, идут в наступление танки второго или третьего эшелона (а я был в первом эшелоне). Танки идут прямо по трупам, думаю, чтобы мне не угодить под гусеницу, отползу в ближайшую щель. Один танк остановился в двух или трех метрах от меня, самолеты стали его бомбить, и одна бомба упала где-то совсем рядом впереди. Меня завалило землей, наверное, тут бы и остался, если бы не вытащили меня из завала командир полка с врачом первого гвардейского полка, которые шли в наступление мимо меня. У меня уже не было силы смахнуть с лица землю и протереть глаза.

От близкого разрыва мощной бомбы я получил контузию. А сил больше нет. Не могу даже руки поднять. Здесь врач сделал мне настоящую перевязку. Ехала мимо порожняя машина после разгрузки боеприпасов, меня бросили в кузов. В последнюю ночь перед наступлением каждый солдат загадывает сон, что с ним будет в наступлении, хотя спать приходилось по часу по очереди. Я, кажется, еще не заснул и вижу: иду я по пшеничному полю, день солнечный, теплый, колосья большие, спелые, а вся пшеница стоит высокая, по пояс, чистая, без сорняков, я ею любовался, беря колосья в руки. Что бы еще могло присниться, не знаю, но начались разрывы снарядов и сну конец.

Когда наступали, немцы очень часто, по несколько раз в день, бросали листовки. Как летит «хенкель» вдоль линии фронта, значит агитатор с листовками. Сколько их было на разные темы. Были целые брошюры, например, как Гитлера встречают жители Бобруйска: на первом листке Гитлер по пояс, на втором рассказывается о том, что Адольф Гитлер – вождь немецкого народа, который своей могучей рукой избавил немецкий народ от жидовского ига, а потом - как жители города встречают его хлебом - солью, как он знакомится с мебельным комбинатом и т.д. Как-то видим, колеблются в воздухе брошюры больно красочные. Когда упали на землю, смотрим, на первой странице в красочной маршальской форме маршал Тимошенко. Внизу надпись: «Безграмотный маршал Тимошенко». На второй странице написано: «Солдаты! Спросите своего безграмотного маршала, где его семидесятипятидесятитысячная армия? Она вся в плену под Лозовой. Она попала в окружение, и армию пленили, а маршал вылетел на самолете. По терминологии Сталина, они все оказались врагами народа. Хотя в это, кроме Сталина, никто никогда не верил. Самую первую листовку я читал в 1941 году, когда переправлялись на левый берег Днепра, в ней было напечатано всего четыре слова очень крупным шрифтом: «Бей жидов, спасай Россию!».

На восток

СГРУЗИЛИ меня в каком-то эвакуогоспитале, который размещался в коровнике. Понятно, навоза там не было, а была постелена солома. Погода теплая, солнечная, и раненых держали во дворе. Я переночевал здесь одну ночь. А утром стали возить нас на пароход. Когда подъехали к пароходу, вижу, его название «Механик». Вот это да! Этот пароход по весне ходил по нашей Унже и делал остановку у нас в с. Ильинское. Я разместился на второй палубе. «Механик» вез нас по Волге целую неделю до Ульяновска. В Ульяновске я пролежал недели две, а потом увезли в районный центр Кошки Куйбышевской области, там райбольница была госпиталем. При выписке я стал одеваться в коридоре. Помогавшие мне больные развернули шинель и насчитали в ней восемнадцать дырок от осколков, местами была прилипшая кровь.

Из госпиталя Кошки до станции пошли пешком. Я шел с великим трудом, таких, как я, отправляли в батальон выздоравливающих в город Мелекесс Ульяновской области. Выписывали недолеченных, потому что места в госпиталях нужны для свежераненных. Тяжелораненных увозили на Урал и в Сибирь. В Мелекессе батальон выздоравливающих располагался в больничных помещениях, там устроили двойные нары. Здесь я приглянулся старшему сержанту Кравцу Федору Давыдовичу, моему однокласснику, и он меня «изнасиловал» - затянул в комсомол, а я так не хотел в него вступать.

Через несколько дней пришли «покупатели» и отобрали тридцать шесть человек во второй учебный батальон 47-го запасного стрелкового полка пятой запасной стрелковой бригады. Батальон размещался в землянках рядом с больницей и батальоном выздоравливающих. Я попал в первую пулеметную роту командиром отделения в звании старшего сержанта. С петлиц, на которых были четыре треугольника старшины, я снял один треугольник и стал старшим сержантом. Избавь Господь от должности старшины, я был в ней так напуган.

Второй учебный батальон вскоре из землянок перевели в бывший Дом колхозника на улицу Куйбышева. Дом двухэтажный, кирпичный, теплый, двор хороший, часть его под навесом, на улице возле дома конюшня. Служба идет хорошо, но я еще не могу ходить строевым шагом. У меня была хорошая красивая фигура, поэтому и красивый строевой шаг. Курсанты со всего взвода подходили ко мне и просили проверить их строевую выправку и шаг. После трех месяцев из тридцати шести человек осталось шестеро, остальных отправили в маршевые роты из-за непригодности их учить людей. Нам же, оставшимся, сказали: «Вы будете здесь до окончания войны, вы как раз то, что сейчас здесь нужно».

Здесь у меня были два друга, Федор Кравец из Кировоградской области и Коля Солодухин из Воронежской. Коля, тоже старший сержант, был старше меня на три года. Мы одинаково были ранены и одинаково хромали. Однажды Николай мне говорит: «Павел, пойдём со мной, я тебя познакомлю с племянницей моей знакомой», звали его знакомую Глафирой, а ее племянницу Аней. После нескольких встреч Глафира мне говорит: «Павел, женись на Ане, а я тебе подарю эту гармонию». Я, кстати, всегда играл на этой гармонии, когда приходили с Николаем. Да, эта гармония - сказка, жемчугом было выписано ее название «Танго», она штучного изготовления. Конечно, подарок дорогой, но жениться из-за гармонии я не думал, если по-серьезному, а на обман я никогда не шел. Мне стало жалко обижать Аню.

Глафира была женщина рассудительная, когда мы приходили, она нам с Николаем всегда нальет по чайному стакану спирта, а когда Николай начнет приставать, чтобы она налила еще стакан, она говорила: «Нет, Коля, ведь ты и завтра захочешь выпить», и никогда больше одного стакана ему не давала. Мне тоже перепало, потому что Глафира очень хотела связать меня с Аней. В праздники мы ходили с Николаем по улицам поселка с подвыпившей компанией с песнями, я играл на гармонии, мы чувствовали себя как на гражданке.

Конечно, была у меня девушка, я ей даже жениться предлагал, но она не соглашалась, говорила, что идет такая жестокая война, а ты с женитьбой носишься. Конечно, она, Нюся Глухарева, по-своему была права. После окончания войны она написала, что вот теперь можно и жениться. Но я ответил: «Раз ты боялась, что меня может фронт покалечить, то сейчас я тебя не возьму». Тогда она вышла за другого, а я женился на другой, о чем всю свою жизнь жалею. Я, конечно, поступил глупо, и у Нюси жизнь тоже не хорошо сложилась. Вот так, ошибка молодости стала горькой на всю жизнь.

Зимой 1943 года 10 младших командиров из нашего 47 запасного стрелкового полка, в том числе меня, командировали в город Ульяновск. Остановились мы в Доме приезжих, встретили нас незнакомые офицеры. Представитель облвоенкомата объяснил нам, что райвоенкоматы области ведут работу по призыву в армию молодежи призывного возраста. Из районов стали поступать новобранцы, меня назначили старшиной эшелона. Стали формировать вагоны. Начальником эшелона был капитан Завгороднев, человек немолодой. Произвели погрузку и поехали. В середине эшелона были три вагона с продуктами, я с каптенармусом сержантом Абрамовым ехал в одном из них. Он был старше меня года на 4-5. В продуктовых вагонах были погружены концентраты в брикетах:

каши гречневая, пшенная, перловая и пюре гороховое, селедка и сахар кусковой, сухари в бумажных мешках, был еще вагон златоустовского хлеба. В Новосибирске был заказан обед на весь эшелон.

В каждом вагоне был один сержант, а в «пультмановских вагонах» - два. Сержанты увлеклись пьянкой с новобранцами и свои обязанности не исполняли, а разнузданные новобранцы почувствовали вольность, на остановках занимались мародерством. На предстанционных базарчиках стали грабить, забирать то, что принесли на продажу: огурцы, молоко, сметану, вареную картошку, творог и другие продукты. Начальник эшелона капитан Завгородцев говорит: «Старшина, иди в первый вагон и наведи там порядок. Сержантов отправь в изоляторный вагон. Если же мародеры не уймутся, то, согласно приказу Сталина, из зачинщиков и главарей выбери самого главного мародера и расстреляй перед строем эшелона».

Сержантов я отправил в изоляторный вагон и начал наводить в вагоне порядок. Вижу, один паренек лежит на нижних нарах и плачет, оказалось, один мародер его сбросил со своего места. Я схватил того за ноги и со всей силой потянул его так, что он хлестнулся на пол, как плаха, а когда встал, то я ему еще прилепил оплеуху, и он оказался на полу. После этого я объявил, чем вызвано такое мое действие, сказав, что это все же лучше, чем быть расстрелянным. В вагоне стояла абсолютная тишина. Поставив у дверей двух дневальных, сказал им, что двери открывать только по моему разрешению. В вагоне тишина, даже нет никаких разговоров. Вижу, что ситуацию все поняли правильно, полез я на третьи нары и дневальным говорю: «Будем подъезжать к Новосибирску, меня разбудите, потому что весь эшелон пойдет на обед в столовую». Я не успел заснуть, как вдруг толчок такой силы, что с задних и средних нар все, как пласты, оказались на полу. Дверь, которую надо было открывать вдвоем, открылась до отказа. Тут один парень подошел к открытой двери и говорит мне: «Товарищ старшина, крушение».

Я подошел к двери и сразу выскочил, увидев страшную картину: середина нашего состава налезла вагон на вагон в три яруса. Паровоз № 300 стоит на шпалах между рельсами и работает на полную мощность, рельсы вывернуты наружу. Из нашего вагона выскочил один паренек, заскочил в паровоз, выключил его и стал давать сигнал тревоги. Паренек до призыва работал помощником машиниста. Впереди нашего паровоза пять искореженных вагонов товарняка, идущего тоже на восток и стоявшего на перегоне. Наш поезд со скоростью 80 километров врезался в хвост стоявшего поезда, где был один вагон с папиросами Беломорканал, один вагон с кавалерийскими шашками и револьверами, две платформы с новыми автомашинами и один вагон с разными конструкциями.

Папиросы растащили наши новобранцы, револьверов тоже много растащили, потом стали их собирать, но где там. Через полчаса к месту крушения подъехали несколько генералов и офицеров, потом подошли шесть дизелей и начали растаскивать искореженные вагоны, заработали газосварщики, разрезая зацепившиеся места. Я не мог узнать, где мои продуктовые вагоны. Все продукты лежали по обе стороны поезда, разлетелись, как брызги. Власти поселка Захолустное организовали женщин с лопатами, и они начали сгребать все вместе в кучи, потом эти кучи стали сортировать: сахар, селедку, сухари, концентраты и хлеб, стали загружать в порожний вагон, поданный раньше. В вагонах, находящихся один на другом, были погибшие и раненые, их оказалось много. Раненых увозили в госпитали, а погибших везли в районный морг.

Чтобы растащить и убрать с путей искореженные вагоны, понадобилось шесть часов. Генералы были до самого конца, пока не пошли поезда. Нам дали порожние вагоны вместо искореженных, и мы стали размещать в них людей, чтобы продолжить свой путь. Погрузили продукты, они были чистые, только в снегу. Паренек, который выключил паровоз, рассказал мне, что когда вскочил в паровоз, то увидел, что бригада лежит без сознания, а машинистом был сам Лунин на своем личном паровозе. Наградили его орденом Ленина, золотой звездой «Герой Социалистического Труда» и паровозом. На железной дороге было два героя соцтруда: Кривонос и Лунин. Причем, паровоз Ф.Д. № 300 был личный паровоз Лунина. Как случилось такое, кто виноват, сразу узнать было невозможно. То ли стрелочник забыл, куда переведена стрелка, то ли машинист заснул и не увидел семафора... Генералы Лунина прикрыли, и потому нельзя было узнать, кто вел состав. Я часто вспоминаю Лунинский паровоз, он отличался чистотой от всех других.

На второй день после крушения у меня появились колики в груди и под лопатками. Они были несколько месяцев, полгода я не мог глубоко вздохнуть, кололо во всей груди, дыхание делал только поверхностное, легкое. Года три или четыре боялся ездить на поезде. Если же ехать сутки или двое, то я не мог глаз сомкнуть, все слушал стук колес. А если возьму груз на плечи, то шла кровь через рот, а перед этим сильно кололо под лопатками.

Только после крушения мы узнали, что едем в Монголию. От Читы эшелон везли двойной тягой, т.е. два паровоза, один впереди, а другой сзади, потому что там дорога на подъем. Сзади - для страховки на случай расцепки вагонов, а такой случай был за неделю до нашего проезда. В том эшелоне оба паровоза были впереди. Машинист второго паровоза увидел, что в середине состава горит вагон и тормознул так, что про-

изошла расцепка вагонов на середине состава, а состав был с людьми, как и наш. Сообщили на пройденную станцию, мол принимайте оторвавшиеся полсостава, но не сказали с чем. Этот полсостава стал набирать скорость, солдаты, видя, что они катятся назад, стали выпрыгивать из вагонов, и много их покалечилось. А дежурный по станции приказал перевести стрелки в тупик. Вагоны на большой скорости врезались в тупик, говорили, что мало кто остался живой.

Двойной тягой везли нас до станции Борзя. В Соловьевске, у монгольской границы, побежали покупать молоко. В дощатом магазине на стеллажах лежат белые «колеса», т.е. замороженное молоко, круги разных размеров от поллитра до трех литров. Дальше граница, таможня, на нашей стороне проверяют наши пограничники, затем монгольские. Интересно, знаки различия одинаковые, только у нас треугольники острым концом вверх, а у них вниз. На границе отобрали у всех револьверы и шашки. Поехали.

Едем по Монголии, видим огромные стада диких коз. Узнаем, что в наших частях были созданы охотничьи отряды по заготовке мяса. Приехали в военный городок, он весь состоит из землянок, с продольными и поперечными улицами. Питьевую воду возит на лошади в деревянной бочке одноглазый русский мужик, эмигрировавший в период революции. Он рассказал, что монголы имели заговор по уничтожению всех русских, проживающих в Монголии, было назначено время, когда начнут вырезать. Все русские начали готовить сухари и уходить в горы к советской границе. Но время «Ч» у монголов не сбылось, пришли машины с советскими войсками. Монгольские националисты успокоились, и русским стало легче жить. А их после революции в Монголии было много.

Кадровые младшие командиры, которые там служили, уже могли говорить по-монгольски. Нам надо было пойти на железную дорогу для очистки вагонов, в которых мы приехали, и других прибывших грузов. У одного нашего сержанта был немецкий кинжал с наборной ручкой, он очень понравился местному жителю. Он подошел к сержанту, показывает на нож и говорит: «Моя баран, моя баран». Кадровый сержант, поговорив с ним, объяснил, что монгол хочет купить этот кинжалик за барана. Мы все засмеялись и говорим сержанту, чтобы отдал ему. Он отдал его. Монгол очень доволен, улыбаясь, ушел, сказав, что принесет барана. Проходит время, а его нет, мы начинаем смеяться, но кадровый сержант нам говорит, что если монгол сказал, значит, он исполнит. Видим, от деревни идет человек (деревня - два ряда юрт, десятка три-четыре), а на воротнике его лежит туша барана.

Пока мы шли от «копай - городка» до станции и обратно, увидели,

что лежит человек, завернутый в простыню и почти полностью занесенный снегом с песком. Оказалось, у них так хоронят людей. Через какое-то время его занесет полностью и не будет заметно. Наш городок был недалеко от города Байн – Тумэн, там находился штаб нашей восьмой армии, и там принимали посылки для фронта. Посылка стоила 24 тугрика и включала бутылку водки, консервы, пряники, вязанные носки и рукавицы. Ты можешь прийти на почту, уплатить деньги, но посылку тебе на руки не дадут, а отправят сами, запечатают ее на твоих глазах.

До войны все офицеры жили с семьями. Как только запахло порохом, все семьи отослали в свои места. Женщины стали дефицит. До нашего приезда был такой курьез. Всему местному населению разъяснялось, что если кто в семье заболевает, то нужно обратиться в любую воинскую часть за медицинской помощью. И один монгол привез в госпиталь свою взрослую дочь, ее положили в госпиталь военного городка. Врач ее подлечил да стал ею пользоваться, как женой. Не выписывал ее долго, но бесконечно держать ее невозможно. Эта девица забеременела и уже дома родила сына. Отец ее, видимо, был не из бедных, подогнал к госпиталю целый гурт скота разного и просит доктора принять этот подарок. Отец девицы был доволен тем, что их кровь получила свежую здоровую кровь, и теперь будет улучшено его потомство.

Обратно мы ехали в пассажирских вагонах. Приехали в Читу, разместились по квартирам. У каждого в вещмешках было под завязку папирос «Беломорканал», у многих селедка, у меня, например, ее было полмешка. Все это было от крушения. В Чите мы занялись продажей излишков. Ходили ежедневно на базар, пачка папирос стоила 70 рублей, одна селедка 80 рублей. На вырученные деньги скупали все спиртное. Бутылка спирта стоила 800-900 рублей, самогона 400-500 рублей. Я на вырученные деньги купил себе сапоги, у них были головки кожаные, а голенища хромовые. А еще купил карманные часы – кировские, потом я их променял на ручные, тоже кировские. Купил брюки, настоящие галифе. Выпивал я очень редко, ну если уж ребята пристанут, а так не шла водка мне. Один раз нашу большую группу забрали в комендатуру, но когда разобрались, отпустили, предупредив, чтобы на базар больше не ходили.

По соседству с нами жили три сержанта, когда я зашел к ним, то увидел на середине кухни настоящую красавицу, у меня чуть ли не остановилось сердце. Потом при разговоре она созналась, что с ней произошло то же самое. Во всем у нас было полное совпадение, в жизни такое бывает очень редко. Поклонников у нее было много, но она выбрала меня. Мы настолько взаимно влюбились, что хоть немедленно идти в ЗАГС.

Когда поехали, я трое суток ничего не ел и не спал, такая тоска была. Вся душа моя была с Леной. Сержант Вася Шилов, воевавший на «Катюшах», мне говорит: «Павел, возьми себя в руки, идет жесточайшая война, и мы в данное время не хозяева сами себе». Письменная связь у нас не получилась. Впоследствии так влюбляться уже не получалось. Даже женитьба моя не была от души, чего-то не хватало. Просто командир полка сказал, что жениться надо во избежание распущенности.

В Кургане ребята побежали на базар купить выпивки, встретили женщину, которая продавала литровую бутылку спирта. Они заплатили ей 900 рублей и возвращаются в вагон радостные, довольные походом. Мы с Васей Шиловым из Ивановской области в этом мероприятии не участвовали. Началась выпивка. Наливали по маленькой мензурочке, ведь это спирт. Выпили все по одной и начали наливать по второй, вот тут и началось. У того, кто послабее, началась рвота, кажется, вытягивает кишки. Мы с Васей наблюдаем, что же будет дальше. Кто успел выпить по второй, тех хоть в госпиталь вези. Кто покрепче, побежали искать женщину, продавшую этот «спирт». А продавала она антифриз, эту жидкость тогда заливали только в танки вместо воды, чтобы радиаторы не замерзали. Покупатели вернулись ни с чем, а остаток в бутылке вылили на землю. Поехали дальше.

Проехали Челябинск, скоро Уфа. У нас был младший сержант Юра Зубов, приглашает ребят заехать к нему домой, у него одна мать, комната небольшая, но переночевать место найдется, а нас десять человек. Ребята говорят ему, что, как скажет старший. У Юры были блатные замашки, и он как-то наскочил на меня, пришлось мне об его голову согнуть эмалированную кружку, после чего он успокоился. Юра просит меня, а я ему говорю: «Можно и заехать, но ты опять начнешь фокусы выкидывать, а я этого не потерплю». Он дает клятву, что никто не услышит ни одного слова блатного, я тогда говорю: «Ладно, Юра, но не более двух суток».

Мать у Юры была еще молодая женщина, среднего роста, очень энергичная, сразу подружилась с Горкой Абрамовым, он был постарше нас, астраханский клепальщик. У Юры была то ли жена, то ли будущая жена, жила она почти рядом, и он там проводил много времени. Конечно, питание у нас было свое. Когда пришло время спать, зашли две соседки и говорят: «Кто из вас не струсит переспать на нашей кровати в середине между нами?». Все молчат. Соседки начали посмеиваться, тогда я встаю и говорю: «Если вас устроит, то я согласен поспать между вами».

На следующий день мы долго бродили по городу, чтобы получить какое-то представление об Уфе. Через двое суток мы поехали на по-

езде Уфа – Москва в свою часть в город Мелекесс, это как раз на пути без пересадки. Вдруг на станции Нурлат заходят в вагон офицеры и нас ссаживают с поезда. Здесь мы пробыли двое суток, выяснилось, что местный райвоенкомат таким путем выполнял план мобилизации. В военкомате у нас отобрали красноармейские книжки и собираются нас везти в Казань. Когда мы поговорили с местными жителями, то узнали, что военком здесь царь, Бог и воинский начальник. Люди откупаются от мобилизации, а вместо них вот так снимают с поезда военнослужащих и посылают в Казань вместо откупившихся. Правда, они нас покормили в столовой при элеваторе и даже в баню сводили. Наконец-то ведут нас на посадку, сопровождает один офицер. Не доезжая до Мелекесса, я встаю и говорю всем: «Кто хочет вернуться в свою часть, то идите за нами, кто не хочет, езжайте с этим офицером». Подъезжаем к станции Мелекесс, сопровождающий офицер преградил выход. Я Васе Шилову говорю: «Вася, отпихни его в сторону, чтобы можно было выйти». Вася его отпихнул, и мы пошли на выход, но вышли не все, четыре человека остались в вагоне, они струсили. Мы пошли по своим частям. На второй день я пошел в штаб полка доложить начальнику штаба капитану Прокопишину о случившемся. Он мне сказал: «Ты сделал правильно, а красноармейские книжки выпишем новые». На этом и закончилась наша командировка в Монголию.

Снова учеба

ОПЯТЬ пошла нормальная, повседневная учебная служба, снова готовили для фронта младших командиров. Получив зарплату триста рублей, я пошел на базарчик возле станции, купил пять яиц и поллитра молока. С утра у меня под ложечкой начало давить, и никакой пищи не надо. Пришел в санчасть, врач, капитан медслужбы Кочетова Екатерина Николаевна, пожилая седая женщина, взяла мою руку, подержала и говорит: «Ты, Смирнов, симулянт». Я ей отвечаю: «Если бы вы были помоложе, то я бы сейчас вам по вашим глазам так приварил, что долго бы у вас слезы шли» и ушел. Пришел в землянку, лёг на своё место, а под ложечкой так давит, что не могу разогнуться. Командир роты, лейтенант Смирнов, видя мое положение, велел мне полежать. Я лежал пять дней, не выходя на улицу, не ел, не пил. Тошно было слышать, как на руке часы тикают.

В одно из дежурств я шел с обеда и купил кружку пива, она стоила 14 рублей. Я нашел чистую банку, половину выпил, а половину несусь с собой. В дежурке сидит помощник начальника штаба по караульной службе старший лейтенант Дубленных, смотрит на меня и говорит: «Ты что,

Павлуша, пьяный?». Я говорю: «Да, вот смотрите: я купил одну кружку пива, половину выпил, а половину вот принес сюда». Говорю, а у самого язык заплетается, он смотрит на меня и качает головой, приговаривая: «Что можно сделать с человеком». Я был ужасно бледный, потеря крови пока не восполнялась. А на гарнизонной медкомиссии признали обостренное расширение сердца - после нескольких приседаний у меня потемнело в глазах, и я повалился набок. В результате был признан годен к нестроевой в военное время, но из строевой не отпускали, говорили: ты красиво ходишь строевой и курсанты у тебя учатся. На учебное поле я в строю не ходил, а ходил один по тротуару, все еще хромая.

На шестой день моего лежания зашел командир полка полковник Борисов, проверявший землянки, кто в них остался от занятий. Он знал меня лично, потому что я в наряд ходил оперативным дежурным по штабу полка. Борисов, идя по нашему проходу в землянке, спрашивает ротного: «Кто там лежит?». Тот отвечает, что старший сержант Смирнов. Комполка подошел и велел встать. Я встал, полковник остолбенел. На меня страшно было смотреть: я был весь желтый, будто сделанный из охры. Полковник спросил меня, был ли я в санчасти. Я говорю, что был, и Кочетова признала симулянтom. Он вскипел: «Я её отправлю в штрафную». Вскоре приехала двуколка, и увезли меня в бригадный лазарет, в офицерскую палату, где лежали младший и старший лейтенанты. Врач говорит: «Ну, вот, теперь у вас полный комплект, к вам прибыл и лейтенант». Я говорю, что не лейтенант, а только старший сержант. А она отвечает, что, значит, буду лейтенантом. Врач была очень симпатичная дама, лет около тридцати. К нам в палату не заходили ни сестры, ни няни, они говорили, что я был настолько страшен, что они боялись заходить.

На восьмой день моего «поста» так захотелось горячей вареной картошки с солёным огурцом, что потекли слюнки. Я попросил одного офицера позвонить во 2-й учебный батальон в 1-ю пулеметную роту, чтобы курсант Иванов пришел ко мне. Иванов прибежал, и я ему говорю: «Возьми котелок, зайди к дежурному по пищеблоку, попроси у него картошки, свари ее на свалке – она рядом, закрой чем-нибудь и бегом опять к дежурному, попроси у него 2-3 соленых огурца и бегом ко мне». Иванов летит с горячей картошкой и огурцами, я съел полкотелка картошки и один большой огурец, и стало мне очень хорошо...

На табуретке стоял котелок с картошкой и лежали два здоровенных огурца. Врач увидела их, долго стояла, смотрела то на меня, то на огурцы с картошкой, потом говорит: «Кто знает, может, это то, что нужно. У нас от печени ничего нет, и я начала собирать народные средства: со-

сновые шишки, хвою, кору, растения. Скажу тебе, Смирнов, правду - ты был занесен в список безнадежных».

После возвращения в часть у врача Кочетовой я был в особом почете. Если прогуляем долго, то утром записываюсь в санчасть, говорю: «Екатерина Николаевна, что-то голова болит». Она спрашивает: «На сколько нужно освобождение?». И давала, на сколько я просил.

Однажды на ужин, когда я дежурил по пищеблоку, привезли рыбу, выгрузили её в коридоре. Дневальный, которого я поставил смотреть за сохранностью, мне кричит: «Товарищ старший сержант, рыбу воруют, ничего не могу сделать!». Я выскакиваю из кухни и сходу повалил несколько человек. Они покатались вниз, а там встают и никуда не уходят. Я подхожу и говорю: «Ах вы, мерзавцы, ворье солдатское, чего-то ждете, еще рыбы?». Они врассыпную, а один стоит и не убегает. Я его хорошо ударил, он встал и опять стоит, не уходит. Было темно, я схватил его и кричу: «Так ты еще и не уходишь?». А он мне говорит: «Я новый ваш замкомбат по политчасти». Он был в меховой безрукавке и погоны не видно, я ему говорю: «Извините, разбираться было некогда, воруют беспощадно, вот и приходится идти на такие меры». Потом он мне все припомнил.

Я по вечерам ходил свободно до утра, как офицеры. Прошел слух по городу, что появилась вспышка тифа. Командир издал приказ, перевести всех на казарменное положение до выяснения ситуации. Я же пошел к своей знакомой до утра. Днем замполит собирает весь сержантский состав батальона и объявляет: «Мы сейчас будем судить судом чести старшего сержанта Смирнова за невыполнение приказа начальника гарнизона». Из присутствующих не выступил никто. Дается мне последнее слово, я говорю, что у меня долго не было такой возможности, а сейчас вот появилась, потому я и хожу, и буду ходить. У него решение уже было приготовлено - отправить меня на фронт. Он несколько раз видел, как я вместе с комбатом уходил на ночь. Комбат любил надевать мою фуражку, которую сшил мне по знакомству портной, проработавший на пошиве офицерских фуражек более двадцати лет. Но замполит, видимо, решил все повернуть по-своему.

А за несколько дней до этого произошёл со мной неприятный конфуз. Я и младший сержант Головач пошли в клуб железнодорожников на вечер отдыха. Вечер очень понравился, играл духовой оркестр. Когда пошли домой, нам встретились офицер в белой кубанке и некто в гражданской одежде. Когда мы поровнялись, то я офицеру не отдал честь. Он остановил нас и спросил, почему мы нарушаем устав, не отдаем честь офицеру? Я ему говорю: «Ночь, ничего не видно», Он в ре-

зультате ведет нас в комендатуру, которая была на той же улице, где и наша казарма, только дальше метров на 300-400. Идем. Дошли до нашей казармы, я остановился и говорю офицеру, спасибо, мол, за компанию, но я дальше не пойду. Он взял меня за руки и говорит: «Пойдешь». Я отбросил его руки, а Головача толкнул и громко ему крикнул, чтобы бежал домой.

Офицер пытается меня взять покрепче со словами: «Я тебя накажу». Я же схватил этого офицера так, что у него затрещали кости, он почувствовал, что слабее, отпустил меня и стал доставать револьвер. Пришлось вырвать у него револьвер и бросить в сторону, в снег. Тогда он кричит своему товарищу, чтоб помог. Тот хотел подойти, но я, освободив правую руку, говорю, что если он подойдет, то я не ручаюсь, что может произойти. Вижу, он остановился. Я снял с офицера его белую кубанку, бросил ее на крышу, а сам - на проходную, часовому говорю: «Будут спрашивать, говори, что это был чужой старший сержант». Пришел офицер, нашел старшего дежурного по батальону, им был старший лейтенант Андрейченко, стали искать обидчика. Конечно, не нашли и договорились, что завтра утром офицер придет и опознает этого старшего сержанта, у которого офицерская шинель и золотые погоны. Оказалось, что это был старший лейтенант, новый помощник начальника штаба полка.

Утром выстроили во дворе всех младших командиров батальона, я попал в первую шеренгу. Офицерская шинель с золотой нашивкой была у меня одного. Он, пройдя строй взад-вперед, останавливается напротив меня и свои глаза упирает в мои. Но я спокойно смотрю ему в глаза, он не выдерживает и сворачивает в сторону. Он долго крутился вокруг меня, но, увидев моё спокойствие, показать на меня не решился. Меня пригласили в штаб батальона, где были в сборе все офицеры. Кто улыбается, кто громко смеется, а комбат говорит: «Скажи, Смирнов, это твоя работа?». Конечно, я не сознался. Кто-то из офицеров тогда сказал: «Конечно, его, больше некому».

Командир 2-го учебного батальона лейтенант Бируля, стройный симпатичный человек, как-то вызвал меня и говорит: «Вот что, Смирнов, получили мы заявку: одного младшего командира-фронтовика направить на 3-х месячные курсы младших лейтенантов. Из тебя будет хороший офицер, и мы решили направить именно тебя». Комбат сказал, что знаний у меня хватает, учиться будет легко, и я законно получу звание офицера.

Нас, направленных на курсы из пятой запасной стрелковой бригады было больше сотни, из сорок седьмого запасного стрелкового полка

собралось 20 человек. Мы должны были прибыть в город Пугачев. На станции Ершово поскандалили с милицией, не известно, чем бы все закончилось, если бы они не скрылись.

Прибыли в город Пугачев, разместили нас в землянках уже обжитых, в которых жил кавалерийский полк. Здесь мы пробыли недолго. Кормежка была ужасная - мороженая картошка, как деревянная, полугнилая капуста, зеленые гнилые помидоры и прелые огурцы. Вся эта соловина заготовлялась в железобетонных чанах диаметром около 5 метров и высотой четыре. Вот эти «овощи» заправлялись крупой под названием сечка, белой и совершенно безвкусной, сделанной из какого-то сорняка. Придя в столовую, жидкость кисло-соленую выпьем, а гущу - под стол, хорошо, что в землянке полов нет, но кухонному наряду после нас работы хватало.

Сержантский состав сюда направляли со всего Приволжского военного округа и даже из госпиталей. Я подружился с Мишей Сорокиным, он приехал прямо из госпиталя, так же как я был некурящий и к выпивке равнодушный. Съехалось сюда ровно 1000 фронтовиков от младшего сержанта до старшины. Много было уркаганов и бывших бандитов. Здесь, в Пугачеве, эти уркаганы организовали банду и назвали её «Черный Валет». Они ограбили ювелирный магазин, а товар вывозили на лошади ночью. Один милиционер хотел задержать, но они его посадили на задницу так, что он несколько дней кровью плевал, затем помер.

В Пугачеве мы пробыли недолго, нас отправили на постоянное место дислокации в хорошо знакомый мне город Мелекесс. Наш пулеметный батальон поселился в помещении льнозавода, а батальоны стрелковый, артиллерийский и минометный - в помещениях выздоравливающего батальона. Все эти помещения были свободны, потому что все части и подразделения перевезли в город Козельск, поближе к фронту.

Командир пулеметного батальона подполковник Медников был очень здорово подбитый, он даже не мог согнуться, чтобы умыться. Парторгом батальона был лейтенант Карташов, бывший замполит МТС. Он пошел по ротам спрашивать, есть ли столяры. Я сказал, что столяр. В ленинской комнате он показывает портрет Сталина в маршальской форме и спрашивает, могу ли я сделать рамку, чтобы она подходила к портрету. Я сказал, что могу. Когда я сделал рамку, Карташов привел всех офицеров, чтобы они посмотрели на эту красоту. А приехавший начальник гарнизона, увидев рамку, сказал, что для штаба нужно сделать таких рамок сорок штук, и спросил, сколько нужно столяров. Дали мне помещение под мастерскую в «Заготзерне» и пять столяров в помощники, всех с напичку батальона, а еще маляра, чтобы мы не отвлекались на раскрашивание.

Программа учебы была, как в нормальном военном училище, занимались мы уплотненно, много и не три месяца, а целый год. Я из этого года примерно полгода столярничал, но на зачетные занятия ходил со всеми вместе, сдавал зачеты успешно. Я часто вспоминал слова комбата, который направил меня на учебу, о том, что я знаю не меньше любого офицера, и мне легко будет учиться, он был прав. На занятия не ходил, а зачеты сдавал, даже на пятерки.

За этот учебный год триста человек осудил военный трибунал. По пять дней подряд шли заседания трибунала, никаких занятий не было, все слушали. На скамье подсудимых были члены банды «Черный валет», судили их группами до двадцати человек. Руководил этой бандой капитан, командир пулеметной роты. Они с гарнизонных складов машинной воровали муку, с подсобного хозяйства мукомольного завода уносили кур, уток, гусей. Даже коров резали и через забор перекидывали мясо. Эти бандиты ничем не брезговали, даже посуду из столовой всю разворовали и пропили. Командир этих курсов полковник Пичугов говорил: «Неужели за 27 лет службы я достоин командовать такой бандой?»

Бывали у нас случаи трагические и нелепые. Как-то вечером полковник Пичугов и комендант гарнизона майор Шibaев, фронтовик, шли мимо больницы к стрелковому батальону. На проходной, как и положено, был часовой. Вдруг видят, идет человек не по форме одетый, в натальной рубашке. Они хотели остановить его, а он побежал на территорию больницы, проходная батальона и калитка больницы были почти рядом. Пичугов и Шibaев видя, что бежавший сейчас скроется на территории больницы, стали кричать часовому, чтобы он стрелял. Пуля прошла столб и попала прямо в печень, беглец упал. Оказалось, что это был сержант Василий Никитин из нашего взвода. У него было расстройство желудка, и его положили в санчасть. Он попросил у дежурной медсестры сапоги и брюки, чтобы сходить к будущей жене. А когда шел обратно, на свою беду повстречался с Пичуговым и Шibaевым. Видимо, он побежал от них, чтобы не подводить медсестру, и был застрелен у калитки больницы. Как позже выяснилось, команду «Стреляй!» подавал Шibaев, а отвечать пришлось Пичугову. Никитин служил на границе и за первые бои с фашистами был награжден медалью «За отвагу». Мы с ним дружили, и потому я ходил к его жене, чтобы сообщить о гибели, выбирал место для могилы.

Примерно за месяц до выпуска видим, как идет в столовую группа офицеров. Когда они подошли ближе, мы так и ахнули, ведь это были наши курсанты. Теперь они стали лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны, всех их поставили на офицерские должности. А один курсант

из стрелкового батальона был даже Герой Советского Союза, но не знал об этом. Все это было восстановлено тогда, когда приехали из Министерства обороны несколько генералов, потому что на каждого будущего офицера приходят к ним подробные документы и учетные карточки, которые хранятся вечно. Вот с получением этих документов и выяснилось, как эти офицеры оказались сержантами.

В Мелекесе я дружил с девушкой Нюсей Глухаревой, она была родом из деревни Лебяжье, что в семи километрах от города. Ребята мне завидовали, говорили, что я нашел себе прекрасную подругу. Да, она была хороша, но искренних чувств у меня к ней не было, возможно потому, что у меня еще не угасли чувства к Лене Кочетовой.

1944 г. г. Мелекес, друзья-однополчане

Вообще, воспоминания у меня о городе Мелекес (с 1972 года переименован в Дмитровград), в котором я чуть не умер из-за желтухи, самые хорошие. Ведь здесь я стал офицером. Город Мелекес хоть небольшой, но промышленный, здесь находились второй по величине в Союзе мукомольный завод, льнозавод, сталелитейный и фанерный заводы, ткацкая фабрика им. Клары Цеткин, крупзавод, куда я ходил точить столярный инструмент, огромный элеватор, где складов целый поселок с подъездными путями, большой пивоваренный завод. Шла война, а пива в городе было много, чуть ли не на каждом углу.

Был в Мелекесе городской сад и сад мукомольного завода, где мож-

но было отдохнуть. Я, старший сержант, призванный до начала войны, получал денежное довольствие триста рублей, а старший сержант, призванный во время войны, получал сто пятьдесят рублей. Кроме этого, я подрабатывал, делал сапожные колодки и продавал их в сапожные мастерские льнокомбината по пятьдесят рублей за пару. За вечер делал две пары. Водку я не пил, иногда баловался пивом или бражкой, ее продавали там же, где и пиво.

Итак, учебная программа завершена, занятий больше нет. Мы теперь офицеры! Получаем офицерское обмундирование и офицерскую зарплату. Первую офицерскую зарплату как не отметить. Пошли мы с Лешкой Семиковым, горьковским пареньком, к железнодорожной станции пивка попить. Взяли по кружке, выпили, заходит группа милицейских офицеров, тоже берут по кружке. Я взял вторую и, отходя от прилавка, случайно наступил на ногу одному милицейскому, шутя говорю: «Извините, что мало». А он это принял всерьез. Мы были в шинелях, погоны пришить не успели, и эти менты посчитали нас рядовыми солдатами. Началась потасовка, мы сняли шинели, и стало понятно, что мы тоже офицеры. Чем бы все закончилось, трудно сказать, но буфетчица повисла у меня на шее мертвой хваткой, и я пожалел ее, остыл и остановился. Вот так отметили мы первую офицерскую получку.

На второй день нам объявили, что завтра во второй половине дня будет отправка группы в пятьсот человек в распоряжение Ленинградского фронта. Поезд уже подан под погрузку.

На фронте

НАКОНЕЦ-ТО приехали в действующую армию. Нас всех определили в 42-ой ОПРОС - отдельный полк резерва офицерского состава. Когда пришли к начальнику, нас спрашивают: «А, вы, ребята, из банды Пичугова?». Вот так, банда Пичугова, оказывается, была известна на всех фронтах, а сам полковник Пичугов попал в штрафную. Шутка ли сказать, из тысячи человек курсантов осудили военным трибуналом триста человек за один год. Вот вам «Черный валет» и его последствия. Конечно, что мог сделать Пичугов, если собралось столько головорезов?

Командир полка ОПРОС полковник Суворов был когда-то генерал-майором, комендантом Кремля. Генеральское звание и должность он потерял по глупости: со своим зятем капитаном поехали на рыбалку, но не с удочками и сетями, а с противотанковыми гранатами. И вот один запал взорвался в руках у зятя, оторвало два пальца. Они хотели это скрыть, но разве такое утаишь? В результате Суворов лишился генеральского звания и должности коменданта Кремля.

Из ОПРОСа представители фронтов и армий увозили к себе офицеров всех специальностей, кому кто нужен. Нас повезли на автобусе в сто тридцатый Латышский корпус. А там опять произошел отбор, кого-то взяли в гвардейскую дивизию, кого-то в простую линейную. Я попал в сорок третью гвардейскую дивизию, потому что был ранен в постовой гвардейской дивизии имени генерала Панфилова.

Нас, не очень большую группу, направили в Литву, разместили неподалеку от концлагеря Мажейкяй (их в Прибалтике было два, еще в Латвии был «Саласпилс», в обоих концлагерях пленных расстреливали и сжигали). Размещались мы в брошенных хуторах. Я заметил, что бегают много крупных зайцев, взял карабин и одного застрелил, получил целый чугун мяса, мы хорошо поели.

Приехали «покупатели», отобрали по документам группу и повезли на автобусе в 130-ый Латышский стрелковый корпус. Я попал в 43-ю гвардейскую дивизию, в 125-й стрелковый полк. Оказалось, что полк сформирован и проходит обучение, но в третьем батальоне не хватает офицеров. Я стал командиром пулеметного взвода, а старший лейтенант Иванов, прибывший со мной, стал командиром пулеметной роты, моим начальником.

Для знакомства построили пулеметный взвод: все ребята рослые, видно, что крепкие. Ведь таскать и носить пулемет «Максим» слабым просто не под силу, он весит 64 килограмма. Я прошел вдоль строя, спрашивая фамилию, имя и отчество, семейное положение. Когда закончил знакомство, встал перед строем посередине и говорю: «Какие будут вопросы ко мне?». Спросили, был ли я на фронте, женат ли. Я спросил, кто желает быть моим ординарцем, одновременно и переводчиком, ведь я латышского языка не знаю и мне нужно, чтобы переводчик был сразу разговорный. Вызвался Тимошенко, русский из Латгалии. Меня это устроило. Когда по команде «разойдись» строй нарушился, пошла неофициальная беседа. Солдаты уже знали, что через две недели в бой, и я повел беседу о предстоящих боях, о разных ситуациях во время боя. Они слушали меня, кажется не дышали.

Кстати, в Латвии были три провинции. В Латгалии, северной части республики, население на 80 процентов русское, они там жили еще до революции в России. Средняя часть называлась Земгалия, здесь жили и латыши, и русские вместе, но больше было латышей. Третья провинция называлась Курземе или просто Курляндия, здесь жили одни латыши, причем закоренелые антирусские. Крестьянский уклад жизни здесь значительно отличался от других провинций, особенно от Латгалии, землей находилась в руках крупных землевладельцев. Сам хозяин обычно жил

в Риге, а всеми делами занимался управляющий. На земле хозяина были хутора, на которых жили безземельные крестьяне – батраки, они всю жизнь работали на хозяина: кто на полевых работах, кто на ферме. В последние дни наступления мне пришлось пройти через такое имение, я увидел прекрасный ветряк, а в хлевах автопоилки, про такие тогда я даже не слышал. Но батраков там было много, я с некоторыми даже беседовал. Они на свою жизнь не обижались, говорили, что раз у них нет своей земли, значит, другого выхода нет, как батрачить. Хозяйский дом был двухэтажный, кирпичный, красивой архитектуры, со всеми удобствами. Природа в Курляндии в некоторых местах просто сказочная.

В пулеметной роте было три пулеметных взвода, и потому было три командира пулеметных взводов. Дима Курилов в этой части побывал раненым и снова прибыл, то есть возвращался на свое место. Он был младший лейтенант, по возрасту на четыре года старше меня. Лейтенант Кампернаус Арвид - латыш, родился и жил в Уфе. Несколько раз был ранен, но всякий раз возвращался на свое место. Я и Иванов были новенькие. Когда мы познакомились и подружились, то узнали, что Кампернаус в этой части дивизии с начала ее формирования, то есть из Гороховецких лагерей, имел уже четыре ордена, в то время как Курилов - ни одного, хотя в этой части был более двух лет. А все дело было в том, что за каждый тяжелый бой к наградам представляли прежде всего офицеров – латышей, согласно запросу штаба корпуса. Вот вам и национальные дивизии во всей красе.

Вот наглядный пример. На реке Айвексте немцы хотели прорвать фронт на участке первого батальона, и их основные силы пошли на роту капитана Ершова. Хотя немцы шли остервенело, рота Ершова выстояла, соседи справа и слева только помогали ему, причем один сосед был Вильхельм – латыш. За этот бой, по мнению всех офицеров полка, Ершову по закону войны должна быть Золотая Звезда Героя. Но звезду дали соседу - Вильхельму, который только поддерживал Ершова. Ершов за этот бой получил орден Красного Знамени, как был капитаном, так и демобилизовался капитаном. А Вильхельм демобилизовался майором, работником штаба дивизии. Вот такая была «справедливость» в этих национальных дивизиях.

В нашем 125 гвардейском полку была медсестра Варя. В пустом сеновале, набитом ранеными, она делала перевязки. Немцы напрямую наводку выкатили «Фердинанды», а у них снаряд триста килограммов. Когда ударили по хутору и по сараю, то бревна летели очень далеко, а сеновал был набит людьми. Живые-то и здоровые разбежались, а раненые были все уничтожены, погибла и Варя. Когда офицеры выпивали,

вспоминая погибших друзей, то Варя всегда была в их числе. Ее вспоминали в разговорах и после войны.

Седьмого мая 1945 года утром рано вышли мы на исходную позицию. Командир полка подполковник Перловский поставил задачу командирам батальонов, указывая каждому полосу наступления. Первый батальон был правым флангом, наш третий батальон – на левом, второй батальон был во втором эшелоне полка. Первый батальон пошел на хутор, который был у них справа, а слева текла речка, шириной метров 5-6, но глубокая. Для того, чтобы подойти к ней, нужно пройти поле, в конце которого и был хутор. Когда подразделения переходили это поле, с чердака дома стали стрелять снайперы. В первом батальоне один за другим стали падать солдаты. Когда подошли к речке, поле осталось сзади, хорошо видно было, сколько мертвых солдат лежало на поле.

Нужно было срочно подавить снайперов, разместившихся на чердаке дома под черепичной крышей. Вся огневая техника отстала. Наш третий батальон под командованием капитана Федюшова, бывшего директора средней школы в Кировской области, подошел к речке на своё место. Берег был высокий, а за речкой через метров сто был хвойный лес, высокий и густой. Комбат приказал мне прикрывать огнем пулеметов переход батальона через речку. Я разместил свои пулеметы на выгодные позиции и каждому расчету показал короткими очередями, куда и как нужно вести огонь по размещившимся «кукушкам», засевшим на деревьях. Я огнем своих пулеметов должен был накрыть всю опушку леса, не давая «кукушкам» вести прицельный огонь по нашим солдатам.

Каждому расчету определили свой сектор обстрела, огонь вели с рассеиванием в глубину и по фронту. Каждая пулеметная лента была заправлена так: три патрона простые, четвертый трассирующий, пятый разрывной, шестой бронебойный. Когда комбат Федюшов подал

1945 г. Командир пулеметного взвода 125-го гвардейского стрелкового полка

команду вперед, я подал команду «Огонь». Открылось неповторимое зрелище. Мне было хорошо видно работу каждого пулемета. Трассирующие пули плыли в лес, как утки, и их много от каждого пулемета. Эти «утки» прощупывали лес от земли до вершинок. Слышны потрескивания разрывных пуль. На эту операцию мне передали пулеметы из стрелковых рот. Огня было много, и пулеметные песни я тогда, как охотник, сопоставил с тетеревиным током. При приближении солдатских цепей к опушке леса, огонь пулеметов был перенесен только на верхнюю часть леса. Когда солдаты вошли в лес, я подал команду прекратить огонь и переправляться через речку. У нас в батальоне потерь не было ни одного человека. За эту операцию я получил орден Красной Звезды и звездочку на погоны. Когда, преодолев речку, все вышли на чистое место, пулеметные расчеты из стрелковых рот ушли по своим местам, и все пошло дальше по лесу, развивая наступление.

Наступление было стремительное и безостановочное. Я со своим пулеметным взводом шел между седьмой и восьмой ротами, чтобы при случае пулеметным огнем поддержать какую-либо из них. Когда шли по лесу, от нас отстали все огневые средства поддержки, то есть самоходные пушки и танки. Почва еще не окрепла, и они сильно вязли, хотя и на гусеницах. От нас не отставала только одна мортира, маленькая пушка-игрушка, как ее называли солдаты, потому что она была на конной тяге. Я шел посередине своей цепи, вдруг вижу, справа перед нашей цепью бежит лань. Некоторые солдаты вскинули винтовки для стрельбы, но я громко крикнул: «Не стрелять! Иначе жестоко накажу того, кто будет стрелять». Уж больно красиво она бежала. Потом я стал говорить громко, что мы не голодные дикари, и животное не виновато, что мы воюем.

На выходе из леса в моем секторе оказался штаб фашистского полка. Подошли осторожно, стали все осматривать. Здесь стояли легковые машины и мотоциклы с колясками, лежали радиоприемники «телефункен», кстати, самые лучшие, было много и другого добра. Я спросил у солдат, кто может ездить на машине или мотоцикле. Оказалось, никто. Легковая машина «Татра» была совсем новая, уж как мне было жалко оставлять ее. Я знал, что за нами идет второй эшелон, и они все разберут. Ну что делать, раз она для меня недосыгаема. И мы пошли дальше вперед. А машину взял заместитель командира дивизии полковник Юревиц.

Вышли из леса, метрах в 800-900 перед нами речка небольшая, и спуски к ней не крутые, а пологие. Видим, за речкой пушки противника, смотрят на нас прямой наводкой. Ну, думаем, сейчас из нас будут мясо делать. Весь полк расположился цепью в два эшелона, я был в первом. Смотрим назад, а у нас огневой поддержки нет. Гадаем, что же будет

дальше. Время идет медленно, тишина. Мы стоим открыто друг против друга, только разница в том, что противник хорошо окопался, а мы на поверхности. Нет ни единого выстрела. В воздухе летают наши самолеты, немецких не видно. С самолетами положение кардинально изменилось. Если в 1941 году в воздухе летали постоянно только немцы, то сейчас одни наши. Смотрим, на опушке леса, откуда вышли, сплошной лентой стоят самоходки и танки, на душе стало легче.

Видим, с правого фланга идет замкомбат Саша Рамкович и объявляет: «**Конец войны, вставайте, стрельбы не будет!**». Ему никто не верит, все лежат. Следом за Рамковичем идет начальник штаба полка подполковник Кучин и объявляет то же самое. Тогда поверили. Все поднялись, и у кого какое оружие было в руках, открыли стрельбу вверх. Шуму поднялось много, потом успокоились и стали ждать указаний. У дороги собрался весь полк.

Все пошли на отдых, а мне приказали проверять сдавшиеся части, идущие к нам в тыл. Командиры батальонов и рот, немцы хорошей выправки, идут в голове колонны. Первым идет батальон 21-й дивизии СС, у них манжеты и воротники коричневого цвета. Мне была поставлена задача проверять каждого пленного, чтобы не пронесли пистолеты и кинжалы. Помимо своих пулеметов мне дали пулеметы из стрелкового рот, и получилось у меня восемнадцать пулеметов «Максим». Я оседлал дорогу и всем расчетам поставил задачу внимательно следить за мной, в случае заминки в колоннах все пулеметы должны открыть огонь по колонне.

Когда шли в наступление, я поверх всего надел на себя старую фуфайку и на голову грязную солдатскую пилотку – это маскировка от снайперов. Сапоги тоже вымазал грязью. В таком виде я подхожу к первой колонне и подаю сигнал рукой остановиться, командир, стройный немец, посмотрел на меня и ноль внимания, продолжает путь. Тогда я понял в чем дело и сбросил фуфайку, а на кителе – желтые погоны офицера. Как это увидел немец – комбат, сразу подал команду остановиться, а сам встал как гвоздь, цокнув каблуками. Я сказал ему: «Разверните строй в шеренги и на два шага между шеренгами». Всей колонне объявляю: «У кого есть пистолеты или кинжалы, должны положить их перед собой. Если при проверке у кого их найдем, то будет расстрел на месте». При осмотре карманов и мешков, как правило, ничего не находили. Но как колонна ушла, мы идем смотреть место, где стояли шеренги, часто находили кинжалы, вдавленные в землю.

За дивизией СС шли колонны 19-го Латышского добровольческого легиона. В обеих дивизиях солдаты были в основном латыши, но

командиры немцы. После того, как прошли боевые дивизии, мелкими группами пошли их пленные, бывшие наши солдаты, в основном казахи и другие среднеазиаты. Они проходили самые первые, вроде бы разведчики, как потом мы выяснили. Мы их встретили мирно, по-человечески, а они отошли от нас и обходной дорогой вернулись в свои части и там разграбили склады, набили свои огромные чувалы, которые с трудом несли. Когда они подошли к нам, мой ординарец Тимошенко некоторых узнал и мне говорит: «Вот эти мужики уже проходили самые первые и шли совершенно пустые, а теперь идут с таким грузом». Я дал команду вытряхнуть все мешки. Когда все мешки вытряхнули, я глазам своим не поверил - там было большое количество шоколада в плитках, консервные банки с сыром и мясом, галеты и даже ром. Тогда я громко говорю: «Тима, оставь каждому по две плитки шоколада и по банке консервов, а остальное все сложи в одну кучу». Все солдаты были очень довольны, а пленникам стало легче идти. Все бывшие наши солдаты у немцев работали на хозяйственных работах и на складах, потому они так и нагрузились. В строй их не ставили.

42 армия, в которую входила наша дивизия, поехала на восток, на Японию. А нашу 43 гвардейскую Латышскую дивизию как национальную оставили в городе Риге для несения гарнизонной службы. А 308 Латышскую дивизию оставили в городе Даугавпилс. Наш 125 гвардейский Латышский стрелковый полк нес гарнизонную службу в городе Рига. Хожу в гарнизонный наряд: днем дежурю в центре города, мы помогаем наводить порядок на трамвайном движении. По этому вопросу городские власти обратились к командующему Прибалтийским военным округом Ивану Христофоровичу Баграмяну и попросили у него помощи в наведении порядка с трамвайными пассажирами, сами они не могут справиться. Нас обязали помочь городским властям в этом вопросе.

В центре Риги сходятся трамваи с трех направлений. Людей на этой остановке всегда много. Трамвай отходит облепленный народом, висят где только можно. На милицию не обращают внимания. Мы от остановки стоим метрах в 40-50 в каждом направлении. Смотрю, трамвай идет, обвешанный народом. Я выхожу на трамвайный путь и останавливаю трамвай, со мной десять вооруженных солдат сразу окружают трамвай и снимают всех висящих, отводим их в сторону, а водителю трамвая даю сигнал продолжать путь. Когда трамвай ушел, я всем задержанным говорю: «Каждый из вас оштрафован на пять рублей. Кто не захочет платить сейчас, у того по месту работы вычтут двадцать пять». Нам, каждому офицеру, были выданы книжки штрафных талонов. Мы были заинтересованы в штрафах, потому что от вырученной штрафной сум-

мы 20% полагалось нам, а остальные деньги сдавали в милицию.

В центре «облипать» трамвай перестали, но на других остановках все было по-старому. Тогда мы договорились, что будем снимать висячих там, где их встретим. Результат нашей работы был очень эффективным. На всю эту работу ушло около месяца, и «висячих» людей вокруг трамвая вообще не стало. Не стало и падающих с трамвая людей.

Комендатура Риги была на улице Цитадельской, это недалеко от набережной Даугавы. В конце дня все наряды дежурной роты сходятся возле комендатуры, чтобы строем идти в казарму, офицеры по очереди шли с ротой, остальные ехали, кто как хотел. Однажды офицер, который был обязан вести роту пешим строем, почему-то не пошел с ней, и рота поехала на трамвае. И тут ЧП. У одного солдата падает автомат затыльником на землю, происходит выстрел, пуля попадает в челюсть человеку, стоявшему в трамвае. Я оказался рядом. Человек с простреленной челюстью убежал в поликлинику, а я поехал домой на квартиру. Солдаты фактически были без присмотра, сами по себе, они опять поехали трамваями. За это ЧП наказали меня, а не дежурного офицера, потому что я не построил роту и не приказал, чтобы они шли пешим строем. После этого случая дежурные офицеры от своих обязанностей не отлынивали. Мне дали пять суток домашнего ареста, с вычетом пятидесяти процентов из зарплаты за каждые сутки ареста.

По вечерам я дежурил или в цирке, или в Доме офицеров. В филиале Дома офицеров стали пропадать шубки и пальто. В один вечер я был назначен в филиал Дома офицеров. Узнал, что здесь происходят кражи во время хаоса возле гардеробной при закрытии. За полчаса до закрытия я поставил трех вооруженных крепких солдат и дал им соответствующий инструктаж, сам стою наверху, откуда все видно. Со мной десять человек солдат, из них трое за прилавками гардероба, остальные находятся возле меня. Гардеробная заполнилась до отказа. Мне видно, как подвыпившие офицеры полезли без очереди, тем самым создают хаос, удобный для воровства. Я сначала громко приказываю этим дебоширам встать в очередь, но они ноль внимания, тогда я посылаю крепких солдат, чтобы вывели пьяных из гардеробной. Сразу все стало тихо и пошло нормально. После этого дежурства меня стали посылать туда очень часто, говоря, что у меня не бывает воровства, потому что кражу делали именно эти пьяные.

В это время действовал комендантский час. Латыши любят устраивать вечера отдыха. Например, профсоюз деревообработчиков устраивает такой вечер в клубе профсоюза на улице Красноармейской. Они обязательно должны обратиться письменно к коменданту гарнизона.

Комендант дает добро и назначает туда дежурного офицера. Весь порядок гуляния возлагается на этого офицера. Такие вечера отдыха назывались балами. Люди, собравшиеся на бал, должны гулять до утра. Поскольку существовал комендантский час, и все балы были закрытые, то есть устраивались каким-то профсоюзом для своих членов, я в 12 часов ночи беру все ключи от всех наружных дверей и держу у себя до 6 часов утра.

Однажды в клубе строителей нас дежурило три офицера. Младший лейтенант Абель пошел через зал и только начал обходить танцующую пару, как молодой человек достал из внутреннего кармана пистолет и в упор выстрелил, но получилась осечка. Абель не растерялся и молниеносно вырвал пистолет, закрутил ему руки, тут же подоспели другие дежурные. Все прошло без шума, многие даже не поняли в чем дело.

Днем, как правило, приходилось дежурить в центре города или на центральном рынке. Однажды на центральном рынке произошел преинтересный случай. В дежурной комнате на рынке дежурили два человека, один от милиции, другой от КГБ. Как-то я зашел к ним и вижу, мужчина в хромовом пальто ведет с ними дружескую беседу. Побеседовали и тот в хромовом пальто ушел. Дежурный от КГБ Бочаров говорит мне: «Ты знаешь, кто он такой? Это майор, главарь банды, в которой состоит 40 человек. Мы их почти всех знаем в лицо, но взять боимся, они все вооружены. Они сегодня должны штурмом ограбить коммерческий ларек шелковых тканей. Сказали, что милиции не боятся, а боятся военных». Тогда я Бочарову говорю: «Чего же молчал до сих пор, сейчас мы их возьмем». Я вызвал дежурную роту, заблокировал выходы с рынка, одновременно расставил посты на перекрестках, а сам с Бочаровым и группой солдат пошел искать главаря. Его нашли быстро. Сразу взяли его в кольцо и изъяли из карманов 2 пистолета и фальшивые документы. Всю банду взять не удалось. Некоторые заметили, что прибыла рота вооруженных солдат, и поняли, что будет облава, поэтому быстренько смотались с рынка. Когда с главарем пришли в дежурку, то Бочаров говорит майору: «Ну, ты видишь, что это твой конец»- и предлагает рассказать, где и во сколько намечается мероприятие. Майор рассказал, что вечером, по такому-то адресу, будет обчищена квартира богатого еврея, сам он уже убит, а ценности подготовлены для вывозки. У них были две очень интересные дамы, которые знакомились с евреями, выбирая богатых. Пистолеты они носили в бюстгальтерах, пряча в пышной груди. Потом я у Бочарова узнал, что тем же вечером взяли этих дам и группу бандитов прямо на квартире.

Лучше всего было дежурить в госцирке, сидел я всегда в директор-

ской ложе. Однажды директор цирка подбегает ко мне и зовет куда-то. Прибегаем, видим, в одном углу лежит новенький пистолет. Через несколько дней дежурный комендатуры, капитан Орехов мне говорит: «Смирнов, у тебя пистолет, принеси его, он проходит по какому-то делу в КГБ». На второй день я сдал его. Потом как-то директор говорит: «Пойдем быстро, там возле буфета держат молодого человека, вздумавшего украсть выручку». Я взял этого парнишку и повел в милицию. Он по дороге стал Христом Богом просить отпустить его. Отошли мы с ним на два квартала, и я говорю: «Стой, парень, и слушай внимательно. Я тебя отпущу, но с таким условием, чтобы я тебя в цирке никогда не видел». Через несколько дней на улице Суворова подходит ко мне группа молодых ребят, хорошо одетых, и говорят: «Товарищ лейтенант, мы должны вас угостить». Я говорю, что их впервые вижу и нет никакого повода для угощения. Они мне: «Вы в госцирке отпустили нашего парнишку». Ах, вот в чем дело. Конечно, я категорически отказался. Но этот случай для меня был поучительным. Я сказал сам себе: «Надо быть более осмотрительным и не принимать необдуманных решений, вроде того, что на рынке, а то и голову потерять можно».

Однажды, находясь возле памятника Свободе, вижу, офицер гонится за мужчиной, но не может догнать. Я по долгу службы обязан оказать содействие этому офицеру. Бежавший видит, что его могут схватить, и с 3-х шагов выстрелил офицеру прямо в сердце! Но случилось чудо - у него в левом кармане гимнастерки была записная книжка, пуля попала в блокнот – книжку и остановилась на выходе из книжки, не пробив ее. Бежавший по улице Меркеля заскочил в здание университета и как сквозь землю провалился, не могли найти.

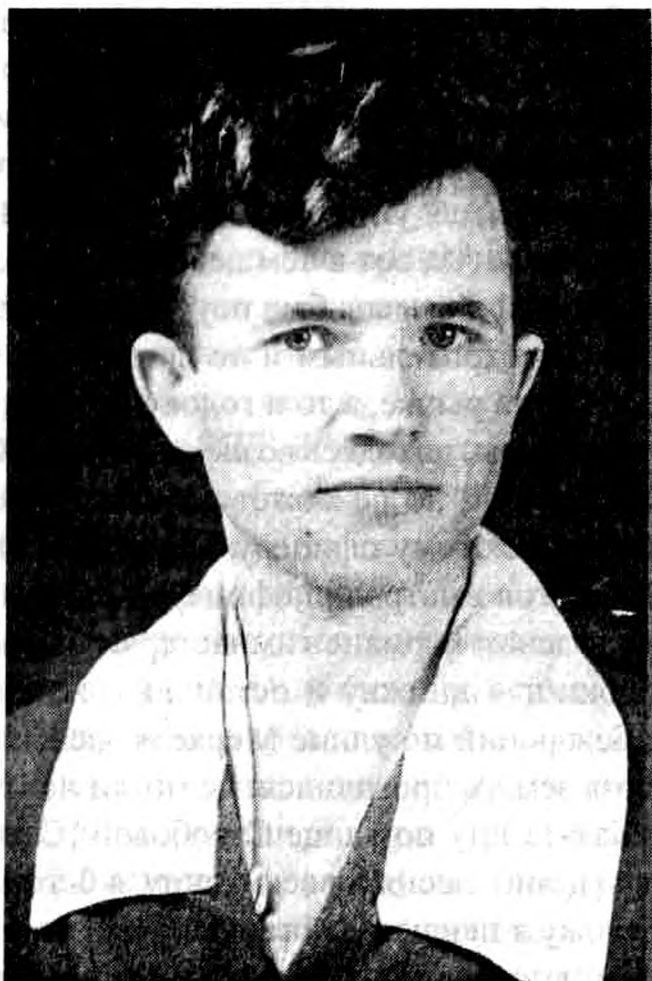
Как-то иду по улице Столбовой (Стабу), слышу, как на улице Дзирнаву гремит песня на всю улицу, я бегом туда. Время - второй час ночи. Подхожу к певшему, останавливаю его, оказывается, дьячок идет домой после церковной службы в дымину пьяный. Он показал мне документ, что он демобилизованный капитан. Он долго звал меня зайти к нему в гости, но я, проводив его до дома, сказал, что нахожусь на службе.

Проводив дьячка, я с улицы Дзирнаву перешел на улицу Суворова и пошел в сторону вокзала. Дошел до улицы Кирова, решил, что мне сейчас нужно идти к памятнику Свободе, а там надо зайти в ресторан «Луна», где напившиеся господа офицеры выясняют отношения не только кулаками, но и пистолетами, и поэтому директор ресторана всегда просит обязательно заглядывать к нему, особенно поздним вечером. Однажды разгулявшиеся офицеры переломали много стульев и столов, пока не пришли военные патрули. Идя по улице Кирова, дошел до ули-

цы Кришьян-Барона, где на углу парка стоял газетный киоск. От этого киоска по диагонали идет дорожка, которая проходит поблизости от памятника Свободы, куда мне и надо. Вдруг под самым носом перебегает мне дорогу матерая крыса, от неожиданности я даже остановился. Мне пришла в голову мгновенно мысль, что это не к добру. Хотел изменить маршрут, немного поколебался и все же пошел прямо, как наметил. Подхожу к памятнику и вижу, на краю бульвара Аспазия в сторону Бастионной горки стоят наши офицеры. Я направился к ним. Чуть приостановился и вдруг... одиночный выстрел. Все стоим, как столбы, не можем понять, что произошло.

Я был в новой шинели из сукна, подарка английской королевы. Со стороны Даугавы потянул слабый ветерок, который колыхнул полу моей шинели, и я заметил дырку, а ведь ее не было. Раз дырка спереди, значит, должна быть дырка и сзади. Стал осматривать сам себя. Расстегнул шинель и стал ощупывать левое бедро, верхнюю часть, когда руки нащупали дырку, тогда хлынула кровь, и ощутил тупую боль во всем бедре. Ребята вызвали дежурную машину комендатуры и увезли меня в окружной военный госпиталь № 289.

Положили меня в хирургическую палату. Я оказался рядом с лейтенантом Ефимовым. Утром увидел, что у него нет руки и ноги. Стал спрашивать его, как это все случилось? Он говорит: «Меня с группой солдат послали задержать банду из нескольких человек, оказалось, что наш приезд был им известен, и они устроили засаду. Поезд остановился на безлюдном разъезде, и мы стали выходить из вагонов. В этот момент нас встретили прицельным огнем, разрывными пулями. Мы пострадали, а бандиты скрылись. Мне всадили две разрывные пули в ногу и в руку. Вот такую цену я заплатил за эту поездку - ногу выше колена и правую руку выше локтя».

1946 год. Рига, госпиталь

Я в этом госпитале подружился с медсестрой, которая стала моей женой. По этому случаю старшина нашей роты Вася Ширшов устроил вечеринку, на которой присутствовали человек десять. На второй день сошлись у старшины в каптерке, где Вася мне говорит: «Павел, ты не вздумай на ней жениться, не будь дураком, это тебе не жена. Послушай меня, ведь я постарше тебя. Стало быть, и опыта побольше». Я не послушал совета и на ней женился, чем испортил себе жизнь. А Васю Ширшова вспоминаю всю жизнь и удивляюсь, как он смог разглядеть в ней неспособность к честной супружеской жизни.

Находясь на гарнизонной службе, мы первые узнавали, сколько военных за истекшую ночь поступило в городской морг. В основном отравленных - в бутылки пива вводился какой-то яд, неошутимый во время приема, а через несколько минут выпивший падает с пеной у рта. Вот так сразу после войны истребляли нашего брата.

В октябре 1945 года я получил телеграмму, что отец тяжело болен, срочно надо выезжать. С этой телеграммой пришел к командиру полка подполковнику Перловскому, он, прочитав, сказал: «Иди, оформляй отпуск». Я был очень взволнован тем, что после такой жесточайшей войны живой приеду домой в свою деревню Тихую, где мне все родное, даже в лесу на несколько километров все мне хорошо знакомо.

Приехал на станцию Мантурово, где узнаю, что машины до Кологрива ходят не часто, автобусного движения тогда не было. Чемодан сдал в камеру хранения, а сам пошел пешком. Пошел из Мантурова уже на исходе дня, прохожу первую деревню Вочерово, вижу группу ребятшек, они запели песенку, которую я никогда не забуду:

Лейтенант, лейтенант!

Хромовы сапожки,

Если девки не дают,

Попроси у кошки.

Дошел до деревни Елизарово. Было уже темно, и я подсвечивал фонариком «Даймон Фокус», а паромщики подумали, что это подъехала тихонько легковая машина, и приехали за мной на пароме. Они удивлялись свету этого фонарика и с интересом его разглядывали. Идя по деревне Елизарово, вижу, что в деревне праздник, спрашиваю, что за праздник, говорят «Фролы». Здесь я решил переночевать. Определил дом, зашел, попросился переночевать. Это был дом Зеленовых. Их младшая дочь Маруся была дома, она была настолько красива, что у меня застучало сердце. Она работала за рекой учителем начальных классов. Мы очень долго беседовали, обменялись фотографиями и переписывались. Я даже вызов ей присылал, но она ехать побоялась, писала, что только

сам приезжай. Сам я приехать не мог, потому что отпуск уже использовал. Видимо, не судьба. Через несколько лет мы встретились в деревне Елизарово в ее родном доме. У нее было уже двое детей, дочка старшая и за ней сын, ему было лет десять. По приезду в Ригу я купил лакированные туфли «Модерн» и послал Марусе, написав, чтобы носила и вспоминала нашу несбывшуюся мечту. Я считал, что пред Марусей и ее семьей моя совесть осталась чиста.

Деревня Тихая небольшая, всего тридцать два хозяйства. Когда зашел в нее, вижу, что все дома стоят на месте. После войны вернулся в деревню Смирнов Александр Павлович – ефрейтором. Его брат Алексей Павлович не вернулся сам, а также и его два сына – Николай и Геннадий. Их сосед Николай Маркелович Редькин не вернулся сам и его сын Дмитрий. У Беляева Николая Ионовича не вернулось два сына – Николай и Александр. Погиб мой двоюродный брат Смирнов Александр Александрович. Также не вернулись домой: Соколов Алексей Александрович, Лебедев Алексей Николаевич – Лелик, Шипов Павел Игнатьевич, Чесноков Павел Николаевич, Тихомиров Василий Емельянович, Соколов Алексей Федорович, два брата Кудрявцевы – Владимир и Павел Абрамовичи, Угаров Александр Федорович, Румянцев Николай Семенович, Смирнов Алексей Маркелович, Веселов Алексей Александрович. Всего погибло из деревни Тихой двадцать человек.

За время этого отпуска я побывал в гостях в деревнях Романово, Головино. В деревне Половинново был у двоюродного брата Хробостова Анатолия Яковлевича на празднике Поясовской. Пока ходил по гостям, мой отец Владимир Макарович готовил вечеринку для моих проводов. Выгнал самогонки. На вечеринке я играл на гармонии Николая Ивановича Иванова, он привез ее как трофей из Польши, он был старшиной эскадрона, участвовал в Польской кампании. Вечеринка прошла хорошо. Переплясались все. Мой дядя Алексей Степанович Березин гово-

**1946 год. Рига.
С братом Сергеем**

рил, что в жизни так не плясывал, а вот у Павлухи поплясал. Привели меня мать опять на Ласточке, до самой станции Мантурово.

Только на этот раз я поехал не один, а повез с собой меньшого брата Сергея и устроил его в Риге в Морское ремесленное училище. Тем же приехали ко мне без согласования брат Леонид и сестра Валя, и получилось, что все семейные заботы перешли на меня. А в мае 1946 года при массовому сокращению войск меня демобилизовали.

ЧАСТЬ 4. ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ

Краснодеревщик

ПОСЛЕ того как завершился полный разгром фашистской Германии и в Европе воцарилась мирная жизнь, замолкли артиллерийские канонады, не слышно автоматной трескотни и не стало рукопашных атак, солдаты и офицеры вздохнули полной грудью столь долгожданный, мирный и ласковый воздух. Этот дорогой мир достался великой ценой нашему народу.

В первой половине 1946 года по приказу № 100 министра обороны Советского Союза маршала Жукова Г.К. произошло массовое сокращение армии. От дивизии оставался где полк, а где батальон, иногда вся дивизия расформировывалась. Бывало, на бумаге числился стрелковый или другого рода полк, а фактически личный состав полка состоял из одних офицеров, а солдат было оставлено только необходимое число для караульной службы.

Конечно, никто не знал, когда произойдет сокращение войск. У нас в 125 гвардейском стрелковом полку командир полка подполковник Перловский созвал офицерский состав полка и объявил: «Товарищи офицеры, устраивайте свою семейную жизнь, вы будете продолжать службу и дальше». От тех, кто позорил нашу часть и честь офицера, мы уже избавились. К примеру, младший лейтенант Гриша Черныш, неисправимый алкоголик и разгильдяй, сел на десять лет за непреднамеренное убийство женщины, потому что всегда был пьян. А старший лейтенант Смирнов всем своим существом чувствовал, что при первой возможности его из армии «уйдут». Потому он делал «заготовку». Его со своим взводом послали на заготовку сена для лошадей части, в район Валги, к эстонской границе. Когда ехал в часть на машине, груженной сухим сеном, то по дороге посадил женщину, которая спешила в Ригу. В итоге ее золотые часы оказались на его руке. Я после гарнизонного наряда пришел в часть, чтобы проверить, все ли солдаты пришли в казарму. Старшина роты Василий Ширшов мне говорит: «Тебя завтра к 9.00 вызывает уполномоченный СМЕРШ». Я был ошарашен, ведь никогда и нигде не вступал ни в какие связи и в разговоры с отрицательными элементами. Но в чем же дело? Захожу в кабинет уполномоченного и вижу, сидит женщина и внимательно меня рассматривает. Уполномоченный ей говорит: «Ну, вот вам гвардии лейтенант Смирнов. Он или нет?» Женщина отвечает, что нет, не он. Вот тут и разобрались.

В июне 1946 года пошла демобилизация нашей 43 гвардейской Латышской стрелковой дивизии. Я получил четыре тысячи пятьсот руб-

лей расчета и снял погоны. Жил я тогда в городе Риге, на улице Пакалниешу (Подгорная) возле Кишозера и Бабеля-озера, здесь же была построена подземная электростанция, работавшая на мазуте. Но немцы, убегая из Риги, ее взорвали. Ленинградский институт долгое время ее изучал, потому что она была построена голландскими специалистами по последнему слову инженерной мысли.

1946 год. Рига. С женой

Последнее время службы политруки и парторги говорили: «Работу вы сами не ищите, приходите в райкомы партии, и там всем дадут работу». Я так и сделал. Пришел в Пролетарский райком партии, представился. Работники райкома со мной познакомились, спросили откуда родом, кто родные, где живут и т.д. Предложили работу на меховой фабрике заведующим складом готовой продукции. Я, конечно, на эту работу не согласился.

В очередной раз поехал в город посмотреть объявления, где кто требуется. Иду по улице и встречаю бывшего нашего замкомбата Сашу Рамковича. Остановились, поговорили и решили пойти работать в милицию. Пришли в бюро пропусков и удивились! Там стояла очередь доблестного офицерства, не одна сотня человек. Мы стали с некоторыми разговаривать и выяснили, что сюда приехали со всех концов, даже с Дальнего Востока. Все потому, что эти люди не имели никакой специальности.

После дневного странствия по Риге я пошел домой по улице Бривибас Гатве, прошел цех ременных изделий. Смотрю, прибит к забору огромный щит – объявление. Читаю, требуются, в том числе столяры-белодеревщики и столяры-краснодеревщики и их ученики. Решил зайти. Директор завода Николай Михайлович Юшкин очень тепло меня встретил. Рассказал про условия работы и перспективы на будущее. Я попросил разрешения пройти по цехам, он любезно согласился. Прошел сначала по белодеревному цеху, потом пошел в краснодеревный цех. В то время, в начале 1947 года, делали спальный гарнитур А.Н. Косыгину,

отделанный красным деревом чинарой, с глянцевой полировкой. Я подошел к платяному шкафу и не могу от него оторваться, он как магнит притягивает к себе. Вижу другой гарнитур – гостинный, просто сказка. Я в своей жизни ничего подобного не видел. Хочу уйти, но не могу оторваться от этих чудес. Вот тут и решилась моя дальнейшая судьба.

Я зашел к директору и сказал, что никуда не пойду, приду к ним столяром, хочу делать такую мебель, она радуется, скрашивает жизнь людей, радуется душу человека. Написал заявление о поступлении на работу в качестве столяра. Уже на следующий день пришел на завод с основными рабочими.

Техноруком завода был Вильхельм Янович Копманис, человек большой доброй души. Побеседовали мы с ним основательно. Я ему сказал, что столяром нигде не работал, но в моем роду все ремесленники, дома делал табуретки и столы. Вильхельм Янович поставил меня в белоде-ревный цех и дал для пробы восемь оконных блоков – футорных. Качество работы признали отличным, а вот времени затратил только на пятый разряд, значит, на шестой не дотянул, но ведь и пятый хорошо, потому что впервые в жизни делал такую работу. После того, как я освоился в цеху, Вильхельм Янович назначил меня мастером в заготовительный машинный цех. Он говорил мне: «Павличек, тебе надо знать работу на станках, и тогда ты будешь настоящим мастером». Сейчас, когда мне уже 87 лет, я с глубокой благодарностью вспоминаю Вильхельма Яновича, он мне оказывал большую помощь на пути мастерства высокого класса.

**1948 год. Рига. ДОЗ №1,
мастер столярного цеха**

После того, как я освоился в машинном цехе, Вильхельм Янович говорит: «Ну, что, Павличек, я вижу, что ты и здесь уже хорошо освоился, я перевожу тебя в цех краснодеревщиков». Я бесконечно рад этому сообщению, сбывается моя мечта. За год освоился здесь и стал делать такую мебель, как и старые мастера-латыши. Они признали меня, как мастера их ранга, даже восхищались, что я так быстро освоился.

Вскоре Вильгельма Яновича выдвигают в депутаты Пролетарского райсовета города Риги, а директор завода Юшкин Н.М. рассчитывается и уезжает в Москву. На его место заступает главный инженер треста Купцов Валентин. Начальник производства Шнейдер и управляющий трестом Морозов Валерий Васильевич предлагают Купцову и Копманису сделать им классную мебель за счет завода. Изделия запустили в производство. Но Вильгельм Янович, как человек абсолютно честный, их изделия записал в книгу заказов, все стало на официальный путь.

Морозов недоволен решением Купцова и Копманиса, созывает кузовое собрание. Выступление Морозова на этом партсобрании было посвящено целиком и полностью неудовлетворительной работе директора завода №1 Купцова В. Из присутствующих никто не выступил. Все поняли, что Морозов «катит бочку» на Купцова. После зачитания проекта решения я взял слово и разнес Морозова как надо. Заявил, что если он, Морозов В.В., будет продолжать свою ложь, то я пойду в горком партии и там все расскажу, в чем суть дела. После этого Морозов, смотрю, поостыл. Я в то время был секретарем парторганизации завода, не освобожденным, конечно.

После этого собрания Морозов решил идти другим путем. Он решил сначала убрать меня с завода, а потом никто мешать ему не будет. Он издал приказ по тресту о том, что мастер сборочного цеха завода №1 Смирнов Павел Владимирович по изделиям Главмосстроя допустил много брака в оконных и дверных блоках, что недопустимо по ГОСТу и техусловиям. Например, зазоры между оконной рамой и коробкой не соответствуют ГОСТу. То же и с дверными блоками. В связи с этим приказом начальника треста мастера Смирнова В.П. от обязанностей необходимо освободить, произвести полный расчет и уволить с завода. Я с этим приказом поехал к первому секретарю Пролетарского райкома партии тов. Тихвинскому. Он прочитал его и спрашивает меня, в чем суть дела. Я ему рассказал все, что знал. Тогда секретарь Тихвинский созвонился с министром, объяснил. Министр сказал: «Передайте Смирнову, что пусть продолжает работу, а с Морозовым я разберусь». После этого Морозов успокоился, а его приказ министр отменил.

В то время были организованы шестимесячные курсы повышения квалификации руководящих работников предприятий истроек республики с отрывом от производства. Когда я окончил эти курсы, технорук завода Вильгельм Янович ушел с завода, не стал мириться с грозой между трестом и заводом. Обязанности технорука возложили на меня. Работая техноруком, нахожусь в кабинете, и вдруг телефонный звонок. Секретарь министра Марья Васильевна говорит: «Павел Владимиро-

вич, вас вызывает замминистра Жан Кришьянович, просил обязательно приехать». Приехал в министерство, Жан Кришьянович Берг встретил меня очень тепло. «Павел Владимирович, нам нужен директор завода номер четыре в городе Добеле, это в Курляндии, ты, наверное, там был во время войны». Я говорю, да, немного знакомая местность. «Так, вот, - говорит замминистра, - мы решили послать туда тебя. Ты молодой, энергичный, дело свое знаешь, а главное, что мы тебя знаем, ты вырос у нас на глазах. Поезжай туда и разворачивайся, мы на тебя надеемся». Я говорю: «Жан Кришьянович, это для меня большая неожиданность, и мне надо хорошо осмыслить».

-Ну, два дня тебе хватит?

-Да хватит.

-Ну, вот и хорошо. Через два дня жду тебя за получением документов на право руководства заводом.

Прошло два дня, захожу к Жану Кришьяновичу, а он не дает мне очухаться и сходу говорит: «Павел Владимирович, а мы за эти два дня подобрали человека на твое место. Он инструктор промотдела Пролетарского райкома партии Зейбот Арвид Арвидович, латыш. Здесь в городе он у нас на глазах, а тебе надо работать сугубо самостоятельно, и посылаем мы тебя, потому что мы тебя знаем и верим, что ты с этой задачей справишься. Ну что же, Павел Владимирович, поздравляю тебя с должностью директора завода №4. Сейчас тебе принесут все документы на право руководства заводом, и ты с сегодняшнего дня являешься нашим директором завода, причем самым молодым, в 27 лет».

При выходе из кабинета Жан Кришьянович говорил мне много напутственных и добрых слов. Я попрощался с Марьей Васильевной и вышел из министерства полноправным директором. Вышел на улицу, остановился и думаю, что мне сейчас нужно купить? Да, у меня нет хорошего портфеля и нет часов. Первое, что купил -хороший директорский портфель. потом купил наручные часы «Звезда».

Пока я работал на заводе №1, часто встречался с офицерами-однополчанами. Замком полка подполковник Кузнецов устроился инструктором в какой-то конно-спортивный клуб, как старый кавалерист. Лейтенант Французов устроился начальником отряда в ИТК общего режима. Младший лейтенант Кильюн - продавцом в охотничье-рыболовный магазин, лейтенант Глухарь – продавцом в палатке на Матвеевском рынке, капитан Урган Антон и старший лейтенант Крустас устроились малярами. Младший лейтенант Урган Владимир – младший брат Антона - устроился шофером, а вот Ронис стал министром культуры. Командир 125-го гвардейского Латышского стрелкового полка был назначен военкомом

г. Вентпилс. Командир пулеметной роты старший лейтенант Иванов устроился в г. Крустпилс заведующим хозмагазином, впоследствии получил 5 лет за растрату из-за пьянки. Наш замкомбат Саша Рамкович устроился начальником подсобного хозяйства на большом заводе, имел литерный паек. Младший лейтенант Фегин стал адвокатом в юридической консультации Пролетарского района. Младший лейтенант Малыгин устроился гардеробщиком в ресторане «Астория». Лейтенанты Лобанов и Алтэнзель дослужились до полковников. Командир минроты старший лейтенант Вешняков опять пошел служить, призвали после демобилизации. Лейтенант Курилов Дима уехал домой в Житомирскую область. Лейтенант Кампернаус уехал домой в город Уфу, хотя он и латыш, а родился в Уфе. Младший лейтенант Куковеров устроился в милицию на должность старшего сержанта. Вот такой расклад был при переходе с военной на мирную жизнь.

Приехав домой, показал своей супруге все документы и сказал, что я теперь полноценный директор, завтра утром поеду на новое место работы.

Приехал на вокзал, купил билет до города Добеле. Пока ехал в автобусе эти семьдесят два километра, много чего передумал. Я не боялся и не сомневался, что справлюсь. А вот как коллектив? Ведь это Курляндия! И этих людей немного знаю, ведь я закончил войну в Латышской стрелковой дивизии и солдатами был очень доволен, в послевоенные годы я опять работал с латышами и хорошо ладил. Вспомнил, как недавно провёл кампанию по подписке на заем. Тогда завод №2 был присоединен к заводу №1 и стал называться цехом №2. В этот цех были посланы работники из министерства и из райкома партии. И, к сожалению, провалили кампанию. Люди не стали с ними разговаривать и сказали, чтобы не отрывали от работы, все равно никто не подпишется. У себя на работе я подписку провел, хотя и с большим трудом. Я хорошо знал, что если подпишется Агриньш, то остальные все подпишутся. Когда я стал разговаривать с Агриньшем, он сказал: «Я знаю, что на тебя Смирнов-кункс, давит начальство, и я подпишусь, потому я тебя, Смирнов-кункс очень уважаю».

Когда в министерстве и райкоме узнали, что я подписку закончил, секретарь райкома мне звонит, чтобы я пошел во второй цех и там тоже провел подписку. Я узнал, что представители провалились с подпиской, и понял почему. Пошел к самому лучшему мастеру-краснодеревщику Эрмику, он тогда делал двери на ВДНХ дубовые, одно полотно стоило пять тысяч рублей. Эрмик встретил меня, дружелюбно улыбаясь. Беседовали мы с ним долго. Подписываясь, он мне сказал: «Подписыва-

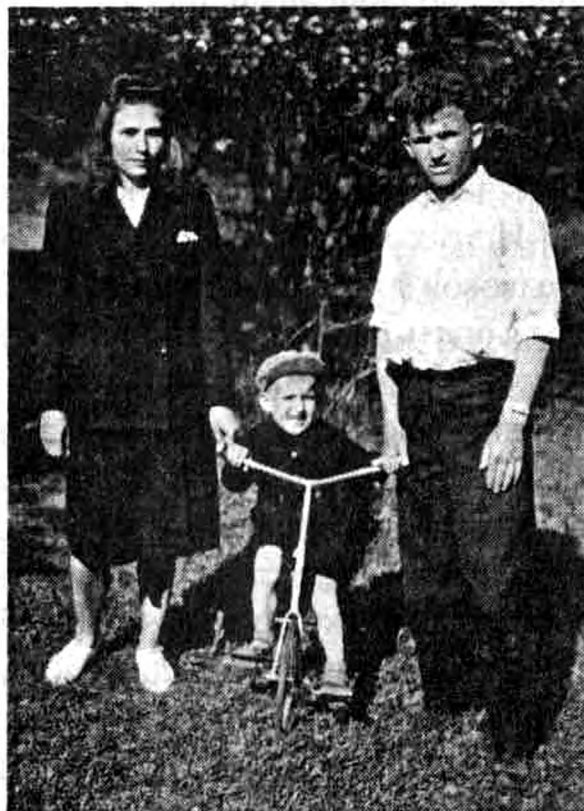
юсь только потому, что тебя, Павел Владимирович, все мы уважаем». Я никого в контору не вызывал, а сам подходил на рабочее место. От Эрмика пошел к мастерам-краснодеревщикам самого высокого класса. Когда начинаю разговор, то в первую очередь спрашивают, а как подписался Эрмик? Когда видят подпись его, то немного покуражатся для проформы, а все равно подпишутся. Так в цехе №2 была завершена эта политическая кампания.

Дорога от Риги до Елгавы абсолютно прямая и автобус идет с повышенной скоростью, а дорога между Елгавой и Добелем извилистая, и автобус то разгоняется, то притормаживает. Наблюдаю за местностью. Больших лесов нет, а вот небольших участков леса много. Эти все лесочки были частные. Кое-где видны разбитые хутора – начинается Курляндия, здесь проходили ожесточенные бои. На полях видны разбитые танки и машины, орудия разного калибра, мелкого оружия не видно из-за высокой травы. Вот и город Добеле.

Автобус остановился на площади в центре города. Зашел в контору завода, представился. Вижу, мой приезд не был неожиданностью. Им кто-то из треста сообщил по телефону. Попросил секретаря созвать весь руководящий состав завода, познакомились. На второй день собрали собрание всего коллектива. Вопросов ко мне почти не было. Только спросили, сколько мне лет. Между собой говорили, что директор уж больно молод. Это работа хозяйственная, а у него за плечами, мол, только война.

По результатам работы завода за третий квартал была получена премия «прогрессивка», какой коллектив не знал раньше. Я на эти премиальные купил ружье «Симсон», с которым охочусь всю жизнь, оно до сих пор меня не подводит. Это как память о моей работе на должности руководителя завода в двадцать семь лет. Конечно, работа была нелегкой, но с коллективом сработался.

Старый бывший директор завода Козлов Василий Семенович еже-

**1951 год. Город Добеле.
С женой и сыном
Станиславом, ему 4 года**

дневно приходил на завод и все выяснял, как относятся рабочие к смене руководства. Я к нему не имел никаких претензий. А он, оказывается, ходил с определенной целью, склоняя людей к организации пакостей, в результате чего меня бы с завода убрали. Конечно, эту пакость должны организовать мастера с техноруком.

Однажды прохожу мимо машинного цеха, обратил внимание, что тихо, не работает ни один станок. Захожу в цех, подошел к Гривстану, он работал на фрезерном станке, и спрашиваю: «Почему стоишь, в чем дело?» Гривстан отвечает, что нет материала. Подхожу к другому, третьему и т.д. Тот же ответ у всех. Вижу, лежат стопками бруски разных размеров. Прошу одного рабочего найти мастера Парра Карла. Когда он подошел ко мне, я его спрашиваю: «Почему станки не работают?». Он отвечает: «Нет материала». Техноруку Виксне Фрицу задаю тот же вопрос: «Почему стоят станки?». Он тоже отвечает: «Нет материала».

-Какой заказ находится в работе?

Он называет.

-Чертежи есть?

-Есть.

-Дайте мне эти чертежи.

Я взял чертежи, подошел к стопкам и стал измерять, где двери, где окна. Когда они увидели, что их сейчас выведут на «чистую воду», заговорили между собой по-латышски. Я понял, что они запаниковали, что провалились окончательно. Тогда всем сказал: «Дайте людям работу, а сами ко мне в кабинет». Когда все собрались, я обращаюсь к техноруку: «Поскольку ты, товарищ Виксне, отвечаешь за все производство, то и за эту контру будешь отвечать полностью». Объясняю им, что я - столяр – краснодеревщик седьмого разряда, а это высший разряд, который дает право на работу в деревообделочном производстве в любой должности.

Впоследствии эти заговорщики смеялись при мне, говоря, что хотели директору подложить свинью, но чуть не съели ее сами. Потом я увидел Козлова на территории завода, подошел к нему и сказал, чтобы он на завод забыл дорогу. После этого заговора никто не высказывал отрицательного мнения, и работа шла нормальным руслом. Но надоело мне работать почти без оборотных средств, и я подал министру заявление на увольнение.

На Украине

ТЕПЕРЬ мне захотелось испытать судьбу на Украине. Супруга уговорила меня поехать на ее родину – на Сумщину. Приехал я в город Шостку, в небольшой, но с важной промышленностью городок.

Пришел в горком партии в промышленный отдел. После непродолжительной беседы мне предлагают пойти начальником лесозавода. Я сходил туда, познакомился с работой, узнал, сколько выпускается оконных и дверных блоков, половой доски, наличников, плинтусов и лесопиления. Узнал, что за год здесь меняются два, а то и три начальника. Были то сапожники, то пирожники, то мукомольщики, то еще какие – то, но только не деревообработчики. Но меня ничего не пугало. Все это производство мне под силу. Приехав в горком, я сказал, что согласен. Написали бумажку директору управления, и на следующий день вышел на работу. Этот лесозавод обеспечивал стройку первой категории и входил в состав треста Укрутлепромстрой, который находился в городе Харьков.

В работу цеха столярных изделий я внес некоторые изменения в лучшую сторону. Например, строители жаловались, что дверные полотна рассыхаются и разваливаются, и грешат, что их делают из сырого материала. Я им отвечал, что это не так. Материал даже пересушен. Весь пиломатериал обязательно должен пройти воздушную сушку. А у нас нет возможности сделать хотя бы месячный запас, пролежавший в штабелях, доски загружаются в сушилку прямо из-под пилюрамы. А выгружаются из сушилки с влажностью четыре процента, то есть пересушены. Изготовленные из такого материала двери, пробывшие на вольном воздухе, проходят естественную сушку, т.е. из клеток древесины выходит остаточная влажность, после чего дерево мертвеет, и потому оно не расширяется и не сужается.

Однажды я пошел на лесопилку и увидел доски с неопишуемой текстурой, правда, я немного опоздал, часть их увезли на стройобъект для опалубки, а эти я велел погрузить в сушилку. Сушильщику дал наказ, чтобы он передал своим сменщикам проследить, чтобы их не увезли никуда, а сообщили бы мне об их готовности. Я из этих досок сделал платяной шкаф трехдверный. Когда отделал, то получилась красота неопишуемая. Удивительно, как могла вырасти такая сосна. Когда шкаф простоял в квартире год, то все щиты его, т.е. боковые стенки и двери усохли на 15 миллиметров, не потрескались, потому что я это предвидел и сделал свободный ход. Внесенные мной изменения потом внедрили и на все предприятия треста.

Были случаи, когда лежали штабеля половой доски и вагонки, а из близлежащих сел воровали по ночам, увозили на быках эти готовые доски. Воза были настолько велики, что колеса телеги врезались глубоко в землю дороги. Я на велосипеде ехал по этой колее до самого виновника кражи.

Было и такое. При приеме на работу нового человека я спрашиваю, настоящий ли он столяр, или конвейерно-поточный. А разряд у него высокий, пятый или шестой. Если поступающий уверяет, что он столяр настоящий, тогда я ему говорю: «Я дам тебе сделать изделие на пробу, изделие твоего разряда, и чтобы уложился во время, и, конечно, качество работы». Даю этому человеку подробный эскиз, он идет в цех. Я думаю, что он подбирает материал, а он, оказывается, не знает с чего начинать. Подходит к столярам за советом, показывая им эскиз и спрашивая, как надо начинать. А столяра ему говорят: «Иди к начальнику, он тебе все расскажет подробно и даже покажет». И так человек ходит день и два, потом приходит ко мне и говорит: «Товарищ начальник, я согласен на разряд, какой дадите». Я отвечаю, что здесь не может быть никакой обиды, разряд должен соответствовать квалификации.

Было и такое – столяры постоянно в рабочее время делали какую-то халтурку. Начальники не могли определить, что он делает, и проходили, не сделав никакого замечания. Люди привыкают к халтуркам, и она, как болезнь, поражает всего человека, и он не может притормозить, остановиться, его тянет к халтурке, как магнитом. Такая тенденция наблюдалась и в первое время моего прихода. Бывало, иду по цеху и смотрю, кто что делает. Кто делает программу, к тем не подхожу. А вот тем, кто делает халтурку, говорю: «Сколько стоит твоя халтурка?», он не знает что ответить. Тогда я ему говорю: «Рыбную ловлю надо заканчивать». Когда такое замечание получили несколько человек, люди между собой начали говорить, что этот начальник, видимо, столяр, а не сапожник.

Однажды я понял, что надо показать себя. Стал делать скамеечку, маленькую, чтобы на ней было удобно обуваться и разуваться. Взял березовую доску дюймовку, обрезал, прострогал и начал работать инструментом соседа по верстаку. Интересно было видеть, как молодые мастера наблюдают за мной. Они очень ревниво и колко стараются определить, правильно ли делаю. То ли хотели меня поставить в неловкое положение, то ли просто унизить. Ножки соединял в ласточкин хвост, делал развал, причем не пользовался ни угольником, ни рейсмусом, все делал на глаз, это видели все наблюдатели. Когда изделие было сделано полностью, я поставил его на верстак и сказал: «Нате, проверяйте развал, разница там не более одного миллиметра». Хотя сам-то я не проверял. Вот они крутят, проверяют и критиковать не за что, все было как надо. Это был мой первый показ себя. Второй показ – шкаф. После чего авторитет мой был непререкаем.

Задумал как-то сделать телерадиостолики с фигурными ножками. Когда выпиливал ножки на ленточной пиле, то мастера подходили и

спрашивали: «Что это будет?». Я в шутку отвечал, что это будут хомуты для молодых лошадей. Конечно, кто-то верил, а кто-то нет. Но ни один не смог определить, что именно это будет. Узнали только тогда, когда один столик выставил на рынке. После все столяры между собой смеялись, что вот какие они темные люди, не смогли отличить ножку от хомутины.

Был пренеприятнейший случай. Заведующим лесобиржей был бывший командир воздушного десантного батальона майор Шурыгин Александр Федорович. Он вел учет, сколько круглого леса подал на распиловку и сколько из этого получил главный инженер управления. На складе лесобиржи много было тонкомера хвойного и лиственного – березы и осины. Из нормального леса выход пиломатериала составляет 70% необрезного. Но когда сделали контрольную распиловку березы и осины, то выход получился 27%. А в конторе управления этого не признавали и говорили, что им нужна норма, т.е. 70 процентов. Вот на каждые 27% вешалось 43% воздушных, не существующих в природе. И в результате навешали на Шурыгина более четырехсот кубометров несуществующего пиломатериала. Материал передали в прокуратуру.

Прокурор пригласил меня на беседу для определения причин недостачи. Я подробно объяснил в чем дело. Прокурор после нашей беседы вернул дело обратно и написал о необходимости создания экспертной комиссии, которая бы произвела контрольную распиловку. Я был включен в эту комиссию, и были приглашены специалисты с других независимых предприятий. Контрольная распиловка показала наши проценты. Акт контрольной распиловки писал представитель управления, где умышленно подогнали 70%. Я этот акт подписывать отказался. Они понадеялись, что пройдет и без моей подписи, но не прошло. Прокурор спросил: «Почему Смирнов не подписал?», ответить не смогли, и дело опять вернулось назад. Вторая экспертная распиловка показала фактический выход. Я этот акт подписал первым. Руководители управления пришли в тупик. Куда девать воздушные, несуществующие кубометры? Как от них избавиться? Решили, что нужно решение суда, это единственный выход из создавшегося положения. Только на основании решения суда избавились от несуществующих кубометров, а от заведующего лесобиржей отпали всякие домыслы.

Не всегда бывает спокойное благополучие, иногда произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее. На этот раз сгорела проходная будка. Рабочий Яковенко грунтовал оконные и дверные блоки олифой «Оксоль», завезено которой было много. Простояв продолжительное время на складе, она сделалась как студень. Я сказал: «Иди на проходную, расто-

пи печку и разогрей». Он набрал этого студня целое ведро, когда олифа разогрелась, палочкой зацепил за душку ведра и стал поднимать над раскаленной плитой. Палочка лопнула, ведро упало боком и произошел разлив олифы на горячую плиту. Естественно, вспыхнуло пламя. Он растерялся, схватил ведро и разлил еще больше, едва успел выскочить сам. Огонь охватил всю будку.

Я не хотел вызывать пожарных, думал, пусть сгорит, поскольку она была вдалеке от остальных построек, и пожар ничему не угрожал, но кто-то из рабочих позвонил в пожарную фабрики. Смотрю, едет начальник пожарной команды фабрики Иванченко. Я ему говорю: «Да, леший с ней, пусть горит». Он говорит: «Нет, я не могу не тушить». А в это время пожарных фабрики позвонили во все пожарные команды, а их в городе пять, что горит лесозавод, а не проходная. Пожарных машин приехало много, я даже и не думал, что в городе их столько. Приехали представители горкома, горисполкома, милиции, КГБ. Шутка ли, горит лесозавод! По тушению работала одна машина Иванченко, остальные развернулись и уехали назад.

**1957 год. Черниговские лагеря.
Военные сборы**

Когда пошла компания по укрупнению промышленных предприятий, лесозавод, кирпичный завод и железобетонно-шлакоблочное производство объединили в один завод «Стройдеталь», оставив там не начальников цеха, а старших мастеров. Моя должность сокращалась. И я ушел, проработав здесь пять лет. В городе устроиться на какую-то

должность и думать было нечего. Каждый день в отделах найма стоят очереди до семидесяти человек, предлагающих свои услуги. Но надо куда-то устраиваться, без работы жить нельзя. И пошел я столяром на фабрику киноплёнки «Свема». Это было растущее предприятие, на котором почти полностью воссоздали немецкую фабрику киноплёнки «АКФА». Постройкой цехов и расстановкой оборудования руководили немецкие специалисты. Деревообрабатывающий цех занимался в основном рамками для фильтров, изготовлением и ремонтом сердечников

к машинам основы, а также было отделение, где изготавливали катушки для фильмов и удовлетворяли текущие потребности фабрики. Я с напарником Толстиковым Ананием Андреевичем выполнял работу по ремонту сердечников машин основы. Эти сердечники должны быть полированы, и любому эту работу доверить нельзя.

Я, как заядлый охотник, быстро познакомился с некоторыми из охотников. Сразу встал на учет. Председателем охотколлектива района тогда был Григорий Евтихович Шолохман, он меня тоже связывал с охотниками. Первыми моими друзьями стали Жора Ефремов и Жога Николай Никонович. Я должен отметить, что таких специалистов встречается немного. Он сделал мне охотничью трубу, которая цела у меня до сих пор, она мне служит более пятидесяти лет. Николай мог отливать из золота и других ценных металлов кулоны, медальоны, броши, перстни и вставлять бриллианты и драгоценные камни. Он делал рыболовные крючки, каких нигде не купишь. Это был мастер самого высокого класса.

Охотничья жизнь здесь была отличная, у Десны очень хорошие водоемы – старицы. В них было много уток всяких пород. Самые лучшие места - это Мезинские луга. Само село Мезины находится на высокой меловой горе, на правой стороне Десны, а охотничьи угодья - на левой стороне, это уже Черниговская область. И сюда приезжает на охоту черниговское областное начальство, потому что здесь водится в основном крупная утка. Бывало и так, что охотники из Шостки встречаются на лугу с черниговцами и договариваются, когда начинать охоту. Как правило, начинали в субботу вечером. И вдруг кто-то пальнул раньше, тогда два – три человека бегут на место выстрела и отбирают ружье у нарушителя договоренности. Такие переговоры вести с черниговцами приходилось и мне.

На фабрике киноплёнки я работал недолго. Меня пригласили на пороховой завод, как специалиста мебельщика. Когда началось серийное производство ядерного оружия, потребность в порохах и взрывчатках резко сократилась. Тогда директора завода Готовкина Николая Николаевича вызвали в министерство обороны и сказали: «С сокращением программы производства пороха и взрывчатки с завода не должен быть уволен ни один человек. Делайте, что хотите, а пока придумаете, копайте котлованы, где используйте всех высвободившихся рабочих и служащих, и платите им по среднему заработку. Когда котлован будет выкопан, то людям объясните, что надобность в строительстве этого объекта отпала, и потому котлован нужно засыпать. Денег дадим сколько нужно. Но чтобы ни один человек не был уволен. Освободившееся оборудова-

ние законсервируйте, а помещение закройте капитально». Руководство завода решило выпускать кухонную мебель. Вот по такому случаю я оказался на этом заводе.

Зачислили меня в деревообрабатывающий цех, и приступил я к изготовлению образцов и оснастки, для этой цели дали мне пять столяров. К изготовлению новой продукции все руководство относилось очень серьезно. Капитально ремонтировалось большое помещение бывшего серо-перегонного производства. Освободили три склада, одноэтажные кирпичные здания. С ходом капитального ремонта здания бывшего серо-перегонного производства в реммехзаводе делались станки, необходимые для мебельного производства. Реммехзавод находится внутри завода, как бы вроде самостоятельного цеха, но под общим руководством директора завода. Там могут делать любые станки, какие нужно. Я сделал список необходимых станков и сколько их нужно для нормальной работы, а когда основное помещение было готово, начальник цеха Коломлец Афанасий Афанасьевич попросил меня сделать разметку для установки станков согласно технологии. Я мелом начертил место каждого станка. Стали поступать станки и механики занялись их установкой. Когда все подготовительные работы были закончены, директор с главным инженером приехали в ДОЦ. В кабинет начальника пригласили меня и спрашивают: «Павел Владимирович, ты готов к приему людей?». Я отвечаю: «Готов».

-По сколько человек ты можешь принять?

-Человек по тридцать.

-Хорошо. Будут направлять к тебе по тридцать человек.

На следующий день пришла первая партия женщин, ровно тридцать человек. Для приема людей мне отвели красный уголок. Это была большая длинная комната, и стол в ней был длиной метров пять. Я сел на конце стола. Прибывшим женщинам сказал: «Садитесь по обе стороны стола поровну, по пятнадцать человек и все смотрите на меня». Стал знакомиться. Когда записал всех, то стал им рассказывать, что деревообрабатывающие станки очень быстроходные, до восьми тысяч оборотов в минуту, пальцы отрежут, и не услышите, не почувствуете. И так было каждый день, пока не укомплектовали мебельное производство. А пришло больше четырехсот человек. Таким образом, на заводе была создана целая мебельная фабрика. На этой фабрике работали в основном женщины, а мужчины занимались навеской дверок и выполняли обслуживающие функции, наладку – настройку станков и т.д.

Покраску столиков и буфетов производили нитрокраской цвета слоновой кости. Покраска производилась в покрасочных камерах, где были

созданы все условия безопасности. На этой покраске не каждая женщина могла работать. Даже на шпаклевке работали с «намордниками», т.е. с повязками, через которые дышали, открыты были только глаза. Шпатлевание получалось не у всех хорошо, и приходилось менять работниц, конечно, добровольно. В период освоения людям платили по среднему заработку. Все давалось непросто. Даже на такой простой операции, как сборка каркасов, и то не у всех получалось. Сначала на этой операции стояли несколько человек. Когда «набили руку», остались две молодые девушки, Валя и Неля. Они вдвоем стали обеспечивать дневную потребность выпуска готовой продукции. Готовую продукцию стали отправлять в Харьков. Железная дорога подавала только «пульманы». Поначалу мне пришлось заниматься и погрузкой в вагоны.

Постепенно ухудшились отношения с начальником цеха, потому что во мне он почувствовал конкурента на его должность. Правду сказать, я об этом даже мысли не допускал. Но он затаил на меня зло и решил от меня избавиться. Как-то, находясь дома, занимаюсь изготовлением тахты «Лира». Совсем неожиданно приходит ко мне посыльная горкома партии и говорит: «Павел Владимирович, вас приглашает первый секретарь Петр Иванович Видман». «Пойди в промкомбинат начальником мебельного цеха, - предложил Видман. - Там все склады забиты готовой продукцией, заказчики отказываются получать ввиду плохого качества. Поэтому облисполком издал постановление о закрытии промкомбината. Если пойти по этому пути, в городе увеличится число безработных, и без того в отделах найма ежедневно стоят по несколько десятков человек». Я говорю: «Петр Иванович, я согласен туда пойти при условии, что вы меня будете поддерживать. И вот почему: я хорошо знаю всех рабочих и столяров. Там в основном работают горлопаны, они работают горлом, а мебель нужно делать руками и на трезвую голову. Я разгоню разгильдяев и наберу тех, кто будет честно работать. Я могу пригласить лучших столяров с любого завода города, за мной идут люди, потому что хотят научиться делать настоящую мебель. Это мне говорили уже многие». И я получил заверение в поддержке.

В промкомбинат я пришел в апреле. Несколько дней ознакомился с обстановкой. Первое, что сделал, разогнал бригаду коммунистического труда. Ох, как все они поднялись на меня. Это была первая, созданная в городе, бригада. Они побежали в горком партии. Пришел инструктор из промотдела. Собрали всю бригаду, чтобы выяснить, почему я ее разогнал. Всем собравшимся я объяснил: «Мне очень стыдно называть вас бригадой коммунистического труда. Я просмотрел все изделия, вами сделанные, от которых отказались заказчики, и пришел к выводу, что

всех вас надо судить, чтобы вы заплатили за все изделия, которые сляпали, они годятся только на дрова».

Я объявил, что отныне никакая халтура не пройдет. Меня удивило то, что ящики и ящички не связаны в шип, а сколочены на гвозди. И за такую халтуру получили деньги как за рацпредложение. И бригаде назад дороги нет. После этого собрания несколько человек я отправил в распоряжение директора, потому что здесь они не нужны. Я организовал поточное производство по выпуску обеденных раздвижных столов и тумбочек под радио и телевизоры. Стали выпускать платяные шкафы рижского стиля. Популярность нашей продукции была на самом высоком уровне. За шкафами к нам приезжали даже из Житомира. Осенью того года в городе Сумы была выставка достижений народного хозяйства Сумской области, мы тоже участвовали. Наши изделия были вне конкуренции. Их показывали по телевидению и говорили, что мебельной промышленности нашей области нужно выпускать вот такую мебель. Наши изделия купили председатель облисполкома и председатель облместпрома.

После этой выставки к нам стали приезжать руководители мебельных фабрик. Приезжали из Киева, из института, изучая, как можно выпускать такую мебель в таких условиях. Однажды к нам обратился директор горторга с просьбой изготовить обстановку обувного магазина. Тогда я вместе с ним сделал эскизы на все, что должно создавать уют и красоту магазина, обозначил, что и на каком месте должно находиться. Фанеровали дубом и буком. Магазин получился удачный. Жители города были довольны и интересовались, где это делали, а когда узнавали, что все было сделано в своем горпромкомбинате, то все удивлялись.

Когда начали создавать СОВНАРХОЗЫ, то наш промкомбинат взяли сразу. Оказалось, что у нас выше всех был показатель съема готовой продукции с квадратного метра рабочей площади. Ни на одном промкомбинате и мебельной фабрике такого показателя не было.

Как-то подходит ко мне помощник начальника снабжения Гизунтерман и говорит: «Дай мне два обеденных стола без оплаты». Я спросил: «Кому это такой подарок ты хочешь устроить?».

-Мне один и один начальнику ОБХСС майору Никифорову.

-Нет, Гизунтерман, я сам ничего не беру и никому не даю.

-Ну, как знаешь, только потом не пожалей.

На его слова я не обратил внимания.

Как-то раз приходит ко мне мужчина и говорит:

-Вам не нужны столы – краснодеревщики?

-Нужны.

-Вы меня возьмите.

-А вы кто?

-Я краснодеревщик! Работал над восстановлением Киево-Печерской Лавры.

-Какой разряд?

-Шестой.

-Что вы можете делать самостоятельно?

-Все, что нужно.

-Хорошо, покажите трудовую книжку, напишите заявление и завтра выходите на работу.

Этот новый рабочий по фамилии Чуйко ровно через месяц захотел стать начальником цеха, т.е. метил на мое место. Он быстро сдружился с Гончаровым, который был по образованию химик-органик, выполнял операцию фанерования кантов крышки стола, а по своему характеру был большой склочник. И решили они писать доносы сначала в ОБХСС Никифорову, другу Гизунтермана. Никифоров их вдохновил, что, дескать, как будет бумага на Смирнова, то мы его быстренько вышибем. На основании их бумаг – доносов, получалось, что Смирнов вор и жулик, торгует всем, чем только может, и никто на это не обращает внимания.

Когда они послали свою бумагу начальнику областного управления милиции, приехал начальник ОБХСС области. Меня вызвали в кабинет

**1960 год. Город Шостка.
начальник мебельного
цеха промкомбината**

начальника милиции города, где приезжий гость сразу, сходу заорал на меня, как только я вошел. Закричал, что я вор. Я ему таким же тоном кричу, что он взяточник. Тогда он кричит – докажи. Я ему кричу, ты тоже докажи, что я вор. Покричали, обменялись «комплиментами» и разошлись.

Клеветники увидели, что приезд грозного областного начальника не дал никаких результатов, тогда они сочиняют бумагу на имя предсовмина Украины Коротченко Демьяна Сергеевича, и везет ее лично сам Гончаров. После чего приезжает к нам на комбинат старший ревизор КРУ Минфина Украины тов. Банькодуд, который потребовал создать комиссию из нейтральных людей и провести полную

инвентаризацию – ревизию мебельного цеха. Комиссия была создана из восьми человек и работала целую неделю. Я должен сказать, что Банькодуд мне даже помог в списании материалов. Оказалось, что я мало списывал букового дерева.

Целую неделю цех лихорадило от всевозможных проверок. В это время Никифоров при встрече в городе с кем-то из моих друзей говорил: «Твоего друга осталось только подстричь, и поедет на Колыму». Когда мне передали слова начальника ОБХСС, то я ответил: «Если еще раз встретишь его, то передай ему, что на его рожу я положил... с прибором». Это его бесило основательно.

После всего Банькодуд пошел в прокуратуру, где писакам сказали: «Если поступит от вас какая-то кляуза на Смирнова, то каждый из вас получит срок за систематические шантаж и клевету». На этом их писанина и закончилась. Чуйко рассчитался и уехал из города, Никифоров перестал высказывать угрозы, а Гизунтерману я «отрезал дорожку» по продаже гвоздей.

Стали замечать пропажу заготовок столов и тумбочек. Вечером заготовки перекидывали через забор, уносили домой, дома собирали полностью все изделия и потихоньку продавали. Однажды я это обнаружил. Воровали в основном малоквалифицированные столяры. И я решил проверить, увидеть, как они это делают. Подъехал тихонько на мотоцикле, у меня был М-72, встал в темное место и наблюдаю. Вижу, идет кто-то к забору с ношей на руках и начинает перекидывать. Тут у меня внутри все закипело, я не выдержал, схватил вора и тряхнул хорошо, но побоялся, что в горячке могу и покалечить, отпустил. А он утром пошел не на работу, а в поликлинику. Его положили в больницу, где он пролежал две недели. Вот тут эта гоп-команда и воспрянула. Сейчас они никуда не писали, а ходили в горком и к прокурору. Начались проверки на разных уровнях, пошла ужасная нервотрепка. Один мой друг говорит мне: да уйди ты с этого комбината, зачем он тебе сдался. Видишь, они воруют, а пишут, что это ты ворует. Они доведут тебя до сумасшествия. И я с ним согласился, с комбината уволился.

В период проверок приехал ко мне председатель комиссии партийного контроля Сумского обкома партии Максимов. Он захотел убедиться, правда ли, что обо мне говорят, как о большом мастере. Я пригласил его к себе домой, показал тахту «Лира», буфет и платяной шкаф трехдверный. Он убедился, что люди говорят правду, спрашивает: «А если я закажу тебе спальный гарнитур, ты сможешь мне его сделать?». - «Конечно, смогу, но это будет дорого стоить, потому что это будет гарнитур высшего класса». В то время подобную мебель поставляли в Советский

Союз Югославия и Венгрия. Мне очень понравилась мебель из Югославии, фанерованная пирамидальным тополем светлого тона. А вот венгры фанеровали красным деревом – махагоном. И годилась она в светлую квартиру. Но цены были примерно одинаковы. Я сделал шкаф в расчете на то, что он будет мой, и продавать его не буду ни при каких обстоятельствах. У него были все три двери фигурные, и весь он был отфанерован очень красивым орехом, привезенным из Житомирской области. Для того чтобы изготавливать классную мебель, обязательно нужен пресс. Я сделал ручной механический пресс, правда, он был слабоват. Сделан он был из швеллера №12, а нужно было №16-18. Усилил его дубовыми брусками и так вышел из положения.

Итак, с комбината я решил уволиться. Как-то иду по улице и вижу на столбе объявление: «Меняю две комнаты общей площадью сорок два квадратных метра в городе Риге на отдельную квартиру в городе Шостка». Я сорвал объявление и начал обменные переговоры. Оказалось, что проделать обмен не так-то просто. В городе весь жилищный фонд ведомственный. Я тоже жил в доме, принадлежащем фабрике киноплёнки «Свема». Пришлось обращаться в суд. Когда все необходимые документы были собраны, я стал собираться в Ригу для окончательного решения. Да, пришлось продавать мой дорогой шкаф, немного подешевле своей стоимости. Этих денег хватило на поездки и для переезда. У меня получилось так, что променял две комнаты в коммуналке на такие же в коммуналке.

Да, не зря говорят, что переезд равняется пожару. Потому что со многими вещами приходится распрощаться. Что-то продать, а что выбросить. Накануне отъезда сделали вечеринку, посидели с друзьями, поговорили о прошлом, о планах на будущее.

Опять в Риге

Вот я снова в Риге. Опять нужно создавать уют в квартире, а это делается не сразу, потому что в запасе нет определенных средств. Купил в комиссионке сервант и обеденный стол – круглый, добротный, раздвижной, он мне очень нравился. В рассрочку купил диван и тахту, потом купил стулья. Вот и получился новый уют.

Нужно устраиваться на работу. Связался со старыми друзьями, и однополчанин Саша Юткевич порекомендовал сходить в ИТК №5, там требуются мастера мебельного производства. Начальник колонии майор Круминьш побеседовал со мной и сказал: «Вот бумага и ручка, садись, пиши заявление, завтра выходи на работу мастером в машинный цех на заготовку».

Здесь я впервые столкнулся с заключенными. Не скрою, поначалу было страшновато. Иду по цеху и оглядываюсь, не подходит ли кто сзади с деталью, чтобы ударить. Когда хорошо ознакомился, то стал сам над собой смеяться, что все-таки чудак. Мне было очень интересно, кто и за что

1966 год. Рига.

Со Станиславом и Марией

сюда попал. Самым интересным был Степан Нестеренко, родом из Житомирской области. Первая судимость его была за украденную буханку хлеба. А потом восемь лагерных убийств и двести лет судимости. Он знает все лагеря и почти во всех побывал. Но сидеть будет только тридцать лет. Когда я там работал, то Степан сидел двадцать девятый год и очень старался не нарушать ничего, потому что уж больно охота приехать домой, хотя дома осталась одна сестра. Я любил слушать его рассказы о различных приключениях. Он не бандит кровожадный, нет, очень хороший человек. А убийства его были вынужденные. Утром он узнает, что его какой-то зэк проиграл в карты. Тогда он старается убить игрока, чтобы остаться в живых самому. У нас был отстающий участок столярных плит. Стали думать, как его подтянуть. Решили поставить бригадиром Степана, и дело пошло с опережением. Его очень боялись, все-таки за плечами восемь убийств.

Второй интересный человек – Янка. Ходил он на протезе и выполнял работу лаборанта сушильной камеры, а их было три, сушилки работали перегретым паром. Он следил за правильностью сушки пиломатериала. Янка имел большую силу, а главное, что он ограбил – обворовал ровно СТО магазинов. Он много раз выходил из засады целым и невредимым, и попался только потому, что пуля попала в бедренную кость. Получил он двадцать пять лет строгого режима.

В беседах он говорил: «Вот этих мерзавцев, которые обкрадывают людей, надо уничтожать». «А ты, Ян, - говорю, - тоже подходишь под эту марку». На что он отвечал, что не обидел ни одного человека, воровал у государства и из-за этого не плакал никто, ни один человек. А вот

Ковалевская угнал в Грузию пять новых автомашин «Волга». Директор и главный инженер автобазы в г. Вильнюсе знали, какая организация получает «Волги», и готовили фальшивые документы Ковалевской. Как документы готовы, он берет их, и «Волга» поехала в Грузию. Я спросил Ковалевскую, что он имел от этих краж? Оказывается, как освободится, так они купят ему новую «Волгу», такой договор.

На участке покраски мебели работало два человека. Они научились пить ацетон вместо водки. Начинали с маленьких глоточков, и дошли до пяти больших глотков. Я спросил, как они себя чувствуют после такой выпивки. Они говорили: ходишь, как дурак, ничего не соображая.

В этой колонии проработал я недолго, очень изнурили ночные смены. Перешел на работу на вагоностроительный завод, в деревообрабатывающий цех, сокращенно ДОЦ. Из ДОЦа перешел на лесоучасток, который занимался снабжением завода всеми материалами из древесины. Пиломатериалы буковые получали из Румынии, а дубовые из Югославии. Пиловагоностроение получали из Коми, Кирова, Карелии, Архангельска, Вологды и других мест. А вот пилолиственницу - только из Красноярского края, из зоны затопления Богучанской ГЭС, а также из Алтая.

Вагонов приходило много, за год до восьмисот вагонов и до шестисот автомашин. Кроме пиломатериалов приходили автомашины с фанерой и столярной плитой, с древесно-слоистым пластиком, из которого делали скользящие подшипники. Много шло отделочного пластика. А вот в электричках для Югославии внутренняя отделка шла пластиком под сырой дуб. Я даже привез его домой в село Ильинское и сделал перегородки в своем доме, это красиво, и не надо красить. На лесоучастке работали три бракера. Щуголь ездил в командировки по лиственнице, Добрин по пиловагоностроению, в основном в Архангельск. А вот Юнкман занимался приемом материалов, прибывших автотранспортом. Когда завод стал выпускать холодильники, то мороки было очень много по обеспечению упаковки, она состояла из решетчатых

**1968 год. Рига.
Вагонзавод,
лесоучасток**

щитов, изготовление которых размещали в леспромхозах. Завод выпускал в качестве ширпотреба кроме холодильников детские санки, ломтерезки, гладильные доски и шинковки для шинкования капусты к засолке. А когда перестали выпускать холодильники, стали выпускать тележки – велоприцепы.

Работая на вагонзаводе, я очень много узнал и увидел при поездках в командировки. Приходилось ездить в тот или иной арбитраж по урегулированию спорных вопросов. Особенно много мороки было по материалам, идущим на мостики, устроенные на крышах вагонов. К ним предъявляются очень высокие требования, большие сучки не допускаются. Поэтому была бесконечная порча крови. Все потому, что лесозаготовители рубят лес сплошь, без разбора. У леса, который не достиг технического возраста, сучки начинаются от самой земли.

Приходилось ездить не только по пиломатериалам. Например, на Зеленодольском мебельном комбинате находятся наши два человека, а результата нет. Этот комбинат помимо мебели делает фанеру, вагонную плиту, которую обязан поставлять нам. Но отгрузки нет. Когда я туда приехал, то выяснил, что у них не хватает рабочих, чтобы выполнять все наряды. Директор показал мне пачку правительственных телеграмм, где и требуют, и просят, но комбинат не в силах их удовлетворить. У нас на заводе под угрозой срыва выпуск электричек. Когда я зашел к директору, то стали думать, как выйти из положения? Директор говорит, что единственный выход - самим идти на рабочие места и делать свою плиту. Я с ним согласился и работал на прессах две смены. Так и вышли из положения. Плиту отгрузили в вагон, и мы вернулись в Ригу.

Однажды поехал в командировку на станцию Решоты Красноярского края, это почти у границы с Иркутской областью. От Решот уходила железнодорожная ветка, там строилась Богучанская ГЭС. Начальник управления полковник Носс принял меня хорошо, вопрос поставки лиственницы решили быстро. И нужно-то было только мое согласие на погрузку в крытые вагоны. Железная дорога прекратила ставить под погрузку платформы, мотивируя тем, что заключенные сознательно закрепляют так, чтобы произошла авария на железной дороге. Находясь в гостинице, услышал такой разговор: в колонии неподалеку, от гостиницы надзиратель, находящийся на вышке, вдруг ни с того ни с сего стал стрелять по прохожим из автомата, несколько человек ранил.

Я несколько раз ездил в командировку в республику Коми, в Княж-Погост, иногда заезжал в Сыктывкар по вопросам поставки пиловагоностроения и прикрепления к поставщику. Километрах в пяти от города Княж-Погоста находится большая колония заключенных, в одной зоне

более пяти тысяч человек. У каждой колонии своя пилорама. Все пилорамы находятся в одном помещении легкого типа, т.е. каркасе, обшитом досками. Опилки отвозят на самосвалах на свалку. Свалка состоит из двух участков примерно 150x200 метров. Потом ее зажигают, а опилки и другой мусор возят на другой свободный участок, который будет заполняться так же. Потом его также зажгут, а опилки будут сваливать на сожженный участок.

Для нормальной работы всех пилорам суточная потребность круглого леса составляла тысячу кубометров. Заготовку леса вела колония в верховьях реки Вымь. Летом туда можно добраться только самолетом, потому что вокруг одни болота. Побегов из этой колонии нет, никто не уверен, что выйдет из болота. Однажды один опытный бандит соблазнил на побег трех молодых парней. Пока бродили по болотам, он по очереди съел всех троих. Когда вышел из болот, то нашел дом лесника, дождался, когда тот уйдет из дома. Убил его жену и тут же пережарил на котлеты. Этот бандит совершил много побегов и съел много людей. На папке его личного дела крупным шрифтом было напечатано ЛЮДОЕД. Его быстро поймали, увезли в Вологду и расстреляли. Дальше продолжать жить он не имел права.

Во время пересменки я иногда подходил к коридору, соединяющему жилую зону с рабочей, чтобы посмотреть на этих преступников. В основном это люди от 20 до 30 лет. Многие имеют жалкий вид. Куда же девалась их бандитско-воровская удаль?

Недалеко от поселка Железнодорожный, где была эта колония, находится поселок Южный. В нем живут люди, освободившиеся из мест заключения, но не имеющие права на жительство в центральных областях. Поселок довольно большой. Я однажды ради интереса прошел по некоторым улицам и обратил внимание, что ни на одной двери нет замков. Уже на выходе встретил двух мужчин. Спросил, почему в поселке ни одна дверь не заперта на замок? Здесь что, уже коммунизм? Мужчины, улыбаясь, ответили: «Здесь нет ни одного человека неосужденного, все живут на поселении. Каждый житель хорошо знает, что если он или она что-либо украдут, то на этом их жизнь кончается. А вот в городе или в ближайших деревнях они воруют».

Зимой 1979 года я последний раз приехал в командировку в Управление мест заключения, находящееся в поселке Вожаель. В этом поселке живут в основном служащие, обслуживающие управление, рабочие фермы, и дислоцирована бригада МВД. Когда я спросил замкомбрига, чем же он занимается со своей бригадой, то он ответил, что летом кормят в тайге комаров, а если точнее, то ищут сбежавших заключенных. А

также выделяют конвой – куда и сколько требуется.

Чтобы попасть в поселок Вожаель, нужно сойти с поезда на станции Висляна. К прибытию пассажирского поезда приходит маленький автобус, чтобы забрать пассажиров. Когда я ехал в автобусе, наблюдал за забором с левой стороны дороги. Это была зона очень большого лагеря, я бы сказал огромного, в лагере заключенных было более двадцати тысяч мужчин и женщин. Мне говорили, что в лагерной бане работала жена Михаила Ивановича Калинина. И ее не сносят, как памятник тех времен. Когда Берия пересажал всех жен больших руководителей, сам Калинин не смог справиться с ним. Потому что Берия подчинялся только Сталину и никому больше.

Однажды, приехав в Княж - Погост и решив вопрос отгрузки пиловагоностроения, захотел съездить в Воркуту, посмотреть, что это за город. Наблюдал из вагона, какие большие поселки брошены, к ним нет даже заячьего следа. Интересно было видеть, как отделяется тайга от тундры.

Сошел с поезда, первым делом надо взглянуть на сам город. Оказалось, что это даже не город. Здесь одна центральная улица и от нее отходят переулки в обе стороны. В одном конце авторемонтный завод. Вокруг города расположены шахты со своими поселками и по кругу поселков ходит автобус. В течение двух часов автобус объезжает это «Золотое кольцо» и возвращается в город. Я решил проехать по этому кругу, потому что быть в Воркуте и Воркуту не увидеть – непоправимо. Я увидел настоящий север и его природу, хотя и было это зимой.

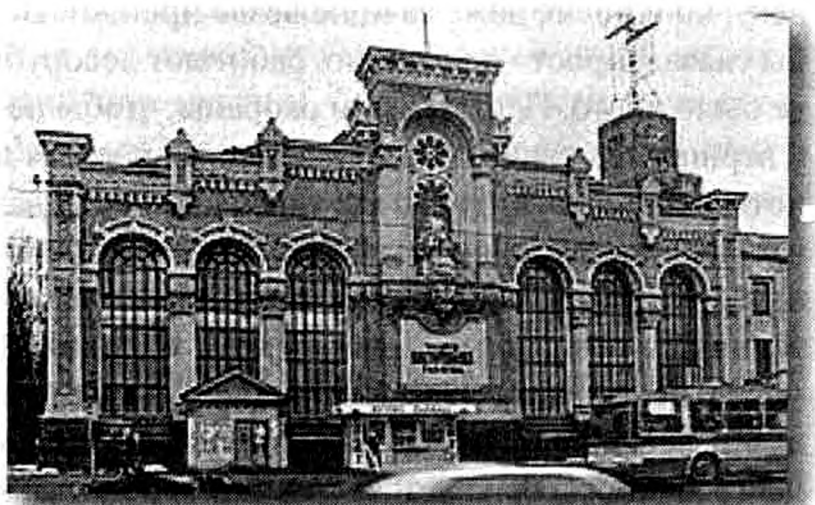
Как-то, находясь в кабинете начальника «Комилесснабсбыта» тов. Костюченко, завели разговор о культуре лесоразработок. У нас повсеместно в делянку зайти невозможно. Там нельзя пройти не только человеку, но и лосю, даже заяц не везде пройдет. Вот так бесхозяйственно, я бы сказал, просто преступно, работают лесорубы. А вот раньше в делянке было чисто. Пеньки были окорены, чтобы не заводился червяк. Сучья и вершинник сжигались. И в делянках первым делом росла земляника, а потом ее сменяла брусника, последней обживала делянку малина. Сейчас ни в одной делянке нет никаких ягод. Удивительно то, что горе-ученые придумали: все отходы от заготовки леса и все что сомнет и ломает техника, а это первый и второй ярус молодняка, все нужно оставлять на месте, не сжигать. Это якобы будет удобрением. Но всем разумным людям известно, что лес удобряет себя сам, и дополнительного удобрения не требуется. Получается, что эти горе-ученые являются не друзьями леса, а настоящими врагами его.

Вот разительный пример. В поселке станции Кослан жили десять тысяч болгар, заготовителей леса для Болгарии. Поселок благоустроен.

Дороги и тротуары асфальтированы. В домах все удобства. А в делянке болгар можно ходить босиком. Костюченко говорит, что они туда ездили принимать отработанные делянки. После увиденной работы болгарских лесорубов и наших советских оставаться равнодушным невозможно, просто сердце кровью обливается. А по телевидению и радио, в газетах только слышишь и видишь злополучное: давай больше, давай больше, а как давать, об этом гробовое молчание.

Получается, что лес разрабатывают злейшие хищники, губители природы. А основная причина кроется в планах правительства. Ведь чем больше заготовят сверхплана, тем больше получают премиальных. При такой системе будущим поколениям делового леса не останется. Технически спелого леса не будет, останется лес молодой, не достигший своего «совершеннолетия». Раньше, до революции, считалось, что спелая древесина – сто двадцать лет, это уже окрепшая древесина. Поэтому и построенные из такой древесины дома стояли долго. Потом технический возраст древесины стал уменьшаться и дошел до восьмидесяти лет, это телефонные столбы. Если раньше молодняк первого и второго ярусов сохранялся, то сейчас тяжелая техника его полностью уничтожает. Ломают и вдавливают в землю, в результате чего в отработанной делянке нет ни ягод, ни грибов. Эти делянки зарастают очень густым осинником и березняком так плотно, что ни о каких ягодах и грибах и речи не может быть. И такое положение на всей огромной территории России. В своей жизни я видел это во всех лесных местах. И это будет продолжаться до тех пор, пока не появятся руководители – здравомыслящие хозяйственники, а не абстрактные чиновники. Такая концепция была у коммунистической партии: давай больше, любой ценой, а о сохранности природы умалчивалось, потому и пришли к полному абсурду.

Работая на заводе ВЭФ, я ездил в командировки в основном на Урал. Работал я в отделе снабжения в должности начальника бюро строительных и вспомогательных материалов. Бюро состояло из пяти человек, включая и

Завод ВЭФ

меня. Со своими поставщиками я договаривался в основном по телефо-

ну. Бывали дни, что целый день не отходишь от телефона. А телефонных аппаратов у меня на столе было четыре, и концентратор на шесть номеров. Вот и крутись, как можешь, выкручивайся. Ко всему этому с утра стоит очередь экспедиторов на подпись накладных для получения со складов материалов, необходимых для работы производственных цехов, а их больше тридцати. Тут же в очередь стоят городские и иногородние получатели материалов и других ценностей. Все это мне нужно проверить.

В мое бюро входило товароматериальных ценностей более восьмисот наименований. И за год мы получали материалов более четырехсот вагонов по железной дороге и около восьмисот машин автотранспортом. Конечно, раз завод большой, значит, материалы в него уходят как в прорву. К таким объемам я привык, и это было нормально. Вот, к примеру, цемента Госплан дает заводу один вагон на квартал, а нам надо четыре, а иногда и пять – шесть вагонов. Конечно, честно говоря, выручали телефонные станции, безрядные или телефонные аппараты и транзисторные радиоприемники экспортного исполнения. Все это помогало получить цемента полную потребность. Вот таким образом завод выполнял программу по всем видам материалов.

Шутка ли сказать, завод на выполнение производственной и хозяйственной программы использует материалы более четырнадцати тысяч наименований. Поскольку безрезультатных командировок у меня никогда не было, то и посылали меня как «тяжелую артиллерию».

Вот командировка в город Киров. Там был поставщик – завод обработки цветных металлов, сокращенно – ОЦМ. Этот завод поставлял заводу ВЭФ латунную ленту твердую и полутвердую. Ширина ленты примерно сантиметров двадцать, она скручивалась в бухты и упаковывалась в рогожные мешки или в дощатые ящики. Все материалы заводу поставлялись по закрытому адресу: П/Я В. 28 – 68. Город Рига.

Цех, который доводит ленту до кондиции, называют выходящим. Этот цех производит закалку лент на четверть твердую, полутвердую, три четверти твердую и твердую. Начальника этого выходного цеха звали Игорем. Он очень хотел иметь транзистор экспортного исполнения. По телефону ему обещали. И вот я привез ему его мечту. Принимаются все меры для быстрой упаковки и отправки в аэропорт, для того чтобы успеть на проходящий через Киров самолет, идущий до Риги. Наконец-то, наша лента поехала в аэропорт и я за ней следом. В аэропорту согласовал отправку на прибывающий самолет. Начинается посадка, и я прошу стюардессу, чтобы она посмотрела в список отправляемых грузов. Она говорит мне: «Вашего груза нет». Меня будто кипятком ошпарило.

Побежал к начальнику аэропорта, вбежал в кабинет, а там проходило совещание, и кабинет был набит людьми до отказа. Я заорал, как только мог. Вижу, люди начали покидать кабинет, и остались мы вдвоем с начальником аэропорта. Пока я делал разнос, самолет улетел. Я весь горю от такой дикости, не могу прийти в себя. Начальник аэропорта спрашивает, устроит ли меня, если груз отправим в Ленинград? Самолет придет через несколько минут, и ваш груз будет погружен первым. Я согласился. Тогда он взял мой билет, сам пошел в кассу и переоформил билет через Ленинград. Я успел сообщить по срочному телефону, и на заводе организовали автомашину, которая уже ждала моего возвращения с грузом. Конечно, получилась небольшая накладка, зато мы успели войти в выполнение программы.

Однажды по аварийно-срочному пришлось лететь в Москву за получением серебра. Полетел прямо с работы, налегке. Завод драгметаллов находится на Калужской площади. Здание не очень большое, построенное из стеклоблоков. Интересно, я на подобных заводах еще не бывал. Здесь каждая дверь под видеонаблюдением, как внутри, так и снаружи. Я должен получить серебра 999 пробы, это почти чистое серебро, тридцать килограммов.

Перед тем, как получить, у меня спрашивают, есть ли оружие? Я говорю, оружия нет. «Тогда мы вам можем выдать только три килограмма», - отвечают. Опять ситуация нестандартная. Из разговора с начальником режима узнал, что им очень нужны телефонные аппараты. Решил пойти на сделку, зашел к начальнику режима и повел разговор о телефонных аппаратах. Он мне говорит, что нам нельзя верить, потому что уже приехал наш человек, наобещал и ничего не сделал. Я написал на фирменном бланке завода гарантийное письмо и только после этого получил разрешение на вынос серебра. На участке упаковки я попросил, чтобы сделали упаковку на два места, т.е. по 15 килограммов. Когда зашел в зал аэропорта, посадка на мой рейс уже шла. Я подошел к кассе и попросил билет, а кассир мне отвечает: «Мест нет, уже идет посадка». Тогда я молниеносно сообразил, что надо козырнуть серебром. Достал накладную, подаю ее кассирше и говорю: «Я снимаю с себя ответственность за сохранность вот этого груза». Она прочитала, что тридцать килограммов серебра, пробы 999, быстро дала мне билет и позвонила, чтобы не убрали трап, пока не сядет один важный человек. Замдиректора по сбыту Глазова я попросил отправить двадцать штук телефонных аппаратов без наряда заводу драгметаллов в Москву. А Василий Иванович Глазов мои просьбы всегда выполнял в первую очередь. Он хорошо знал, что если я к нему пришел с просьбой, то значит, ситуация была критическая. На

заводе мне верили, и я этой верой никогда не злоупотреблял.

Командировки на Урал, в Свердловск и Ревду тоже были хлопотными. В городе Ревда, на заводе ОЦМ (обработки цветных металлов) изготавливали латунные антенные трубки. Упаковывались они в ящики длиной три метра. Такие длинные ящики могли взять только самолеты ТУ-104. Когда наши ящики были уже на грузовом складе Свердловского аэропорта Кольцово, то по телефону связываюсь с аэропортом Красноярска, и прошу всех, чтобы оставили место в самолете для наших ящиков.

Конечно, на заводе ВЭФ легче приобретать материалы, потому что их продукция востребована везде, где живет человек, как в городе, так и в деревне. А вот вагоностроительному заводу намного труднее в получении безнарядных материалов. Что они могут предложить? Электричку и трамвай. Да и выпускаемый ширпотреб не всеми востребован. Настольные и настенные холодильники не зарекомендовали себя из-за плохих хладоагрегатов, которые поставлял завод РЭЗ. Весь выпуск ширпотреба вагонозавода состоял из велоприцепов, гладильных досок, детских санок, шинковки и ломтерезок. Конечно, все эти изделия не могут сравниться с транзисторами «Спидола» завода ВЭФ, в смысле востребованности.

Работая на вагоностроительном заводе, я ездил в командировки не только в Коми, но и в Архангельск – в Лесснабсбыт. Пиловагоностроение поставлял комбинат «Онегалес», он объединял больше десятка леспромхозов и две сплавные конторы. Контора комбината находилась на станции Плесецкая. Вдруг приостановилось поступление вагонов с пиловагоностроением, телефонные разговоры не дают нужных результатов. Я решаю, что надо ехать в Плесецк. Директор комбината был в отъезде, и за него оставался главный инженер Горбов Александр Александрович. Зашел в кабинет, представился, начались между нами разговоры о поставках пиловагоностроения. Дело было утром, и Александр Александрович пригласил присутствовать на оперативке, которая начинается через несколько минут. Я поблагодарил и сказал, что с удовольствием послушаю.

*1979 год. Рига.
С внучкой Олей*

Оперативка велась по селектору. Горбов спрашивает: «Кто докладывает?». С того конца отвечают: «Главный инженер такой-то» – «Как работают?» - Отвечает: «Пьют». – «Который день?» – «Второй», - Сколько еще будут пить?» – «Еще день!». Горбов говорит: «Следующий», спрашивает: «Работают?» – Нет. - А что? – Пьют! - Который день? – Первый. - И сколько еще будут пить? – Еще два дня. В некоторых докладах пить уже заканчивали, а где-то только начинали. Но пили везде три дня, и, пожалуйста, им не мешайте. Пили, конечно, не все поголовно, но их немного, они не хотят быть выскочками, отсиживаются дома, да не хотят гнева большой пьющей массы, это еще и небезопасно.

Я сидел на оперативке, почти не дышал. Старался не пропустить ни одного слова. По окончании Александр Александрович спрашивает меня: «Ну, как, Павел Владимирович, теперь вам понятно, почему задерживается отгрузка?». Я говорю, понятно. И добавляю, что в северных районах, видимо, нет Советской власти, и получается, что никто ничего не может сделать! Горбов говорит, что власть - то есть, но изменить создавшиеся условия уже никто не может. Если уволить всех пьяниц, тогда надо закрывать все леспромхозы. Но когда они пропьются, то работают злее, и некоторые дотягиваются до плана. Ведь они живут, как медведи, ничего не видят кроме леса и у них одна отдушина – пьянка. Вот поэтому и надо смиряться с ними. По окончании оперативки мы обсудили вопрос отгрузки пиломатериала, чтобы на заводе не оказалась невыполненной программа экспортной поставки электропоездов в Югославию. Это был вопрос политический. Александр Александрович Горбов произвел на меня самое хорошее впечатление, и я ему поверил. Он обещал, что в счет нарядов Малошуйского леспромхоза отгрузит несколько вагонов из леспромхоза Пукса – озеро. Через несколько дней стали получать вагоны из Пукса – озеро.

Последняя командировка была в январе 1979 года в Вожаель. Мать жила одна, и я решил приехать к ней в Ильинское. Это произошло в апреле 1979 года. В Риге я оформил квартиру на жену, подготовил ящики для упаковки своего личного барахла. Уезжал я из Риги и с завода временно, обещал, что через два - три месяца вернусь, со мной согласились. Через месяц после отъезда мне была выделена двухкомнатная квартира, считали, что я вернусь. Но жизнь распорядилась по-своему. Оказалось, что Ригу я покинул навсегда.

«На круги своя»

Развод с женой я оформил раньше, и меня с ней больше ничего не связывало. Итак, в начале апреля 1979 года я оказался в селе Ильинском. Дом мы перевезли из деревни Похвалы и построили его там, где он сей-

час и стоит. Поставили мы его в 1970 году. Пока возле дома не было никаких вспомогательных построек или пристроек. Ставили дом во время отпусков, и потому время было ограничено. Для перевозки я нанимал два лесовоза на Воймаса и Пеплова Николая для помощи в погрузке и разгрузке. На другой день я нанял бортовую машину для подвозки ступеней и других материалов.

Постелить пол и потолок, поставить косяки и вставить рамы мать нанимала Николая Александровича – племянника отца. Вскоре мать переехала в этот дом жить. Крылечко она сложила сама, забор поставила тоже сама, доска 2 метра и рядом доска один метр, а то и меньше, и со стороны посмотреть было очень интересно.

В первую очередь я сделал более или менее настоящее крылечко из кое-какого материала. Потом стал приводить в порядок забор. Леонид настелил пол в сенях и сделал уборную. Я прорубил два окна, одно в сени, другое в чулан. Потом Леонид остался и сделал входные двери в сени и врезал в них замок. Теперь мать могла запирается. Уже без нас она наняла Туманова сделать лестницу на чердак. Вот так дом стал постепенно обживаться, обустраиваться.

Я поменял пол в избе. И срочно надо было сделать заготовку дров. Я взял пилу «Дружба», которую привез с собой, и пошел по Барановской дороге, дошел до Воймаса и там нашел хорошие прогонистые березы. Снег был очень глубокий, и я от березы к березе переползал по-пластунски, продвигая перед собой пилу. От спиленных берез до дороги дорожки пришлось проминать, потому что глубина снега была как раз по подмышки, где же тут пройдешь? Леонид до моего приезда сделал небольшую пристройку в виде сарайчика, чтобы можно было кое-что туда положить. А я летом 1979 года сделал капитальный дровяник, обшитый с трех сторон горбылем, который заготавливал на Воймаса, а привозил его мне Павел Заикин. Я еще тогда почти никого в Ильинском не знал.

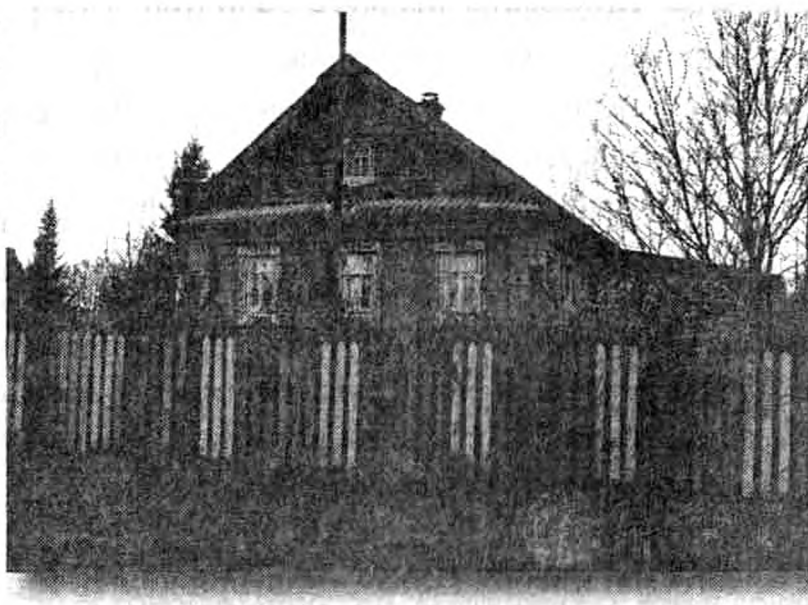
Конечно, перевозку дома мы, три брата, согласовали раньше. Мы условились, что все плотницкие работы берем на себя я и Леонид, а Сергей должен заготовить двадцать бревен – для замены погнивших и на подрубку. Таким образом, дом строили все. Вначале мы считали, что дом у нас будет, как летняя дача. Во время отпусков будем приезжать, кто захочет провести свой отпуск на своей родине, на берегу реки.

Но жизнь распорядилась по-своему. Сначала умер Сергей от пьянки, а потом и Леонид. А ведь мы хотели поставить ему дом, уже и лес заготовили, и дом перевезли, и вот он скорострительно умирает. Я в это время был в госпитале в Костроме. Дом в итоге распилили на дрова, лес продал, а земельный участок занял Морозов Николай. Вот так получилось:

я, старший, похоронил младших.

Теперь вот уже много лет я все обустроиваю и никак не могу все сделать. Сначала сделал ленточный фундамент, обшил дом снаружи. Потом обшил дом фанерой внутри, покрасил снаружи, сделал наличники.

В 1983 году я закончил строить мастерскую, где в одном конце баня, а в другом мастерская, в которой я делаю себе мебель. Сделал столик под телевизор, буфет и совместил комод с книжной полкой. Перегородки я привез с собой, это столлярная плита, отделанная пластиком под сырой дуб. Вся мебель фанерована, использована ножевая фанера: орех, махагон и уссурийский ясень. Местная древесина (сосна и ель) служит только как основа.

Дом в Ильинском, в котором живет П.В. Смирнов

2008 год. Ильинское. С женой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЕЩИЕ СНЫ

Когда я был маленьким, то в первую очередь моя мать, Прасковья Абрамовна, учила меня, как надо молиться Богу, как надо держать сжатые пальцы и как начинать креститься. А вот когда отелилась корова, и было сварено первое молозиво, то в обязательном порядке, как только взял в руки ломоть молозива, то нужно повернуться лицом к иконе, перекреститься три раза, при этом говоря: «Дай Бог Чернухоньке здоровья». Мать говорила: «Когда дети просят здоровья корове, лошади или человеку, то Бог обязательно обращает внимания на просьбы детей и обязательно исполнит их просьбу». Корова у нас была черная, беломордая, молоко у нее было очень жирное и поэтому вкусное.

Молиться нужно было в Пасху и в Рождество. А вот если кто-то за столом начинал громко говорить или прыскать себе под нос, мать говорила: «Веди себя хорошо, а то Бог все видит и накажет». И после этого за столом была тишина. И было, как правило: перед тем как сесть за стол, нужно обязательно перекреститься. Перекреститься нужно и тогда, когда выйдешь из-за стола. С самого детства я верил, что Бог есть и Бог меня вел по всей моей жизни.

На протяжении всей своей жизни я имел встречи с Богом, во сне, конечно, всего семь раз. Ниже я опишу суть этих встреч и их исполнение в жизни.

СОН ПЕРВЫЙ

Этот сон я видел перед войной в 1941 году.

Иду я из деревни Тихая, где родился, в деревню Похвала. Вижу, прямо ко мне спускается с горы... Черт! Ну, думаю, дело плохо! Он стремительно приближается, а у меня все онемело. Что делать? Когда он подошел на десять метров, то я вспомнил, что в таких случаях читают молитву. А я их не знаю, нас никто не учил. В руки к Черту ужасно не хочется, а он протянул свои лапы и говорит: «Долго за тобой гоняюсь, и вот теперь ты от меня не уйдешь!».

Вдруг меня осенило: надо перекреститься и позвать Бога на помощь! Поворотился к солнцу (оно было позади), перекрестился со словами: «Господи, спаси меня!», а сам искоса смотрю на Черта. Он остановился и опустил свои длинные мохнатые руки в двух метрах от меня. Я еще трижды повторил призыв к Богу, и Черт сначала начал пятиться назад, а потом повернулся и пошел на гору и в лес, туда, откуда пришел. А я

под солнцем вижу огромную гору, из которой по пояс виден Бог. И он говорит: «Дай мне руку!». И притянул меня в эту гору. Потом говорит: «Теперь ты никого не бойся, никто тебя не тронет». А я в этой горе вижу настоящий Рай. Тепло, зелено, люди ходят в легких одеждах. Когда осмотрелся, Бог сказал ангелам: «Покажите ему все, пусть все увидит сам». И я от восторга проснулся.

Как указания Бога происходили с 1941 года, т.е. с начала войны.

В 1941 году я стал младшим командиром. В 1942 году я был под Сталинградом, потом в госпитале. В конце 1942 года оказался в полковой школе, чтобы учить младших командиров для фронта. В 1943 году в Ульяновске была проведена массовая мобилизация, и был сформирован целый эшелон новобранцев, которых повезли в Монголию. Я был назначен старшиной эшелона. Не доезжая 75 км до Новосибирска, на станции Захолустное эшелон потерпел крушение. У меня, как у старшины эшелона, были три вагона с продуктами. Примерно за час до крушения начальник эшелона говорит мне: «Старшина, перейди в первый вагон и наведи там порядок, потому что новобранцы этого вагона на станциях занимаются мародерством». Я перешел в тот вагон и потому остался жив. Что это значило для меня? Я понял, что люди, приближенные к Богу, знали, что здесь и в это время произойдет это крушение, и потому перевели меня из продуктового вагона. Бог уберег меня, иначе я был бы раздавленным или разорванным.

СОН ВТОРОЙ

Этот сон приснился мне в 1942 году перед Сталинградским фронтом.

Шел будто бы я по степи и вдруг оказался в огромном болоте, где не видно ни конца, ни края. Воды в нем по пояс и все оно заполнено бревнами. Я остановился, не зная куда идти, потому что берега не видно, пройти невозможно. Сколько ни шел, вода не глубже, не мельче. Вдруг вижу, идет ко мне навстречу мужчина лет 50-ти. Когда подошел, спрашивает: «Что, не знаешь куда идти?». «Да», – отвечаю я. А сам смотрю на него и думаю, ведь это сам Бог! Тогда он мне говорит: «Иди за мной!», и мы пошли. Он впереди расталкивает бревна, делая проход. А воды все по пояс. День солнечный. Наконец, вышли на берег. А он мне и говорит: «Ну, вот теперь ты в болото долго не попадешь». Он ушел, а я остался на берегу, где тепло и сухо. И вроде я знаю уже куда идти.

Что означал этот сон практически? Болото-то это поле боя, а бревна – это трупы, там их было видимо-невидимо. Для движения танков не было свободной полосы, и они шли по трупам. Сказанное Богом, что

я теперь долго не попаду в болото, в жизни проявилось тем, что после госпиталей я попал в полковую школу учить младших командиров для фронта. Там я пробыл больше года. Потом послали учиться на офицера на целый год. А на фронт, т.е. в «болото», попал уже в конце войны. Получилось все так, как сказал Бог.

СОН ТРЕТИЙ

Третий сон я увидел в 1952 году, когда жил на Украине.

Получаю телеграмму, в которой мать сообщает: «Приезжай немедленно, если хочешь захватить отца живым». Когда приехал, увидел, что отец не встает и едва говорит, но разборчиво. Живу неделю, другую, а отцу не хуже, не лучше. 20 августа говорю матери, что 22-го поеду, надо на работу. Кто знает, когда с отцом что случится, у него никаких изменений нет. Отец услышал наш разговор и, когда я вышел на улицу, сказал матери: «Пусть Павлуха еще поживет, ведь я скоро умру».

После этого разговора ночью вижу сон. Сижу будто бы я на крылечке босиком, очень уж любил я ходить босиком в деревне возле дома по густой, мягкой траве. День солнечный. Вижу, к калитке подходит человек в одежде нищего. Калитку за собой прикрыл, идет ко мне и спрашивает: «Отец-то сильно болен?». Я отвечаю: «Да, сильно». И дальше произошел между нами такой разговор:

-Тогда ты отдай его мне.

-А ты кто такой?

-Я – Бог.

-Если ты Бог, то можешь его взять и без моего разрешения.

-Да, могу, но не буду. Без твоего согласия не возьму. А ты подумай, твой отец будет сильно мучиться, что это будет за жизнь?

-А разве нельзя ему помочь?

-Нет, уже поздно...

-А где он подцепил эту хворь?

-Когда в Токарихе клал печь, по дороге домой напился в речке и заглотил с водой.

Так ты отдашь мне отца?

Я подумал, отвернувшись, и говорю:

-Ну, а когда ты его возьмешь?, - а сам думаю: «Зачем отцу такое мучение?»

-Я его возьму 24-го числа.

-Ладно, бери, пусть не мучается.

-Хорошо, - и пошел к калитке. Как только ее закрыл, нет никого, будто и не было никакого человека.

Я об этом сне никому не рассказывал. А утром сказал матери, что на пару дней задержусь. Сам наблюдаю за отцом. И вот 24 августа в 14 часов отец умер. В последние секунды своей жизни он хотел что-то сказать, но получилось лишь какое-то бульканье ...

СОН ЧЕТВЕРТЫЙ

Суд живых и мертвых.

Этот сон мне приснился в 1960-е годы.

Снилось мне, что я у подножия огромной горы с западной стороны стою в военной форме. Оглядываюсь вокруг и вижу одни окопы, ячейки и щели в рост, другие как для пулемета. Но людей на поверхности очень мало, и все стоят неподвижно. Погода ясная. Вдруг солнце куда-то зашло, стало темно и прохладно. Люди задрожали от холода и я тоже. Тогда с горы спустились Божьи люди-ангелы. Все люди и я с ними стали просить, чтобы Бог дал нам хоть немного солнечного тепла. Сначала солнце осветило нас краешком, и стало теплее, но вдруг оно снова зашло. А из-за горы с востока вспыхнул яркий свет в виде мощного луча прожектора. Видим, по небу плывет Бог, озаренный сиянием, сидит он между двумя дирижаблями. Все смотрят на него, а Бог объявляет: «Вставайте все живые и мертвые! Вставайте беспрекословно!». Так он плывет и повторяет свой приказ.

Вдруг, вижу, как у подножия горы из окопов и могил встали люди в военной форме, их было очень много. Солнце вскользь освещает, и нам не холодно. Но вот солнце опять зашло, и снова стало очень холодно. В это время Бог уже скрылся за горизонтом, а Божьи люди-ангелы стали направлять всех наверх горы: и живых, и воскресших. Люди стали просить ангелов, чтобы Бог дал им побольше тепла, и он дал. Все люди идут на эту огромную гору. А там вся огромная вершина горы, словно фарфоровая площадка, обнесенная с востока барьером с точеными перилами, заполнена людьми в военной форме и гражданской одежде.

Я оказался на краю справа, рядом с текущим по мелкому желобку ручейком. Вода в нем чистая, как слеза. За перилами в центре сидит Бог, позади него Рай, где светло, тепло, зелено, воздух чистый. Справа от Бога сидит Черт и улыбается. А за ним разные инвалиды и уроды, кто мычит, кто хрюкает, кто мяукает. Еще дальше пустые виселицы. Слева от Бога небольшое смоляное озеро, где кипит, бурлит смола. Начался суд. Бог назвал фамилию, имя, отчество погибшего на фронте. Человек говорит: «На фронте вырвало живот». Бог отвечает: «Я наказал тебя за твой поступок». И людей поднимало и относило кого куда. Одного унесло прямо в кипящую смолу, и я видел, как перемешивала его кипящая смола.

Двоих Бог послал к Черту. А тот улыбается, протягивая свои мохнатые, длинные руки, и говорит: «Давай сюда». Запомнился суд над тремя военными из Владимирской, Ивановской и Псковской областей. Я потом даже собирался узнать о них в облвоенкоматах, да так и не собрался.

И вот очередь доходит до меня. Подошел ко мне ангел от Бога, положил свою руку мне на голову и спрашивает: «Крещеный или нет?» Провел ладонью – точно крещеный. Потом нажал мне пальцем слева над челюстью, и я потерял сознание. Упал головой к ручейку. Все вижу и слышу, но пошевелиться не могу. Ангел взял меня за руку, дунул на меня, и я вздохнул. Он поднял меня, и я почувствовал, что из того места, где он надавил, текла кровь прямо в ручеек. И я видел, как вода в ручейке становилась алая.

-Для чего ты это сделал? – спросил я у ангела.

-Узнавал чистоту твоей крови.

-А для кого виселицы?

-Для больших начальников и попов.

-Почему Суд начался раньше, чем указано в Писании?

-Да Господь решил устроить Суд раньше, потому что народ сбился с правильного пути.

Пока я беседовал с ангелом, народа на площадке осталось мало. Бог махнул рукой, и всех потянуло к Черту. А Черт был очень доволен, улыбался и протягивал свои длинные мохнатые руки. Потянуло и меня. Тогда я закричал, что меня проверили. Ангел подтвердил, и меня потянуло назад. В сильном напряжении и с частым сердцебиением, но с чувством радости, я проснулся.

СОН ПЯТЫЙ

Пятый сон я увидел в Латвии в 1962 году.

Во время Карибского кризиса я жил в Риге на улице Пакалниешу, по нашему Подгорная, между двух озер - Киш-озером и Бабела Эзерс. Здесь была подземная электростанция, работавшая на мазуте. По технической мысли она была вторая в Европе и работать должна в исключительном случае, когда на гидростанции Кегум произойдет непредвиденная авария или что-то подобное.

И вот снится мне дорога к дому. Иду я к нему мимо станции через болотистое место, а через осушительную канаву небольшой мостик. Подхожу к нему, а мне навстречу идет человек среднего роста, около 60-70-ти лет, в домотканой серой одежде. Я сразу понял, что это Бог, потому что видел его уже 4 раза. Он мне сказал: «Твой сон сбудется скоро, может быть, в нынешнем году».

Что значило сказанное Богом? В то время наши ракеты были установлены на Кубе. Американские летчики увидели, что стоят «дуры» выше пальм, и об этом доложили. Народ из южных штатов в панике хлынул в северные штаты, и президент Кеннеди потерял управление страной. Хрущев своим выступлением по телевидению остановил ядерную войну, до начала которой были считанные минуты. И народ с облегчением вздохнул. Конечно, знали и понимали это не все. Вот о чем Бог поставил меня в известность. Продолжения не было. Бог пошел дальше, а я к своему дому. Только потом я понял, какой катастрофой мог закончиться этот Карибский кризис между США и СССР. Что-то вроде страшного суда, на котором я уже был. Я тогда еще был военнообязанным.

СОН ШЕСТОЙ

На этот раз сон приснился в 1963-м году.

Семейная жизнь пошла у меня наперекосяк, и я стал подбирать себе другую женщину для дальнейшей жизни. Встретил ее и сильно полюбил. Но у нее была семья и двое детей. У меня один сын. И я все думал, как же быть. Мне было не по себе от мысли, что я разрушу чужую семью, и что скажут дети, когда вырастут. Они очень любили своего отца. Создалась невообразимая неопределенность. И вот мне снится сон.

Нахожусь будто я в своей большой комнате, и заходит ко мне человек без всякого стука, понимаю, что это Бог. Он подошел к столу, положил две фотографии размером с открытку и сказал: «С какой хочешь жить?». На фотографиях были моя жена и женщина, которую я любил. Вижу, что и она прекрасна, и жена недурна. Но в голове вертится мысль: «А как же будет с ее детьми?» Я мнусь с ответом и никак не могу решить. А Бог наблюдает за мной. Наконец, отвечаю: «Ни с какой жить не стану». Бог говорит: «Одному жить плохо. Но если ты не хочешь жить с этими женщинами, я тебе предложу другую. Вот посмотри». И подал мне фотографию незнакомой женщины. Я согласился, а он ушел.

Впоследствии, когда я развелся с женой и приехал жить домой к матери, которая болела и не могла себя обслуживать, я встретил женщину – вдову, ту самую, чью фотографию показывал мне Бог. С ней мы живем до сих пор, вот уже 25 лет.

СОН СЕДЬМОЙ

Приснился он мне в 2001-м году.

Каким-то образом я оказался в чистом поле, где нет ни кустов, ни деревьев и никаких построек. И как-то неожиданно оказался рядом с Богом. Вижу, стоит один венский стул и, чуть правее, какая-то будка. Бог

показывает мне на стул и говорит: «Садись, пригласил я тебя посоветоваться. Что делать с Израилем и арабами? Там вечный раздор. Что бы ты мне посоветовал там сделать?».

Я осмотрелся, вижу, в будке находятся люди – человек 5 или 6, и тянутся, чтобы увидеть меня, посмотреть с кем Бог разговаривает. Я стараюсь определить, кто там, и есть ли среди них наш Иисус Христос. Увидел одного европейца с усами, похожего на Иисуса Христа, но не уверен, что это он. Произвести разговор с Богом не могу, потому что мне не было дано его запомнить.

Вот и все мои сны о встречах с Богом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Село Ильинское. В своей мастерской

*Книжный шкаф.
Сделано
собственноручно*

Инструменты мастера

**Июнь 2008 года. Конкурс «Играй, гармонь».
П.В. Смирнов второй справа во втором ряду**

**Июнь 2008 года. Награждение П.В. Смирнова,
участника конкурса «Играй, гармонь»**

П.В. СМИРНОВ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Подготовлено к изданию МУК «Центр народного творчества и туризма «ГОРНИЦА» и редакцией газеты «Кологривский край».

Фото из семейного архива П. В. Смирнова.

Редактор

Э. К. Тимганов.

Корректор

Л. В. Зыкова.

Сдано в набор... Подписано в печать... Формат 60x84.

Бумага «Гознак». Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman.

Заказ № 2986

Сверстано и отпечатано в ГП КО «Издательский дом
«Ветлужский край» (г. Шарья, Костромской области).

Тираж 300 экз.

Павел Владимирович Смирнов хорошо известен в Кологривском районе Костромской области. Он ветеран Великой Отечественной войны, замечательный столяр-краснодеревщик, мастер на все руки, гармонист, автор многих публикаций в газете «Кологривский край».

Книга его воспоминаний «Память сердца» содержит рассказы о детстве и юности автора, старом деревенском быте, родной деревне Тихая, фронтовом пути, послевоенной жизни.